

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 2 (4)

Санкт-Петербург
2017

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Scientific journal

№ 2 (4)

St. Petersburg
2017

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2017
№ 2
(4)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор, Россия
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
И. А. Тропов, доктор исторических наук, профессор, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2017
№ 2
(4)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
L. Yu. Gusman, Doctor of History, Associate Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
N. D. Kozlov, Doctor of History, Full Professor, Russia
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
I. A. Tropov, Doctor of History, Full Professor, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- О.Ю. Солодянкина*
Репрезентации власти, «очеловечивание»
и вопросы безопасности: собаки в повседневной жизни
русской императорской семьи 9
- А.М. Семёнов*
«Будничные дни» Комиссии прощений в годы правления
Александра I 22

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- П.В. Крылов*
Религиозная повседневность финнов-лютеран
Санкт-Петербурга и Ленинградской области:
православное влияние и секуляризация 30

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Д.А. Мельникова*
Конская торговля в Российской империи
во второй половине XIX – начале XX вв. 42

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- О.В. Северцева*
Повседневная жизнь российских работниц
во второй половине XIX – начале XX в. в контексте «женского»
и «рабочего» вопросов (по материалам периодической печати
дореволюционного периода) 52
- В.О. Левашко*
Некоторые проблемы повседневной жизни начальствующего
состава Краснознамённого Балтийского флота
в преддверии Советско-Финляндской войны 1939–1940 гг. 61

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- В.Н. Бенда*
Становление и развитие русской артиллерийской науки
в XVII–XVIII вв. 69
- В.А. Верременко*
Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России
второй половины XIX – начала XX вв. 79

С.В. Голикова
Повседневная борьба за всеобуч:
внештатные корреспонденты газеты «Пермская земская неделя»
о народной школе (1907–1909) 106

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.В. Каминский
Павел Маркович Андрианов – «генштабист» Красной армии,
воскресший из мертвых 117

С.В. Любичанковский
Повседневность творческого процесса
в дневнике и письмах Л.Н. Большакова 122

Сведения об авторах 134

Contents

GOVERNMENT AND SOCIETY

- O.Y. Solodyankina*
The representation of power, "humanization" and security issues:
dogs in the daily routine of the Russian Imperial family 9
- A.M. Semenov*
«Common days» of the Committee of Petitions during
the reign of Alexander I 22

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

- P.V. Krylov*
Religious daily routine of the Finnish-Lutheran in Saint-Petersburg
and Leningrad region: the Orthodox influence and secularization 30

ECONOMIC DAILY LIFE

- D.A. Melnikova*
Horse-trading of Russian Empire in the second half
of XIX – at the beginning of the XX c. 42

EVERYDAY LIFE OF CERTAIN SOCIAL GROUPS

- O.V. Severtseva*
Daily routine life of Russian workwomen in the second half
of XIX – early XX century in the context of "female" and "work"
issues (according to the materials of the periodical press
of pre-revolutionary period) 52
- V.O. Levashko*
Some problems of the everyday life of the Baltic fleet officers
on the eve of the Soviet-Finnish war in 1939–1940 62

SCIENCE AND EDUCATION

- V.N. Benda*
The formation and development of Russian artillery science
in the XVII–XVIII centuries 69
- V.A. Veremenko*
Hygiene of schoolchildren in the noble-intellectual families
of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries 79
- S.V. Golikova*
Everyday struggle for compulsory education: the freelance
correspondents about public school in newspaper
"Perm Zemstvo's Week" (1907–1909) 106

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>V.V. Kaminsky</i>	
Paul Markovich Andrianov – "General staff officer" of the red Army, raised from the dead	117
<i>S.V. Lyubichankovskiy</i>	
Daily routine of the creative process in the diary and letters of LN. Bolshakov	122
About authors	135

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 94(47):372.3:636.7
ГРНТИ 03.23: История России

О.Ю. Солодянкина

Репрезентации власти, «очеловечивание» и вопросы безопасности: собаки в повседневной жизни российской императорской семьи

В статье рассматриваются сюжеты, связанные с репрезентацией императорской власти (с Петра I и до царствования Николая I включительно), восприятием самих себя и ближайшего окружения, проблемами безопасности императорской семьи и их окружения через призму присутствия в повседневной жизни императорской семьи домашних животных – собак. Жизнь этих собак частично была собачьей (включая кусание тех или иных людей), но во многом воспринималась как аналогичная человеческой и даже непосредственно императорской, а их поведение очеловечивалось, репрезентовалось как образцовое для подданных. Очеловечивание перешло и на мемориальные практики. Императоры и императрицы в повседневной жизни могли позиционировать себя как покровителей всех «братьев наших меньших» – и собак, и простого народа, и в то же время выступать «грозой» для проворовавшихся аристократов и чиновников.

Ключевые слова: повседневная жизнь, российская императорская семья, взаимоотношения человека и животных.

O.Y. Solodyankina

The representation of power, "humanization" and security issues: dogs in the daily routine of the Russian Imperial family

The article is devoted to the themes connected with representation of the imperial power (from Peter the Great to Nicholas I), problems of safety of an imperial family and their environment through a prism of presence pets (dogs especially) at their everyday life. Life of these dogs only partially was typical for dogs (including biting of these or those people), but in many respects it looked like human life and even directly imperial life, and their behavior was humanized. It was represented as a sample for citizens. The Emperors and Empresses in everyday life could present themselves as patrons of all "our little brothers" – dogs, and the common people, and at the same time to be a "storm" for the thieving aristocrats and officials.

Key words: everyday life, Russian imperial family, human-animal interaction.

Человек – часть природы, но наши взаимоотношения с природой носят сложный, амбивалентный характер [1]. Многие из представителей флоры и фауны «вписаны» в человеческую жизнь, так же как и человек (например, существование в нем) является частью жизненного цикла ряда обитателей животного мира. Длительное время рядом с человеком «идут» собаки, скорее всего, древнейшие прирученные животные. При этом роль животных меняется в разные эпохи и в разных регионах [2–5], осмысление чего вызывает появление различных антрозоологических (междисциплинарных по существу) гипотез. В последнее время за рубежом вышли работы, посвященные компетентности собак в понимании человеческих коммуникативных сигналов, их способности к инициированию контактов с человеком [6–9].

Однако в данном исследовании нас будут интересовать не столько животные, сколько сюжеты, возникающие вокруг них и с их участием. По тому, как человек общается (или же, наоборот, не общается) с животными, можно многое сказать о нём самом, уровне его развития, душевных качествах, привычках и т. п. Типичной является ситуация «очеловечивания», когда животным приписываются человеческие эмоции, человеческие роли, человеческие модели поведения; животные воспринимаются как члены семьи [10], наделяются статусом значимых других [11]. О взаимоотношениях человека и животных в контексте российской истории говорится в работах И.В. Зимина. Описывая историю царских резиденций и разбирая повседневную жизнь императорской семьи, И.В. Зимин приводит многочисленные примеры, свидетельствующие об особом отношении различных представителей российской императорской семьи к тем или иным домашним животным [12–13].

В данной статье мы остановимся на сюжетах, связанных с репрезентацией императорской власти, восприятием самих себя и ближайшего окружения, проблемами безопасности императорской семьи и их окружения через призму присутствия в повседневной жизни домашних животных – собак.

Царская власть в России с давней поры была связана с понятием «царской грозы», которая имела и аспекты физической безопасности, точнее, наоборот, угрозы для нерадивых подданных. Сам лик царя должен был внушать страх, ужас, благоговение – всю гамму этих чувств сразу. Примерно об этом говорится и в гениальном описании внешности Петра Первого, оставленном Пушкиным в поэме «Полтава»: «Выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, Он весь как божия гроза» [14, с. 228].

Заметим, что в правление Петра I безопасность имела прежде всего подтекст, связанный с окружающими Петра людьми, ведь царь-реформатор был скор на расправу, и многие попробовали на

себе/своей спине его знаменитую палку. Характерен рассказанный А.К. Нартовым эпизод (известен в передаче его сына) с любимым гладкошерстным терьером¹ Петра Лизеттой (привезена примерно в 1705 г. из Полоцка «Данилычем», А.Д. Меншиковым; неслучайно Петр любил называть собачку «Лизетта Даниловна», а скончалась она, видимо, в 1721 г.): «Государь, возвратясь из сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: «Когда б послушны были в добре так упрямы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побои; знать, в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямство» [15, с. 43]. Петр явно осуществлял перенос ожиданий с людей на собаку: идеальное поведение включало в себя, по его мнению, послушание, и собака демонстрировала это послушание, в отличие от приближенных, вызывавших своим непослушанием гнев государя.

Во времена Петра и изобретателя-механика Нартова отношение к животным было совершенно отличным от нынешней традиции восприятия собак как членов семьи; лишь недавно собак перестали считать «нечистыми» животными и стали держать в доме. Неизвестно, были ли вхожи во дворец собаки предыдущих царей, или они жили исключительно на псарне, но Лизета, как сообщал Я. Штелин, «так была привычна к Государю, что никогда от него не отставала; когда ж он выходил, то лежала в кабинете на софе, пока он возвращался; увидевши ж его, опять прибежала к нему, ласкалась, прыгала на него, ложилась против него, когда Государь садился; во время ж обыкновенного его отдохновения после обеда всегда лежала у ног его» [16, с. 37–38]. Домашние животные, и прежде всего собаки, демонстрируют именно то поведение, которое приводит к успеху в межкультурной коммуникации: слушают внимательно, проявляют заинтересованность в том, что говорится, настраиваются на ту же эмоциональную волну и т. п. Современные специалисты по этологии (науке о поведении животных) написали уже много работ о сходных поведенческих механизмах человека и животных.

Еще один эпизод с Лизетой понятен в контексте тогдашней российской действительности, когда доносы и жалобы на неправильные действия тех или иных должностных лиц поступали в большом

¹ Встречающаяся в некоторых текстах информация, что это была левретка, привезенная самим Петром из Англии в подарок Екатерине, не соответствует действительности. После кончины Лизеты (Лизетты) Петр приказал сделать из нее чучело и разместить в Кунсткамере. Сейчас этот экспонат хранится в Зоологическом музее в Санкт-Петербурге в одной витрине вместе с другими животными, принадлежавшими Петру, – лошадью Лизеттой и собакой породы буленбейцер Тиран, и любому посетителю очевидно, что это отнюдь не левретка.

количестве, и Петр мгновенно раздражался, свирепел и часто выносил поспешные и неправые приговоры, а возражать разгневанному царю не решался никто. Итак, очередной знатный придворный впал в немилость, был посажен в крепость, и император говорил, что прикажет высечь его на площади кнутом. Просьбы жены о помиловании этого придворного вызвали новую вспышку гнева; Петр запретил кому бы то ни было говорить о невинности осужденного и просить его помилования. Хитрая Екатерина нашла способ обойти прямой запрет императора, используя нестандартный подход и рассчитывая, что он оценит ее изобретательность: дождавшись отъезда мужа в Адмиралтейство и Сенат, она приказала написать короткую челобитную с указанием обстоятельств, доказывающих невинность придворного служителя, и просьбой о помиловании от имени Лизеты и прикрепить бумагу за ошейник собаки. Вернувшийся Петр сразу же обнаружил прошение за ошейником подбежавшей приветствовать его собаки, прочитал, засмеялся и сказал: «И ты, Лизета, с челобитными ко мне подбегаешь! Я исполню твою просьбу, для того, что она от тебя первая» [16, с. 39]. Арестант действительно был отпущен домой, и эпизод, грозивший как минимум потерей чести и доброго имени, для него завершился благополучно.

Еще один эпизод немотивированной (и, как впоследствии оказалось, не имевшей места в действительности) «царской грозы» связан с правлением Екатерины II. Случай известен нам в изложении французского посланника при дворе Екатерины II графа Л.Ф. де Сегюра (1753–1830). Сегюр указывал, что правдивость этого рассказа ему свидетельствовали несколько человек, и особенный ужас этому эпизоду придавал тот факт, что всё случилось в царствование императрицы, славящейся своими мудростью, благоразумием, кротостью и добротой. Итак, богатый иностранец, банкир Сутерланд, принявший русское подданство, в один совсем не прекрасный для себя день был извещен полицмейстером, что по приказу императрицы из него должны сделать ... чучело. Изумленному и глубоко шокированному банкиру разрешили в течение четверти часа привести в порядок дела, и он воспользовался этим временем, чтобы написать письмо с просьбой о милосердии к императрице. Полицмейстер, которому разгневанная Екатерина, отдавая распоряжение об изготовлении чучела, напомнила об его обязанности беспрекословно выполнять все ее приказания, не решился отнести письмо банкира ей, а отдал его графу Брюсу. Граф немедленно поехал выяснять обстоятельства дела у императрицы, подозревая полицмейстера в припадке сумасшествия, и оказалось, что произошло недоразумение, «забавный и странный случай» [17, с. 41] по определению расхожавшейся Екатерины. Оказалось, что Судерландом звали маленькую собачку, подаренную императрице банкиром Су-

дерландом. Екатерина рассказала Брюсу, что очень любила эту собачку, но «недавно она околела, и я приказала <...> сделать из нея чучелу, но, видя, что он (т. е. полицмейстер – О.С.) не решается, я рассердилась на него, приписав его отказ тому, что он из глупого тщеславия считает это поручение недостойным себя» [17, с. 41]. Показательно, что в этом эпизоде Екатерина действовала еще как Петр I, который тоже приказывал изготавливать чучела из своих околелых животных, а впоследствии при ней сложились мемориальные практики (похороны собак), аналогичные человеческим. Но еще страшнее в этом эпизоде полная незащитность человека (пусть и придворного банкира), в данном случае связанная с путаницей имен: собачка была названа по имени человека, подарившего ее, и судьба тела умершей собачки (в данном случае изготовление чучела) экстраполировалась на живого человека, вызывая у Екатерины только смех и никаких других эмоций.

Не чувствовали себя в безопасности и те, кто окружал сына Екатерины II Павла I. Тяжелый нрав императора испытали на себе многие придворные, военачальники, даже члены императорской семьи. Однако, как подчеркивали мемуаристы, простой народ был в гораздо более выигрышном положении – как и собаки. В семье Башуцких от отца к сыну передавался такой рассказ о привычках Павла последних месяцев его жизни: «когда Павел I жил в Петербурге, в нынешнем Инженерном замке, то вахт-парады в его присутствии происходили в хорошую погоду на площади этого замка. На вахт-парады обыкновенно собиралось много простого народа и – собак. Ни первого, ни последних никто не смел отгонять и они свободно теснились, народ – позади, а собаки – впереди Павла I. К простому народу Павел I был всегда ласков и когда войска на вахт-параде строились для прохождения мимо него, он тростью своею слегка отодвигал народ, говоря: "Прошу отодвинуться немного назад", затем, взяв трость свою под левую мышку и сняв с правой руки перчатку с крагенами, вынимал из правого кармана своего куски хлеба и подчивал им теснившихся к нему собак. Когда же войска уже подходили, он слегка отгонял собак тростью, говоря: "Ну, теперь ступайте", и собаки, понимая это и получив свою подачу, сами собою удалялись» [18, с. 739]. Здесь Павел явно позиционировал себя как патрона, благодетеля, покровителя, и эта роль прекрасно удавалась ему по отношению ко всем «братьям меньшим» – что людского рода (крестьянам), что животного (собакам). Однако не всех собак Павел жаловал в равной степени. Моськи, и прежде всего само слово «моська» (а так принято называть небольших собачек, тупорылых и курносых, прежде всего породы мопс), вызывали его негодование. Почему? Внятных объяснений этому поведению Павла, как и во многих других случаях, нет. Может, он чувствовал, что слово слиш-

ком подходит к нему самому, курносому, маленькому по сравнению с великаном-предком Петром Первым? Сохранилось предание об эпизоде, чреватом визитом в полицию для четырнадцатилетней девчушки Марии Торсуковой (Тарсуковой) (1787–1828), внучатой племянницы Марьи Саввишны Перекусихиной (1739–1824), любимой в прошлом камер-юнгферы Екатерины II: она проходила, «гуляя с своей англичанкой, мимо памятника Петра Великого, у которого был постоянный сторож, чтобы не допускать тогдашних шалунов наклеивать на памятник ругательные афишки. Бывшая с ними моська от них отбежала, и молоденькая Тарсукова начала её звать; громкий оклик сторожа заставил вздрогнуть гуляющих. "Какое слово ты это сказала?" – "Я ничего-с, – отвечала девочка, – я зову к себе мою моську". – "Как ты смеешь! Моську! Знаешь ли кто у нас моська?" И тут схватил её за руку, чтобы вести в полицию». Прохожие уговорили сторожа замять инцидент и отпустить девочку, а «английская гувернантка долго не могла понять негодования полицейского сторожа, до нее не доходило, что император Павел преследовал мосек и не мог терпеть этого слова» [19, с. 192].

Мать Павла, Екатерина II, любила собак и окружала себя ими, что запечатлено на многих картинах. Судя по портретам, можно сказать, что Екатерина с удовольствием представляла себя не только как Минерву, ученую Семирамиду, но и как добрую покровительницу животных. Из всех пород собак Екатерина предпочитала левреток, миниатюрных собачек из Англии, первая пара которых была подарена ей британским медиком Томасом Димсдейлом (1712–1800). Димсдейл прибыл в Россию в 1768 г., чтобы сделать прививку от оспы самой императрице и ее наследнику. За успешную работу он получил титул барона, а по возвращении на родину послал Екатерине пару левреток – сэра Томаса Андерсона и герцогиню Андерсон (Дюшесу, или Дюшессу). Эти собаки оставили большое потомство, и Екатерина с удовольствием описывала в письмах своему постоянному confidentу барону Фридриху Гримму разные происшествия, связанные с этими собаками, указывая, в какие знатные российские семьи попали щенки – потомки легендарного сэра Томаса. Собаки выступали для российских аристократов способом приблизиться к императорской семье, практически породниться с ней, ведь Екатерина была весьма разборчива в определении потенциальных хозяев для щенков-левреток из своего выводка. «Родство» по собакам выступало определенным маркером близости к императорской семье, а поведение сэра Томаса, главы большой собачьей семьи, своего рода *pater familiae*, во многих аспектах имело прямые аналогии с поведением матушки-Екатерины, по крайней мере, рассказы самой Екатерины в письмах Гримму о поведении сэра Томаса позволяют эти аналогии провести [20].

Очеловечивание собак привело к формированию особых мемориальных практик. Для собачек императрицы было устроено кладбище: в 1772 г. в Царском селе была выстроена Египетская (Собачья) пирамида в качестве усыпальницы [21, с. 172], впоследствии перестроенная Ч. Камероном. Места погребения были отмечены досками из белого мрамора с высеченными на них эпитафиями. В июне 1826 г. французский путешественник Ф. Ансело видел эту пирамиду и зафиксировал: «здесь покоятся останки трех левреток Екатерины II. Перед пирамидой установлены три надгробных камня с остроумными эпитаграмматическими надписями» [22, с. 125].

Левретки служили живым напоминанием того, как радикально Екатерина решила вопрос, связанный с безопасностью династии в условиях свирепствовавшей оспы, страшной инфекционной болезни, подкосившей в начале XVIII в. в Англии династию Стюартов и нанесшей страшный удар в середине XVIII в. по австрийским Габсбургам: Екатерина пригласила британского врача Томаса Димсдейла, чтобы сделать ей оспопрививание [23]. В 1781 г. Димсдейл был снова вызван в Россию, чтобы сделать прививки старшим внукам Екатерины – великим князьям Александру и Константину Павловичам. Приехавший в Россию со своей третьей женой Димсдейл выслушал рассказ императрицы о судьбе потомства первой пары левреток, присланных им за одиннадцать лет до того («Императрица сказала барону, что Том – так зовут собаку – и его супруга были весьма плодовиты и оставили потомство более многочисленное, чем авраамово, но сейчас они состарились и удалились на покой»), а его жена увидела, что ранним утром Екатерина выходит гулять вместе с этими собачками [24, с. 101]. В прощальной записке Димсдейлу, написанной по-французски, императрица еще раз, по-английски, подчеркнула значимость его действий для решения проблемы безопасности императорской семьи: «Я никогда не забуду того, что он спас меня, моего сына и моих внуков от такой угрозы, как оспа» [24, с. 107].

С собаками связано и почти экзистенциальное по содержанию послание Екатерины II, как известно, не преуспевшей в жанре стихотворного сочинительства (в отличие от практически всех остальных сфер человеческой деятельности¹). Екатерина написала (по-французски) шуточную эпитафию своему псу Линдору:

«Здесь покоится прах пруссака Линдора
Который был очень красивой собакой;

¹ А. Фитцгерберт (1753–1839), британский посланник, во время поездки в Крым сопровождавший Екатерину II, утешал императрицу, явно раздосадованную своими неудачными опытами сочинительства, сказав ей: «Что же делать! Нельзя же в одно время достигнуть всех родов славы» [17, с. 163].

Заброшенный своим жребием,
В довольно плохом виде, из Берлина,
Он постепенно здесь разжирел
И потом обратился в тлен.
Не станем распространяться о свойствах его:
Он легко прыгал и кушал много» [25, с. 222].

По сути, в этой эпитафии можно разглядеть отражение основных этапов биографии самой императрицы: как и Линдор, она прибыла в Россию из Германии (заброшенная «своим жребием»), бедная («в довольно плохом виде»), но симпатичная принцесса (а может, красивая принцесса – ведь Линдор «был очень красивой собакой» – что знаем мы об екатерининской самооценке ее внешности? – по сути, ничего); по молодости Екатерина была легка на подъем (и Линдор «легко прыгал»), особенно по контрасту со стареющей императрицей Елизаветой Петровной, но с годами стала тучной (и Линдор «постепенно здесь разжирел»), а это уже было опасно для здоровья, вот и Линдор «обратился в тлен», и Екатерина, возможно, сама себе давала зарок не «кушать много», и Димсдейл во время повторного визита в Россию в 1781 г. прописал ей отказываться от ужина и выпивать только рюмочку вина.

Снова вернемся к аспекту физической безопасности, ведь собаки, как известно, «бывают кусачими» и не только «от жизни собачьей», поскольку в императорской семье им обеспечивали жизнь гораздо более высокого уровня. Такое поведение (кусание) заложено в природе собак, и человеку нужно помнить об этом и не переступать барьера фамиллярности даже со своими собаками, а тем более чужими.

Так, находившийся в России с визитом прусский принц Вильгельм (1797–1888), будущий кайзер Вильгельм I, любимый брат тогда еще только великой княгини Александры Федоровны, жены Николая Павловича, гостил в Константиновском дворце. Там же жил великий князь Михаил Павлович (1798–1849), младший брат императора Александра I. Прусский принц решил поиграть с собакой великого князя Михаила и был укушен ею в ногу [26, с. 33]. Доктора, опасаясь последствий, прижгли небольшую ранку и в течение нескольких дней не позволяли принцу покидать помещение. Прусский принц нарушил и до сих пор действующее неписаное правило поведения с чужими собаками, раздразив ее; а доктора той поры, еще не умевшие лечить бешенство и не понимавшие природы этого заболевания, отреагировали так, как полагалось в случае укуса бешеным животным: прижгли ранку и изолировали укушенного, поместив его на своего рода карантин. Мемуарист не оставил свидетельств о том, что случилось с собакой: обычно животных, подозреваемых в бешенстве, тут же ликвидировали. Но на любимую собачку великого

князя Михаила Павловича это правило могло и не распространяться, ведь укусы императорских / великокняжеских собак воспринимались как знак отличия.

Еще один укус собачки вдохновил Екатерину II на стихи. Для надгробной эпитафии одной из своих левреток, Дюшесы (т. е. Герцогини) Андерсон, Екатерина II сочинила по-французски следующее рифмованное двустишие:

Ci-git la duchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson

(Под камнем сим лежит Герцогиня Андерсон, укусившая господин Роджерсона) [17, с. 163]. Надо заметить, что шотландец Джон Роджерсон, John Samuel Rogerson (в России его называли Иваном Самойловичем) (1741–1823), был в течение многих лет лейб-медиком императрицы, практиковавшим преимущественно кровопускания [27], поскольку другие варианты лечения Екатерина считала малоэффективными. А вот самому Роджерсону кровь, очевидно, пустила левретка Екатерины по кличке герцогиня Андерсон.

Однако укус собаки был не единственной моделью поведения, опасной для окружающих, – как в непосредственном физическом смысле, так и в психологическом. Дело в том, что собака могла выступать своего рода «боевым снарядом», орудием, которым наносится удар. Так, у младшей дочери Николая I, Александры (в семье ее называли Адини) (1825–1844), в течение некоторого времени гувернанткой была англичанка мисс Броун (Miss Brown¹). Именно с ней связан неприятный инцидент периода визита принца Оранского (женатого на сестре Николая I Анне Павловне) с сыном Александром (1817–1890) в Россию. Двоюродный брат царских дочерей, этот семнадцатилетний отпрыск Нидерландского королевского дома был очень труден в общении. Постоянно проводя время с кухнями, он контактировал и с их воспитательницами. Как вспоминала впоследствии великая княжна Ольга Николаевна, королева Вюртембергская (1822–1892), голландский принц Александр был невысокого мнения о мисс Броун, находя ее глупой, хотя в то же время боялся её. По словам Ольги Николаевны, однажды принц Александр «бросил ей в лицо нашу болонку, разозлившись на то, что она выбрала его партнёром во время игры в "Молчание". Она должна была это сделать поневоле, оттого что он был последним. Никто не хотел с ним иметь дела, постоянно приходилось его удалять насильно, и когда его воспитатели брали его под руки, он награждал их пинками ног. Я думаю, он царапался бы, если бы это было возможно. История с мисс Броун и болонкой дошла до ушей его отца. Он получил 24 часа домашнего ареста» [28, с. 165]. Как отреагировала на эпи-

¹ Гувернантка в императорской семье до 1836 г., впоследствии замужем за Ф.П. Литке. Ю. Литке умерла в 1843 г.

зод мисс Броун, извинился ли перед ней сын принца Оранского – мемуаристка не сообщила, ведь обстоятельства жизни гувернантки были гораздо менее интересны, чем то, что связано с жизнью коронованных особ. Но также неизвестно, как перенесла этот эпизод болонка.

Итак, в повседневной жизни нескольких поколений российской императорской семьи непременно присутствовали собаки, чья жизнь частично была собачьей (включая кусание тех или иных людей), но во многом воспринималась как аналогичная человеческой и даже непосредственно императорской, а их поведение очеловечивалось, репрезентовалось как образцовое для подданных. Очеловечивание перешло и на мемориальные практики: собакам было устроено мемориальное кладбище с архитектурными формами работы выдающихся мастеров и эпитафиями высочайшего авторства. Императоры и императрицы в повседневной жизни могли позиционировать себя как покровителей всех «братьев наших меньших» – и собак, и простого народа, и в то же время быть «грозой» провинившимся аристократам и чиновникам.

Список литературы

1. Круглова Л.К. Человек – природа – общество – культура: социокультурная антропоэкология: моногр. – СПб.: ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова, 2013. – 118 с.
2. Никольская А.В. Взаимодействие человека с домашними животными: теория, методология, практика. – М.: Перо, 2012. – 452 с.
3. *Animals and human society: changing perspectives* / edited by Aubrey Manning and James Serpell. London; New York: Routledge, 1994. – 199 p.
4. *Animals in our lives: human-animal interaction in family, community, and therapeutic settings* / Peggy McCardle ... [et al.]. Baltimore: Paul H. Brookes, 2011. – 242 p.
5. *Companion animals in everyday life: situating human-animal engagement within cultures* / Michał Piotr Pręgowski, editor. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. – 313 p.
6. Marshall-Pescini, S. & Kaminski, J. The social dog: history and evolution // *The social dog: cognition and behavior*. Kaminski, J. & Marshall-Pescini, S. (eds.). San Diego: Academic Press Inc., 2014. – P. 3–34.
7. Kaminski, J. & Nitzschner, M. Do dogs get the point?: a review of dog–human communication ability // *Learning and Motivation*. 2013. Vol. 44. № 4. – P. 294–302.
8. Pettersson, H., Kaminski, J., Herrmann, E. & Tomasello, M. Understanding of human communicative motives in domestic dogs // *Applied Animal Behaviour Science*. 2011. Vol. 133. №3–4. P. 235–245.
9. Mersmann, D., Tomasello, M., Call, J., Kaminski, J. & Taborsky, M. Simple mechanisms can explain social learning in domestic dogs (*Canis familiaris*) // *Ethology*. 2011. Vol. 117. № 8. P. 675–690.
10. *The domestic dog: its evolution, behaviour, and interactions with people* / edited by James Serpell; pencil drawings by Priscilla Barrett. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. 268 p.
11. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Методики диагностики и коррекции отношения к природе. – М.: ЦКФЛ, 1995. – 147 с.

12. Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение: повседневная жизнь Российского императорского двора. – М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка. – СПб., 2013. – 571 с.
13. Зимин И.В. Зимний дворец: люди и стены. История императорской резиденции, 1762–1917. – М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка. – СПб., 2012. – 478 с.
14. Пушкин А.С. Полтава // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1960. – С. 192–239.
15. Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / Предисл. и коммент. Л.Н. Майкова // Зап. Император. акад. наук. – 1891. – Т. 67. – Прил. № 6. – С. I–XX, 1–138.
16. Штелин Я.Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. – 3-е изд., вновь испр. – Ч. 1–4. – М.: Тип. Решетникова, 1830. – Ч. 2. – 179 с.
17. Сегюр Л.Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. (1785–1789) / пер. с фр. с примеч. – СПб.: Тип. В.Н. Майкова, 1865. – 386 с.
18. Рассказы об императоре Павле I и Александре I [А.А. Башилова, Д.И. Цицианова, А.П. Башуцкого, Ренне, П.А. Тучкова] / зап. Н.С. Голицын // Русская старина. – 1880. – Т. 29. – № 11. – С. 738–744.
19. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. (1799–1826): в 2 т. – Т. 1. – М.: [Изд. Софьи Свербеевой], 1899. – 525 с.
20. Грот Я.К. Екатерина II в переписке с Гриммом / сост. Я. Грот. – Ст. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1879. – 130 с.
21. Массон Ш.Ф.Ф. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора / вступ. ст. Е.Э. Ляминой, А.М. Пескова; подгот. текста и коммент. Е.Э. Ляминой, Е.Е. Пастернак. – М.: Нов. лит. обозрение, 1996. – 206 с.
22. Ancelot J.-A. Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826, à l'époque du Couronnement de S. M. Empereur. 2-me éd. Paris: Dondey-Dupré, 1827. 426 p.
23. Записка барона Димсделя о пребывании его в России / пер. с фр. К.К. Злобина // Сб. Русского ист. об-ва. – 1868. – Т. 2. – С. 295–322.
24. Лабутина Т.Л. Визит супругов Димсдейл в Россию во второй половине XVIII века // Вопр. истории. – 2013. – № 6. – С. 92–108.
25. Шуточные стихотворения императрицы Екатерины II // Исторический вестн. – 1881. – Т. IV. – № 1. – С. 222–223.
26. Дараган П.М. Пажеский корпус и обучение // Пажи – рыцари России (Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса) / сост. А.Б. Григорьев, О.А. Хазин / под ред. Г.Г. Тупикина. – М.: Соц.-полит. мысль, 2004. – С. 26–43.
27. Роджерсон (Рожерсон), Иван Самойлович // Русский биографический словарь. Т. XVI. Рейтерн-Рольцберг. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1913. – С. 290–295.
28. Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой Княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай Первый и его время: документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и тр. историков / сост., вступит. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова: в 2 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – Т. 2.

References

1. Kruglova L.K. *Chelovek – priroda – obshchestvo – kul'tura: sotsiokul'turnaya antropoekologiya: monografiya* [The person – the nature – society – culture: sociocultural anthropoecology: monograph]. St. Petersburg: GUMRFimeniadmiraal-aS.O. Makarova, 2013. 118 p.
2. Nikol'skaya A.V. *Vzaimodeistvie cheloveka s domashnimi zivotnymi: teoriya, metodologiya, praktika* [Interaction of the person with pets: theory, methodology, practice]. Moscow: Izdatel'stvo "Pero", 2012. 452 p.
3. *Animals and human society: changing perspectives* / edited by Aubrey Manning and James Serpell. London; New York: Routledge, 1994. 199 p.
4. *Animals in our lives: human-animal interaction in family, community, and therapeutic settings* / Peggy McCardle ... [et al.]. Baltimore: Paul H. Brookes, 2011. 242 p.
5. *Companion animals in everyday life: situating human-animal engagement within cultures* / Michał Piotr Pręgowski, editor. New York: Palgrave Macmillan, 2016. 313 p.
6. Marshall-Pescini, S. & Kaminski, J. The social dog: history and evolution // *The social dog: cognition and behavior*. Kaminski, J. & Marshall-Pescini, S. (eds.). San Diego: Academic Press Inc., 2014. P. 3–34.
7. Kaminski, J. & Nitzschner, M. Do dogs get the point?: a review of dog–human communication ability // *Learning and Motivation*. 2013. Vol.44. № 4. P. 294–302.
8. Pettersson, H., Kaminski, J., Herrmann, E. & Tomasello, M. Understanding of human communicative motives in domestic dogs // *Applied Animal Behaviour Science*. 2011. Vol.133. № 3–4. P. 235–245.
9. Mersmann, D., Tomasello, M., Call, J., Kaminski, J. & Taborsky, M. Simple mechanisms can explain social learning in domestic dogs (*Canis familiaris*) // *Ethology*. 2011. Vol.117. № 8. P. 675–690.
10. *The domestic dog: its evolution, behaviour, and interactions with people* / edited by James Serpell; pencil drawings by Priscilla Barrett. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. 268 p.
11. Deryabo S.D., Yasvin V.A. *Metodiki diagnostiki i korrektsii otnosheniya k prirode* [Techniques of diagnostics and correction of the relation to the nature]. Moscow: TsKFL, 1995. 147 p.
12. Zimin I.V. *Detskii mir imperatorskikh residentsii. Byt monarkhov i ikh okruzhenie: povsednevnyaya zhizn' Rossiiskogo imperatorskogo dvora* [Children's part of imperial residences. Life of monarchs and their environment: everyday life of the Russian imperial court]. Moscow: Tsentrpoligraph; St. Petersburg: Russkaya troika - SPb., 2013. 571 p.
13. Zimin I.V. *Zimnii dvorets: lyudi i steny. Istoriya imperatorskoi residentsii, 1762–1917* [Winter Palace: people and walls. History of the imperial residence, 1762–1917]. Moscow: Tsentrpoligraph; St. Petersburg: Russkaya troika – SPb., 2012. 478 c.
14. Pushkin A.S. *Poltava* // Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes]. Vol. 3. Moscow: GIKHL, 1960. P. 192–239.
15. Nartov A.K. *Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo* [Peter the Great's memorable narrations and speeches] / Predisl. i comment. L.N. Maikova // *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk* [Notes of Imperial Academy of Sciences]. 1891. Vol. 67. Pril. № 6. P. I–XX, 1–138.
16. *Stäehlin Jacob. Podlinnye anekdoty o Petre Velikom, sobrannye Yakovom Shtelinym* [The original stories about Peter the Great collected by Jacob von Stäehlin]. Part. 1–4. Moscow: tip. Reshetnikova, 1830. Part. 2. 179 p.

17. *Ségur L.P. Zapiski grafa Segyura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785–1789)* [Memoirs of Comte de Ségur about his stay in Russia in Catherine II's reign]. St. Petersburg: tip. V.N. Maikova, 1865. 386 p.

18. *Rasskazy ob imperatore Pavle I i Aleksandre I* [Stories about the emperor Paul I and Alexander I] // *Russkaya starina* [Russian old times]. 1880. Vol. 29. № 11. P. 738–744.

19. *Zapiski Dmitriya Nikolaevicha Sverbeeva (1799–1826)* [Dmitrii Nikolaevich Sverbeev's memoirs]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: [Izd. Sof'i Sverbeevoi], 1899. 525 p.

20. *Grot Ya.K. Ekaterina II v perepiske s Grimmom* [Catherine II in her correspondence with Grimm]. Part 1. St. Petersburg: Tip.Imp.Akad.nauk, 1879. 130 p.

21. Masson Ch. F.P. *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniya Ekateriny II i Pavla I. Nablyudeniya frantsuza, zhivshego pri dvore, o pridvornnykh npravakh, demonstriruyushchie nezauryadnuyu nablyudatel'nost' i osvedomlennost' Avtora* [Secret memoirs of the Court of St. Petersburg, particularly towards the end of the reign of Catherine II, and the commencement of that of Paul I. Observations of the Frenchman living at court, about manners and customs at the court, showing uncommon observation and awareness of the author]. Moscow: Novoeliteraturnoeobozrenie, 1996. 206 p.

22. Ancelot, J.A.F.P. *Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826, à l'époque du Couronnement de S. M. Empereur*. 2-me éd. Paris: Dondey-Dupré, 1827. 426 p.

23. *Zapiska barona Dimsdelya o prebyvanii ego v Rossii* [Note of the baron Dimsdale about his stay in Russia] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian historical society]. 1868. Vol. 2. P. 295–322.

24. Labutina T.L. *Vizit suprugov Dimsdeil v Rossiyu vo vtoroi polovine XVIII veka* [Visit of spouses Dimsdale to Russia in the second half of the 18th century] // *Voprosy istorii* [History questions]. 2013. № 6. P. 92–108.

25. *Shutochnye stikhotvoreniya imperatritsy Ekateriny II* [Empress Catherine II's comic poems] // *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin]. 1881. Vol. IV. № 1. P. 222–223.

26. Daragan P.M. *Pazheskii korpus i obuchenie // Pazhi – rytsari Rossii (Dukhovnoe nasledie Pazheskogo Ego Imperatorskogo Velichestva korpusa)* [The Page corps and education // Pages are knights of Russia (Spiritual heritage of his Imperial Majesty Page corps)]. Moscow: Izd-vo "Sots.-polit. Mysl'", 2004. P. 26–43.

27. *Rodzherson, Ivan Samoilovich* [John Samuel Rogerson] // *Russki biographicheskii slovar'* [Russian biographic dictionary]. Vol. XVI. St. Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1913. P. 290–295.

28. *Son yunosti. Zapiski docheri imperatora Nikolaya I Velikoi Knyazhny Ol'gi Nikolaevny, korolevy Vyurtembergskoi* [Youth dream. Memoirs of the daughter of the emperor Nicholas I Great Princess Olga Nikolaevna, queen of Wurttemberg] // *Nikolai Pervyi i ego vremya: Dokumenty, pis'ma, dnevniki, memuary, svidetel'stva sovremennikov i trudyistorikov* [Nikolas the First and his time: Documents, letters, diaries, memoirs, narratives of contemporaries and works of historians]. In 2 vols. Moscow: OLMA-PRESS, 2000. Vol. 2.

А.М. Семёнов

«Будничные дни» Комиссии прошений в годы правления Александра I

Статья посвящена процессу подачи и рассмотрения прошений в Комиссии прошений в период правления Александра I. На основании архивных документов фонда 1412 Российского государственного исторического архива и Полного свода законов Российской империи проанализированы изменения в процессе обращений подданных к императору; выявлена роль Комиссии прошений в судебной системе России в начале XIX в. и характер взаимоотношений Комиссии прошений с императором; изучен делопроизводственный процесс учреждения; рассмотрен сословный состав просителей. В отличие от предшествующих периодов, процесс написания, подачи и рассмотрения прошений становится более регламентированным и доступным для подданных Российской империи.

Ключевые слова: Комиссия прошений, государственное управление, прошения и жалобы, первая половина XIX в., Александр I.

A.M. Semenov

«Common days» of the Committee of Petitions during the reign of Alexander I

This article is devoted to the process of petitions and the way of their consideration by the Committee of Petitions during the reign of Alexander I. Changes in the process of petitions given to the Emperor were analyzed according to the archive documents of the fund 1412 of the Russian state historical archives and the complete set of laws of the Russian Empire; the role of the Committee of Petitions in judicial system of Russia at the beginning of XIX century and its nature of the relationship with the Emperor was determined; the record keeping process of the institution was studied; the class content of petitioners was examined. The process of writing, submission and consideration of petitions becomes more regulated and accessible for the citizens of the Russian empire in contrast to the previous periods.

Key words: the Committee of Petitions, state management, petitions and complaints, first half of the XIX century, Alexander I.

Ведомство под названием «Комиссия прошений» юридически закрепилось в системе государственной власти 1 января 1810 г., но первые зачатки данного учреждения появились в XI в. [1]. Опыт,

приобретенный за столь значительный промежуток времени, показал те принципы, на которых должна была строиться работа в этом ведомстве. Однако после принятия акта об учреждении Комиссии, работу по налаживанию четкого механизма пришлось начать практически с чистого листа. Опыт хоть и был учтен, но новые времена требовали новых правил.

Высочайшим указом от 1 января 1810 г. об «Образовании Государственного совета» при нём образовывалась Комиссия прошений [2, с. 1]. Учреждение Комиссии прошений нужно было «для заботы о каждом подданном императора» и для того, чтобы «установить беспрепятственный надзор за отправлением суда, за соблюдением законов и справедливости в высших местах судебных и правительственных и жалобы просителей должны для сего служить указанием» [3, с. 29].

После вступления Александра I на престол продолжали действовать все узаконения и распоряжения, касающиеся подачи прошений, принятые в правление предыдущих государей. В этом законодательском материале было очень сложно разобраться не только рядовому подданному, но даже чиновнику, призванному решать вопросы в данной области. Поэтому все бумаги, поступающие в Комиссию прошений, стали разделять на два вида: прошения и жалобы. В свою очередь прошения были «явочные, исковые, мировые и обыкновенные», а жалобы – «переносные или частные» [4, с. 4–5]. Явочные прошения подавались «о чем бы то ни было ... для своей очистки» [4, с. 11], это могли быть дела, связанные с разного рода убийствами, разбоями, кражами различных вещей, оскорбление чести или достоинства. Такие прошения подавались для того, чтобы оправдать просителя. Исковые прошения заключались в том, что «просители ищут на ком-нибудь разных исков» [5] – это могло быть незаконное завладение земли, причинение обиды. Здесь описывались обстоятельства дела, которые могли бы помочь в его решении, но и также доказательства того, что проситель прав. Мировыми прошениями назывались те, «которые тяжущиеся, по любовному их согласию, мирятся в тяжбах своих на предложенных обоюдно условиях». Чаще всего они подавались сразу от двух сторон, чтобы прекратить судебное дело в связи с их примирением. Под определение «обыкновенные» попадали все остальные прошения, в которых просители «просят утвердить то за ними, или испрашивают себе чего-либо такого, на что они законное имеют право, и на что никакого и спору нет» [4, с. 13].

Градация жалоб была очень простой и понятной. Переносные жалобы – «суть те, которыми просители, жалующься на несправедливость решения нижних судебных мест, просят о переносе решенных их дел из тех мест в высшие, и о пересмотре оных» [4, с. 14]. Част-

ные жалобы предполагали под собой обращения, когда «просители в высших судебных местах и правительствах жалуются на нижние присутственные места и лица, в разных причинённых им неудобствах по делам их, по коим решительного определения еще не последовало» [4, с. 14]. Последнего рода жалобы могли быть связаны с медленным ведением дела, несправедливым его решением или отказом рассмотрения дела.

В начале каждого раздела шло объяснение, какие прошения точно не будут приниматься. Без уважения оставались «все жалобы на места средние и лица подчиненные, приносимые мимо высшего их начальства». Такой же пункт был и в «прошениях о наградах подчиненных лиц, приносимых без ведома из начальства» и прошениях, «по которым уже был сделан отказ», «проекты, заключающие в себе очевидную несовместимость или недоразумение» [6]. Такое положение вещей противоречило функциям ведомства. Человек, следуя данным правилам, сталкивался с бюрократической волокитой, которая не пропускала дальше жалобу на самого себя. На практике люди не придавали этому правилу значения и подавали прошения напрямую к императору. Но снова все зависело от бюрократического аппарата, только уже в лице Комиссии прошений.

Все прошения и жалобы должны были быть написаны на гербовой бумаге [7], согласно представленному образцу. В начале каждого обращения обязательно значилась преамбула: «Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший» [8. Л. 5]. Дальше обязательно должно было следовать имя просителя с его чином или званием. В окончании прошения следовала еще одна обязательная надпись: «Всемилоостивейший государь! Прошу вашего императорского величества о сем моем прошении (или жалобе) решение учинить» [9. Л. 10]. Помимо этого, важно было, чтобы «никаких погрешностей в величайшем титуле не было, и были бы оные писаны исправно» [10], «чтобы писать в них самую истину и прямое дел; а лишнего ничего не примешивать», «писать об одном деле с другими не смешивать», «показывать в оных ясные свидетельства и обидам и улики, и писать прямые, важные и справедливые причины и крепкие доказательства» [11], «в прошениях и жалобах никого не злословить, или укорять каким ни есть касающимся чести оклеветанием» [12]. Также отмечалось, что все прошения должны были быть написаны ясным языком, так как «грубый и нечистый слог отвращает внимание к доказательствам и содержанию самого дела» [4, с. 35].

Но одним из самых главных условий подачи любого прошения было соответствие его внешнего вида общепринятым нормам написания, и чтобы оно не противоречило законодательству. В случае

несоблюдения этих требований бумага не рассматривалась и на ней ставилась надпись «Отклонить» [13. Л. 34].

Возможность подачи прошения и жалобы предоставлялась любому человеку, а малограмотные подданные могли прибегнуть к помощи канцелярских служащих.

Способ подачи прошения или жалобы мог быть различный. «Лицо, которое подавать должно прошение, или жалобу, есть сам проситель» [4, с. 38]. Но такое не всегда было возможно, поэтому позже данное правило было расширено: «однако если по каким-либо препятствиям, или по отдаленности места, подать лично самим просителем будет невозможно, то прошения присылать можно через почту» [14]. Также, если группа просителей имела общее дело, то они могли выбрать доверенное лицо, которое подаст прошение, но «военным чинам позволялось каждому о себе и только о своих обидах военное свое начальство просить, а не общее» [4, с. 40].

Помимо всего, при подаче прошения или жалобы нужно было заплатить пошлину «с прошений явочных по 50 коп., исковых по 6 р., с мировых по гривне с человека, и с переносных жалоб по 12 р.» [4, с. 45].

Принимал прошения / жалобы статс-секретарь. Его функции заключались в непосредственном приеме всех поступающих бумаг, распределении их между членами, «кои рассмотрев их, вносят в Комиссию на общее рассуждение» и последующем докладе императору: «подносит чрез статс-секретаря на Высочайшее усмотрение» [6]. Статс-секретарь был главой учреждения, и от его деятельности и управления зависела вся работа ведомства. Должность статс-секретаря должен был занимать человек высокого интеллекта, сильного характера, а также он должен был пользоваться доверием императора. Столь высокие требования были продиктованы функциями комиссии. Человек на этой должности должен был следовать сам и прививать своим служащим нормы, согласно которым каждое дело должно было рассматриваться не только с точки зрения формальности закона, но и также житейской мудрости. Помимо этого, Комиссия прошения со статс-секретарем не должна была бояться вскрывать упущения своих коллег и, по сути дела, доносить на их противозаконные действия. Первым статс-секретарем Комиссии прошений был назначен П.С. Молчанов [15]. Ему пришлось выстраивать фундамент ведомства, на котором в последующем оно держалось более века.

Поступающие прошения фиксировались в специальном журнале «Поступающих дел», по которому сегодня можно отследить деятельность Комиссии прошений за все время существования. За первые два месяца (январь – февраль 1810 г.) количество посту-

пивших дел по всем группам равнялось 576 [8], из них только десять содержали жалобы, в основном на разные департаменты Сената. И за это время на рассмотрение Александру I не было представлено ни одного дела, так как на всех прошениях значилась резолюция: «Истребовать копии с решений, последовавших от департамента Правительствующего Сената» [8].

Информация о существовании ведомства, в которое можно было подать прошение или жалобу, распространялась гораздо быстрее, чем правила их подачи. Ведомство для разъяснение всех этих вопросов 15 февраля 1810 г. в «Ведомостях» опубликовало специальную статью с выдержками из Свода законов Российской империи, которая разъясняла механизм подачи прошения.

Самое большое количество прошений поступало с просьбами о милостях и наградах. Такого рода прошения делились на две группы: от подданных, проживающих в Санкт-Петербурге, и от лиц, проживающих вне этого города. По просьбам от иногородних лиц составлялись «специальные ведомости, которые отправлялись в Министерство финансов для выделения означенной суммы» [6]. Прощения проходили утверждение в Санкт-Петербургском благотворительном обществе: «Комиссия прошений, выслушав нижеозначенные прошения разного звания людей, находящихся о вспоможение в бедности, заключила препроводить их в то общество, о котором в образование государственного совета упомянуто» [16. Л. 73], следовательно, этот процесс занимал более длительное время. А суммы, выделяемые просителям, были гораздо менее значительными. Создавалось определенное неравноправие между жителями столицы и всеми остальными подданными.

Просителями в основном являлись дворяне, которые привыкли жить на широкую ногу и, сталкиваясь с денежными трудностями, не могли себя в чем-то ограничить и пользовались любыми способами дополнительного финансирования. Так, Тернов, коллежский секретарь, просил «о вознаграждении его за сделанное им в 1811 г. в пользу Киевского арсенала пожертвование» [8. Л. 144], вдова дворянина Бурткевича – «не изыскивать с нее присужденной Эксдивагорским судом в пользу казны пошлины 444 р. серебром» [16. Л. 9], князь Понинский – возместить проценты за то, что «крестьяне были взяты к казенное ведомство, а деньги заплачены через 11 месяцев» [17. Л. 57].

Количество поступающих прошений от крестьянства было очень мало. Так за 1811 г. было обнаружено только два прошения [18].

Годовое поступление всеподданнейших прошений в течение царствования императора Александра I не превышало обыкновенно 6 000 дел. Бюджет выплат был строго регламентирован, и вследствие этого выплаты производились не в полном размере или со-

всем не производились. Поэтому большая часть просителей была недовольна данными решениями и винила во всём императора, хотя он даже не видел их дела. Судьба всех остальных прошений зависела во многом от состава Комиссии, четкости разъяснения обстоятельств дела в написании прошения и соответствия с требованиями буквы закона. Огромное количество прошений отсеивалось на заседаниях Комиссии и оставались только те, которые не показывали недостатки и упущения чиновников других ведомств. В итоге в журналах докладов в большей степени встречаются прошения, отражающие бытовые нужды населения, которые по своему большинству могли отражать действительное положение дел в государстве.

Таким образом, в годы правления Александра I были заложены основы ведомства. Главной из них было законодательное закрепление Комиссии по принятию прошений и создание штата сотрудников, призванных решать вопросы приема, обработки и доклада императору поступающих дел. Был наработан первый практический опыт работы ведомства, который позволил сделать выводы и наладить делопроизводственный процесс. Также был обозначен круг решаемых вопросов, который, несмотря на законодательные ограничения, был со временем расширен. Происходила популяризация ведомства среди населения страны.

Список литературы

1. Семёнов А.М. История формирования Комиссии прошений в России // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 20–21 апр. 2016 г. / под. общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – Т. 1. – С. 91–95.
2. Веременко В.А. Дворянские семьи второй половины XIX – начала XX вв. в поисках «монаршей милости» (по материалам канцелярии е. и. в. по принятию прошений) // Вестн. молодых ученых. Сер. Исторические науки. – 2004. – № 2. – С. 32–43.
3. Писарев С.Н. Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее имя. 1810–1910 гг.: ист. очерк. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. – 221 с.
4. Плавильщиков А.А. Рассуждения о прошениях и жалобах, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1811. – 188 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. Т. XVI. 1764. № 12210. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.02.2015).
6. ПСЗ. Собрание первое. Т. XXXI. 1810. № 24064. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.02.2015).
7. ПСЗ. Собрание первое. Т. XXIX. 1806. № 22076. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.02.2015).
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412. Оп. 252. Д. 25.
9. РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 26.

10. ПСЗ. Собрание первое. Т. X. 1739. № 7934. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.02.2015).
11. ПСЗ. Собрание первое. Т. XIII. 1753. № 10155. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.02.2015).
12. ПСЗ. Собрание первое. Т. XVI. 1764. № 12240. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.02.2015).
13. РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 27.
14. ПСЗ. Собрание первое. Т. XX. 1779. № 14862. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.02.2015).
15. Молчанов П.С. [Электронный ресурс]. URL: http://russian_xviii_centure.academic.ru/544/Молчанов_Петр_Степанович (дата обращения: 19.02.2015).
16. РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 32.
17. РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 33.
18. РГИА. Ф. 1412. Оп. 251. Д. 35–47.

References

1. Semenov A.M. *Istoriya formirovaniya Komissii proshenii v Rossii* [The history of the formation of the Commission of Petitions in Russia] // *XX yubileinye Tsarskosel'skie chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf., 20–21 apr. 2016 g.* [XX anniversary of the Tsarskoye Selo readings. materials of the international scientific conference, 20–21 April 2016] / pod. obshch. red. prof. V.N. Skvortsova. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. Т. 1. P. 91–95.
2. Veremenko V.A. *Dvoryanskie sem'i vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. v poiskakh «monarshei milosti» (po materialam kantselyarii e.i.v. po prinyatiyu proshenii)* [Noble families of the second half of XIX century– beginning of XX century in search of “Royal favour” (according to the materials of the office of his Imperial Majesty for the adoption of petitions)] // *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya istoricheskie nauki.* 2004. № 2. P. 32–43.
3. Pisarev S.N. *Uchrezhdenie po prinyatiyu i napravleniyu proshenii i zhalob, prinositel'nykh na Vysochaishee imya. 1810–1910 gg.: istoricheskii ocherk* [Institution for the adoption and direction of petitions and complaints brought to the Highest name. 1810–1910 yy.: historical sketch]. St. Petersburg: Tov-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1909. 221 p.
4. Plavil'shchikov A.A. *Rassuzhdeniya o prosheniyakh i zhalobakh, podavaemykh v pravitel'stvennye i sudebnye mesta i k tem litsam, koi po zakonam prinimat' onye dolzhny* [The arguments of the petitions and complaints, brought to the state and judicial places and to those people, who must adopt by the laws those petitions and complaints]. St. Petersburg: tipografiya V. Plavil'shchikova, 1811. 188 p.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sобрание pervoe. Т. XVI. 1764. № 12210. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 19.02.2015).
6. PSZ. Sобрание pervoe. Т. XXXI. 1810. № 24064. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 19.02.2015).
7. PSZ. Sобрание pervoe. Т. XXIX. 1806. № 22076. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 19.02.2015).
8. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian state historical archive]. F. 1412. Op. 252. D. 25.
9. RGIA. F. 1412. Op. 252. D. 26.

10. PSZ. Sobranie pervoe. T. X. 1739. № 7934. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 19.02.2015).
11. PSZ. Sobranie pervoe. T. XIII. 1753. № 10155. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 19.02.2015).
12. PSZ. Sobranie pervoe. T. XVI. 1764. № 12240. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 19.02.2015).
13. RGIA. F. 1412. Op. 252. D. 27.
14. PSZ. Sobranie pervoe. T. XX. 1779. № 14862. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 19.02.2015).
15. Molchanov P.S. [Elektronnyi resurs]. URL: http://russian_xviii_centure.academic.ru/544/Molchanov_Petr_Stepanovich (data obrashcheniya: 19.02.2015).
16. RGIA. F. 1412. Op. 252. D. 32.
17. RGIA. F. 1412. Op. 252. D. 33.
18. RGIA. F. 1412. Op. 251. D. 35–47.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.23+470.23-25):216.6(480)
ГРНТИ 03.23: История России

П.В. Крылов

Религиозная повседневность финнов-лютеран Санкт-Петербурга и Ленинградской области: православное влияние и секуляризация

В статье освещается феномен религиозной повседневности российских финнов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, исторически исповедовавших лютеранство, однако испытывающих серьёзное влияние как со стороны традиционного для русского большинства православия, как официального, так и народного, включающего значительный фонд дохристианских верований, а также со стороны советской секуляризации. В статье выделяются характеристики религиозной повседневности на уровне мировоззренческих представлений, обрядовой практики, риторических формул и праздничной культуры.

Ключевые слова: ингерманландские финны, лютеранство, православие, народная религиозность.

P. V. Krylov

Religious daily routine of the Finnish-Lutheran in Saint-Petersburg and Leningrad region: the Orthodox influence and secularization

Religious everyday life of Finnish Lutherans of Saint-Petersburg and Leningrad Region: orthodox influence and secularization. The everyday religious life of Finnish Lutherans of Saint-Petersburg and Leningrad Region stays upon the considerable influence of Russian Orthodox Church and the inherited from Soviet period secularization. The elements of this everyday religious life and its background are investigated in present article.

Key words: Finns of Ingria, Lutheranism, Orthodoxy, folk religiosity.

Одной из важных составляющих повседневной жизни, несомненно, является деятельность, имеющая религиозное измерение, несмотря даже на то, что её религиозный характер не всегда осознаётся практикующими как таковой. Действительно, вежливое «спасибо» по окончании завтрака едва ли многими связывается с благодарственной молитвой, произносимой после трапезы, а ис-

пользуемый некоторыми в качестве междометия возглас «Господи!» – с молитвой просительной. В определении религиозной повседневности можно согласиться с Е. Элбакян: «Повседневность религии – это функционирование религии в существующих день за днем социальных условиях, ее социальная роль, формулируемые ею ценности и нормы (с возможным различием в интерпретации), а также выстраиваемые на них религиозные отношения и религиозная деятельность, составляющие ядро религиозно-конфессиональной жизни и ее проекцию во внешний, социальный мир» [1]. К религиозной повседневности можно отнести демонстрацию тех или иных религиозных взглядов, не только целенаправленную, но и посредством ненамеренного употребления в речи конфессиональных терминов или специфически окрашенных риторических формул, совершение культовых действий, приверженность характерным для данного вероисповедания ценностным ориентирам в повседневном быту, а также проявление интереса и внимания к заявлениям тех лидеров общественного мнения, что не только не скрывают, но, напротив, подчёркивают свою конфессиональную принадлежность.

Для финского населения Ингерманландии – исторической области на Северо-Западе России – важным фактором этнического самоопределения и консолидации на протяжении без малого четырёх столетий была принадлежность к Евангелическо-лютеранской Церкви. Наряду с использованием финского языка, лютеранское исповедание являлось важнейшим маркером этнической дифференциации ингерманландских финнов от русского православного населения, доля которого постоянно увеличивалась на территории Невского края после 1721 г. [2, р. 68].

В настоящее время на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области действует 25 приходов Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. Их численность варьируется от двух десятков до нескольких сотен прихожан, объединяющих порядка 4.200 полноправных членов. Учитывая детей и внуков прихожан (нередко детей в церковь приводят бабушки, в то время как сами родители проявляют безразличие к религии), общая численность вовлеченных в приходскую жизнь превышает 5 000 чел. Впрочем, статистика этнического состава прихожан не ведётся в приходах по принципиальным соображениям конфессионального характера, поскольку он противоречил бы догмату о вселенскости поместной Церкви, открытой для всех людей, независимо от их происхождения. Встречающиеся в литературе сведения о том, что кафедральный приход Св. Марии в Санкт-Петербурге состоит из ингерманландских финнов на 79 %, а Скворицкий приход в Гатчинском районе или приход Хиетамяки в Ломоносовском районе Ленинградской области – на 100 %, записаны со слов информантов и не могут считаться пол-

ностью достоверными [2, р. 133–134]. Кроме того, в целом ряде приходов, пусть и не очень многочисленных, – Св. Михаила в Санкт-Петербурге, Зеленогорском, Приморском, Выборгском, Кингисепском, Лужском количество прихожан ингерманландско-финского происхождения исчисляется единицами, тогда как в упомянутых Скворицком, Хиетамякском или Губаницком может достигать 80–90 %. Таким образом, общее количество финнов-ингерманландцев – членов евангелическо-лютеранских приходов с учётом их несовершеннолетних детей можно оценивать приблизительно в 3 000 человек, что составляет 27 % всего финского населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области, составляющего около 7 тыс. чел. [3, с. 27]¹. Обычное воскресное богослужение собирает в больших приходах 15–20 % прихожан, праздничное – пасхальное и рождественское – 35–50 %. Небольшие, «семейные» приходы отличаются порой более значительным процентом посещающих богослужения.

Таким образом, процент воцерковленных, еженедельно участвующих в лютеранском богослужении ингерманландских финнов (5–6 %), лишь ненамного превышает общероссийский процент регулярно практикующих верующих. Подавляющее большинство представителей данного этноса находится вне пределов непосредственного влияния ЕЛЦИ, хотя их отношение к данной религиозной организации является в среднем более благожелательным, чем у тех, среди чьих предков лютеране не числятся. Так или иначе, необходимо согласиться с выводами С.А. Исаева о том, что сегодня «говорить об однозначной связи между финской этничностью и лютеранством всерьёз не приходится. «Трещина» существовала изначально и в 1990-е гг. превратилась в пропасть» [4, с. 87–88].

Активные контакты лютеран с православным окружением (не только русскими, но также воевод, ижорой и православными эстонцами) обусловили распространение синкретических черт в религиозных представлениях и практикуемых обрядах ещё в дореволюционное время. Например, крестное знамение, совершаемое по примеру православных никониан, – тремя перстами справа налево. Впрочем, процессы секуляризации, протекавшие в советском обществе с большим своеобразием, также не прошли для ингерманландских финнов бесследно, серьёзно повлияв на их сегодняшние религиозные представления [5]. В результате полного уничтожения структур Евангелическо-лютеранской церкви на Севе-

¹ По данным переписи 2010 г. в Санкт-Петербурге проживает 2 600 финнов. В Ленинградской области их число 4366 // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1836584> (дата обращения: 11.07.2017).

ро-Западе РСФСР и отсутствие официальной приходской жизни в период 1939–1970 гг., до открытия церквей в Петрозаводске (1970) [6, с. 137–148] и Пушкине (1977) верующие оказались предоставлены самим себе. Это, в свою очередь, привело не только к упрочению роли неформальных лидеров, способных совершать некоторые наиболее востребованные обряды, но и к регулярному участию в обрядах Русской православной церкви, которые были более доступными.

В позднесоветские годы и в период 1990-х гг., по утверждению петербургского этнографа А.Ю. Чистякова, для верующих российских финнов более важным критерием отличия от православных представлялся язык богослужения, нежели собственно лютеранское вероучение, основанное на Книге Согласия. В доказательство своих слов он приводит высказывание собеседника относительно православных: «Вера у нас одна, обычаи разные» [7, с. 72]¹. Примечательно, что подобное мировоззрение существовало в период активного возрождения приходов Церкви Ингрии, в которых зачастую заново приходилось создавать регулярную богослужебную практику и внутреннюю приходскую культуру. В результате сформировавшиеся в эти годы евангелическо-лютеранские приходы приобрели весьма своеобразные черты повседневной религиозности, отличающие их как от приходов дореволюционного периода, обиход которых был уничтожен репрессиями, так и от религиозных практик, характерных для современных общин в соседних государствах – Эстонии или Финляндии. Своеобразие только отчасти обусловлено особенностями государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Пожалуй, в существенно большей степени оно объясняется влияниями численно доминирующего в стране православия, оказываемыми как на духовных работников Церкви Ингрии, на её прихожан, на церковные структуры в целом, а также и на тех российских финнов, которые не имеют ярко выраженной конфессиональной идентичности и к церковной структуре не относятся.

Очевидный в условиях отличающегося постоянством и интенсивностью межэтнического взаимодействия «синтез различных традиций» в «календарной обрядности, повествовательных традициях и ритуальной практике» [8, с. 264] приобрёл идеализированные и романтические черты в сочинении известного в церковных кругах политолога и общественного деятеля А.В. Щипкова. Словно древний эпос звучат слова одного из пасторов Церкви Ингрии, которого он цитирует: «Если мы, лютеране и вы, православные, сохраним

¹ «В целом лютеранство воспринимается финским населением не как принципиально отличная от православия конфессия, а как церковь, где богослужение ведется на родном языке» [7, с. 72].

верность Слову Божьему, это Слово станет в России обоюдоострым мечом против притупленной либерализмом европейской шпаги. И как знать, не окажемся ли мы – лютеране Ингрии, и наши православные братья – по одну сторону баррикад, а феминизированное западное христианство – по другую» [9, с. 218]. В изображении этого маститого автора дело выглядит так, словно процесс «религиозной ассимиляции» финнов-ингерманландцев уже почти завершился их превращением «в почти православных». Сам А.В. Щипков характеризует его следующими словами: «Естественным образом под влиянием православной церкви укоренилось крестное знамение (справа налево), некоторые православные песнопения. Вспоминая традицию алтарных картин, ингерманландцы рассуждают о возможности украшения храмов православными иконами. Это, в свою очередь, провоцирует дискуссию об иконопочитании, совершенствовании и усложнении обряда и т. д.» [9, с. 217]. Довольно красочная картина тем не менее нуждается в существенной корректировке.

Я предложил бы выделить в религиозной повседневности современных ингро-финнов объекты, испытывающие православное влияние, субъекты, оное влияние оказывающие, а также способы, которыми влияние осуществляется. Поэтому, на мой взгляд, более правомерно было бы говорить не о влиянии, а о влияниях во множественном числе.

Объектами влияния выступают в данном случае евангелическо-лютеранское вероучение, культовые практики, церковные объединения и организации – Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и её отдельные приходы, а также культура и повседневная жизнь верующих. В качестве субъектов, оказывающих влияние, необходимо назвать не только Русскую православную церковь (Московский патриархат) как централизованную религиозную организацию, объединяющую большинство российских православных верующих, но и так называемое «народное православие», с которым российские лютеране сталкиваются в своей обыденной жизни. Влияние прочих церквей православного исповедания, в том числе старообрядческих, является крайне незначительным. Пожалуй, единственным заметным исключением, которое мог бы упомянуть автор этих строк, был отказ Церкви Ингрии в 2001 г. от введения в богослужебную практику перевода на русский язык нового, принятого в ЕЛЦ Финляндии чина богослужения и сохранение в качестве такового чина русскоязычного богослужения так называемой «имперской мессы» 1915 г. Одним из аргументов противников «новой мессы» (сам термин заведомо неправильный, ибо речь идёт о переводе, но именно он использовался в ходе полемики) был опыт преобразований патриарха Никона, расколовших в середине XVII в. православных в

России. Примечательно, что этот аргумент был приведён диаконом из Сыктывкара Сергеем Елфимовым, имеющим серьёзный опыт общения с коми-старообрядцами.

В число способов влияния могут быть включены и прямые контакты лютеран с православными как на уровне духовенства и церковных активистов, поддерживающих общение между собой в различных государственных органах и межконфессиональных организациях, так и опосредованно, например, через конфессиональные и светские СМИ, транслирующие выступления заметных деятелей РПЦ – церковных иерархов, богословов и публицистов, и формирующие в российском общественном сознании медийный образ православия. В разговорах с российскими финнами лютеранского вероисповедания можно отметить их знакомство с программой «Слово пастыря» патриарха Кирилла или с книгой «Несвятые святые» епископа Тихона Шевкунова.

При этом надо отметить, что вероучение Церкви Ингрии в своей основе остаётся сугубо евангелическо-лютеранским. Впрочем, возможно усмотреть влияние консервативного русского православия в том, что и Церковь Ингрии стоит на очень консервативных в лютеранском мире позициях. Внешними признаками её консерватизма являются неприятие ни женского священства, ни благословения гомосексуальных союзов, ни права на эвтаназию или аборт. С богословской точки зрения, подобный консерватизм основан на буквальном прочтении Священного Писания, однако внешнее сходство с позицией, занимаемой РПЦ, выглядит более чем существенным.

Заметно влияние и в некоторых экклезиологических деталях. Так, в «Положении о ЕЛЦИ», документе, регулирующем внутреннее церковное устройство, используются православная по происхождению терминология и символика. К примеру, здесь можно встретить такие понятия, как «священник», «принадлежность к священству» или «рукоположение в сан (диакона, пастора, епископа)» [10, с. 15], не являющиеся характерными для лютеранской традиции. Кроме того, подобно православным, все ординированные духовные работники ЕЛЦИ, начиная с диакона, носят наперсные кресты. В среде тех, кто «рукоположен в сан», заметно формирование своеобразной клерикальной субкультуры. Пасторы и диаконы охотно самоидентифицируют себя в качестве представителей сословия священников, своего сообщества в качестве «клира» или «духовенства», а не принадлежащих к нему прихожан в качестве «мирян». Последние, впрочем, в большинстве своём весьма охотно поддерживают подобное отношение духовного работника к самому себе, нередко используя в его адрес обращение «отец имярек» или просто «батюшка».

Ещё более существенное православное влияние прослеживается на литургический обиход многих приходов Церкви Ингрии, в особенности использующих во время богослужения русский язык. Здесь можно услышать произносимые нараспев молитвы и чтения, увидеть укаждение (чаще всего во время наиболее почитаемых праздников). В последние годы получает распространение ночное богослужение в день Рождества Христова, пасхальный крестный ход и пасхальная всенощная служба, для евангелическо-лютеранской традиции не характерные, но принятые в РПЦ. Впрочем, в Финляндии мы можем наблюдать подобный процесс, который связан, по всей видимости, не столько с деятельностью православных, сколько с медийным проникновением в страну Суоми римокатоликов. В целом же для всей ЕЛЦИ характерно повышенное внимание к внешней, эстетической составляющей богослужения, к его стройности и динамике, к музыкальному оформлению и дисциплине участвующих в богослужении прихожан, которые должны в нужный момент подниматься или садиться на скамьи, преклонять колени и осенять себя крестным знаменем, а также громко и чётко произносить предполагаемые чином богослужения ответы. Идеал так называемой «высокой церкви» не только внедряется «сверху» ординированными духовными работниками или, как им более привычно себя называть, «рукоположенными пасторами», прошедшими систематическое обучение в Теологическом институте ЕЛЦИ, в среде многих прихожан он находит благоприятный отклик, отражая и воплощая таким образом их представления и ожидания об эстетике богослужения, от которого требуется соответствие идеалам старины. Популярными среди зарубежных единоверцев «инновационные» формы богослужения, в частности, с использованием современной музыки эстрадного характера в сопровождении электронных музыкальных инструментов, не пользуются благосклонным вниманием большинства российских финнов-лютеран, так же как и упрощение литургии, сводящей её к подобию собрания с беседами на религиозные темы. И первое, и второе допускается в качестве форм человеческого общения и дозволенного верующему развлечения, но не уравнивается по своему значению с классической литургией дореволюционного образца.

В советский период возникла общность некоторых относящихся к области религиозной повседневности обычаев, главным образом в области погребальной обрядности, в которой присутствуют многие черты народной религиозности, одинаково чуждой как официальному православия, так и официальному лютеранству, но вобравшей весьма значительное количество родноверческих элементов. Живущие по соседству финны и русские сохраняют её и по сей день, по большому счёту вопреки усилиям как православных священни-

ков, так и пасторов ЕЛЦИ. Для подобного общего погребального обряда характерны: погребение усопшего в течение трёх дней после кончины, переворачивание подставок для гроба ножками вверх после выноса его из родного двора, устилание дороги до места погребения гроба в машину еловыми ветками, бросание денег на гроб в открытой могиле, поминальная тризна над могильным холмом, нередко с обильным употреблением спиртных напитков, поминание на девятый и сороковой дни, посещение могил родных в дни Пасхи и Троицы (отмечая Пасху по календарю григорианскому, они тем не менее нередко участвуют в поминании усопших в день Троицы, исчисляемом по календарю юлианскому, т. е. с большинством). Общесоветская традиция для ингерманландских лютеран оказалась наполнена особым смыслом: кладбища превратились для них в места полуподпольных богослужений или религиозных собраний в дни особо чтимых праздников¹. Поминальные богослужения на кладбищах в настоящее время проводятся в ряде финноязычных приходов в ознаменование памяти о том недавнем прошлом.

С другой стороны, в похоронной обрядности лютеран присутствует ряд специфических черт. Так, последнее прощание – благословение тела усопшего – осуществляется крестообразным движением ребра ладони (практикуют его, впрочем, не все, главным образом лютеране финского происхождения) над лежащим в гробе телом, приблизительно в области сердца покойного. Во время погребения поются траурные гимны из лютеранского сборника церковных песнопений, могильный крест, обязательно четырёхконечный (латинский), ставится в головах («Иисус не ногами крест носил»), надпись на памятнике может быть сделана на финском языке. Праздничные дни, в которые происходит посещение могил, определяются по новому стилю. Кроме того, в последние 10–15 лет у лютеран Гатчинского района появляется обычай посещения захоронений в рождественский сочельник. Поминание осуществляется возжиганием большой поминальной свечи, подобно тому, как это происходит в Финляндии в День Всех Святых. Впрочем, и сам День Всех Святых (первая суббота после 1 ноября) стараниями приходских пасторов и диаконов, а также под влиянием уехавших в Финляндию родственников постепенно занимает место среди особо чтимых праздников.

В целом, по словам Каарины Юлёнен, для российских лютеран финского происхождения отмечается большее, нежели в Финляндии, внимание к соблюдению церковных обрядов крещения, конфирмации, браковенчания, благословения погребения [2, р. 205].

¹ Некоторые собеседники вспоминают о том, что подобным собраниям в то время препятствовали: «Это было ещё тогда, когда нас с кладбища гоняли...»

Однако за прошедшее с момента проведения К. Юлёнен исследования количество первых трёх обрядов сократилось, в то время как среднее поколение по-прежнему демонстрирует желание проводить ушедших из жизни стариков в последний путь по финскому церковному обычаю, прося, однако, в подавляющем большинстве случаев о полном или частичном переводе церемонии прощания на русский язык. Просьба мотивируется наличием среди провожающих усопшего большого количества лиц, не владеющих финским. Благодаря этому в погребальный обряд проникает такой православный элемент, как чтение нараспев, а для самого обряда всё чаще используется термин «отпевание».

Главными среди церковных праздников являются Пасха (Pääsiäispäivä) и Рождество (Joulu). Примечательно, что в повседневном обиходе, как и в отношении Дня Святой Троицы (Pyhän Kolminaisuuden päivä), используются преимущественно, а в последнем случае и вовсе исключительно, их русскоязычные названия¹. Последнее в особенности интересно, поскольку для заключительного праздника рождественского периода, Богоявления, употребляется лишь его финское название – Loppiainen. Сходным образом Сретение Господне называется либо по-фински Kynttilänpäivä, либо в дословном переводе на русский «Днём Свечей», а Благовещение – соответственно Mariaapäivä или «Днём Марии». По-фински предпочитают называть ещё некоторые церковные праздники: Helatorstai (Вознесение Господне), Helluntai (Пятидесятница), Mikkelinpäivä (День Святого Михаила – 30 сентября) Katrinpäivä (День Святой Екатерины – 25 ноября), уже упоминавшийся нами Pyhäinmiesten päivä (День Всех Святых). День Реформации (31 октября), отмечаемый с размахом в Евангелическо-лютеранских церквях немецкой традиции, в приходах церкви Ингрии не пользуется популярностью. Впрочем, это едва ли следует относить на счёт православного влияния, поскольку и в ЕЛЦ Финляндии данный праздник не принадлежит к числу особенно чтимых.

Особая ситуация складывается вокруг праздника Пятидесятницы (Helluntai), являющимся, с официальной церковной точки зрения, Днём Снисшествия Духа Святого на апостолов, отмечаемого на пятидесятый день после Пасхи. Под влиянием православных, которые отмечают Пятидесятницу и Троицу в один и тот же день, российские финны-лютеране, несмотря на позицию церковных работников, в массе своей придерживаются той же тенденции. Последнее нашло своё отражение в этнографической литературе, к примеру, в выпу-

¹ При этом если термин Joulu (Рождество) хорошо известен и может быть использован в речи, то термины Pääsiäinen (Пасха) и Pyhän Kolminaisuuden päivä (День Святой Троицы) полностью неведомы и вытесняются их русскими аналогами.

щенной под грифом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН книге «Ингерманландские финны» можно прочесть утверждение, совершенно безграмотное с богословской и экклезиологической точек зрения: «Троицу хэллунтай (helluntai) проводят через 50 дней после пасхи» [11, с. 113]. Евангелическо-лютеранская Церковь отмечает День Святой Троицы (Puhän Kolminaisuuden päivä) через неделю после Пятидесятницы, однако, позиция церковных структур не находит понимания в среде простых верующих, что, собственно, и было честно зафиксировано этнографами.

Пасхальное приветствие: «Христос воскрес! – Воистину воскрес!» известно верующим в его церковнославянском варианте. Аналогичное финское «Kristus on ylösnoussut! – Totisesti on ylösnoussut!» известно очень ограниченному кругу прихожан.

Наиболее почитаемым из традиционных народных праздников является Юханнус – Иванов день (Juhannus – Рождество Иоанна Крестителя), время которого определяется по современному финскому календарю – первая суббота после дня летнего солнцестояния. Открыто праздник отмечается с 1989 г. Программа состоит из исполнения традиционных песен и танцев, соревнований по метанию сапога и хороводов вокруг «*juhannuskokko*» – особого костра, зажигаемого в окончании праздничного дня. В последние годы праздник утрачивает свой этнический характер, привлекая многочисленных участников и зрителей, не имеющих отношения к ингерманландским финнам. Со значительно меньшим размахом отмечают *Laskiainen* – Масленицу в последнее воскресенье перед великим постом (по новому стилю).

В языке сохраняется конфессиональная и околоконфессиональная терминология: *ehtollinen* (причастие), *rippi* (конфирмация), *rippikoulu* (воскресная школа), *hautajaiset* (похоронный обряд – проходы в последний путь), *seurat* (духовное собрание в частном доме, проводимое в дружеской обстановке), *kolehti* (церковные пожертвования), *kirkonkahvi* (церковный кофе после богослужения), *juhannuskokko* (костёр, зажигаемый в Иванов день), *joulurukki* (Дед Мороз), *joulukortti* (рождественская открытка), *virsi* (духовное песнопение), *virsikirja* (сборник духовных песнопений).

Определённое влияние можно обнаружить и на обстановку в домах лютеран. Иногда, впрочем, не очень часто, здесь можно встретить иконы, которые, однако, располагаются не в красном углу, а между окнами, там же где и репродукции популярных в Финляндии духовных картин. О происхождении репродукций рассказывают, что их продавали в 1960-е гг. глухонемые. Чаще, чем иконы в домах можно встретить православные календари наряду с церковными календарями из Финляндии, по которым ведётся определение праздничных дней.

В заключение следует сказать, что лютеранство финского происхождения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области следует считать своеобразным явлением российской духовной жизни, отмеченным печатью секуляризации в советский период и развивающимся сегодня под сильным и разносторонним влиянием православного окружения при сохранении основ лютеранского вероучения и самобытности церковного обихода.

Список литературы

1. Элбакян Е. Повседневность религии или религия повседневности? <http://religiopolis.org/religiovedenie/5985-> (дата обращения: 05.07.2017).
2. Ylönen K. Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä. Jyväskylä, 1997.
3. Основные итоги Всероссийской переписи населения на территории Санкт-Петербурга: стат. сб. – СПб., 2012.
4. Исаев С.А. Как и почему разошлись пути религиозного и национального возрождения ингерманландских финнов? // Миноритарные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации / сост. и ред. П.В. Крылов. – СПб.: Издательство СПбНПИПТ, 2008.
5. Курилов В.А. Секуляризация и атеизация в Советском Союзе в 60-е и 80-е гг. XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – СПб., 2016. – № 1. – С. 142–153.
6. Яловицына С.Э. Лютеране в Карелии: исторические очерки. – Петрозаводск, 2016.
7. Гадло А.В., Верняев И.И., Егоров С.Б., Чистяков А.Ю. Этнография Северо-Запада России. – СПб., 2004.
8. Раудалайнен Т.К. Функционалистская система или динамика речевых практик? (Пророчество в среде финноязычных крестьянок Ингерманландии) // Сны Богородицы: исслед. по антропологии религии. *Studia Ethnologica*. – Вып. 3. – СПб., 2006. – С. 244–266.
9. Щипков А.В. Во что верит Россия? Религиозные процессы в постперестроечной России. – СПб., 1998.
10. Положение о Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России. – СПб., 1999.
11. Конькова О.И., Кокко В.А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. – СПб.: МАЭ РАН, 2009.

References

1. Elbakyan E. *Povsednevnost' religii ili religiya povsednevnosti?* [Everyday religion or the religion of everyday life?] <http://religiopolis.org/religiovedenie/5985-> (obrashchenie ot 05.07.2017).
2. Ylönen K. Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä. Jyväskylä, 1997.
3. *Osnovnye itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya na territorii Sankt-Peterburga. Statisticheskij sbornik* [The main results of the population census on the territory of St. Petersburg. Statistical compendium]. Sankt-Peterburg, 2012.
4. Isaev S.A. *Kak i pochemu razoshlis' puti religioznogo i nacional'nogo vozrozhdeniya ingermanlandskih finnov?* [How and why differing ways of religious and national revival of the Ingermanland Finns?] // *Minoritetnye etnicheskie gruppy v Rossii v ehposhu peremen: strategii i sposoby adaptacii* [Minoritary ethnic groups in Russia in an era of change: strategy and methods of adaptation]. Sost.i red. P.V.Krylov. SPb: Izdatel'stvo SPbNPIPT, 2008.

5. Kurilov V.A. *Sekulyarizaciya i ateizaciya v Sovetskom Soyuze v 60-e i 80-e gg. XX v.* [Secularization and teisala in the Soviet Union in the 60-ies and 80-ies of XX century] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. SPb., 2016. № 1. S. 142–153.

6. YAlovicyna S.EH. *Lyuterane v Karelii: istoricheskie ocherki* [Lutherans in Karelia: historical essays]. Petrozavodsk, 2016.

7. Gadlo A.V., Vernyaev I.I., Egorov S.B., CHistyakov A.YU. *EHtnografiya Severo-Zapada Rossii* [Ethnography Of The North-West Of Russia]. SPb., 2004.

8. Raudalajnen T.K. *Funkcionalistskaya sistema ili dinamika rechevyh praktik? (Prorochestvo v srede finnoyazychnyh krest'yanok Ingermanlandii)* [Functionalist system or the dynamics of speech practices? (Prophecy in the environment of the Finnish-speaking peasant of Ingria)] // *Sny Bogorodicy. Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of the virgin. Studies in the anthropology of religion]. *Studia Ethnologica*, vyp. 3. SPb., 2006. C. 244–266.

9. SHCHipkov A.V. *Vo chto verit Rossiya? Religioznye processy v postperestroichnoj Rossii* [He believes Russia? In post-perestroika Russia]. SPb., 1998.

10. *Polozhenie o Evangelicheskoy Lyuteranskoj Cerkvi Ingrii na territorii Rossii* [10. The position of the Evangelical Lutheran Church of Ingria in Russia]. SPb., 1999.

11. Kon'kova O.I., Kokko V.A. *Ingermanlandskie finny. Ocherki istorii i kul'tury* [Ingrian Finns. Essays on the history and culture]. SPb: MAEH RAN, 2009.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(47)."1851/1917":339.1:636.1
ГРНТИ 03.23.31

Д.А. Мельникова

Конская торговля в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

В статье рассматривается состояние внутренней конской торговли на территории Европейской части Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. На основе исследования архивных, публицистических и статистических источников анализируются ведущие типы конской торговли: городской, рыночной и ярмарочной. Внимание автора обращено к ярмарочной торговле как самой распространённой на территории России. Приводятся данные по количеству ярмарок в разное время года, их территориальному распределению и направлениям сбыта лошадей. Выделяются особо важные центры ярмарочной торговли. Отмечается взаимосвязь экономических и природно-климатических факторов на уровень развития конской торговли в различных губерниях.

Выявлено, что самым развитым регионом ярмарочной торговли были территории некоторых черноземных и малороссийских губерний. Большое число государственных и частных заводов на данных территориях способствовали распространению различных пород и типов лошадей в соседние регионы.

Ключевые слова: лошади, конская торговля, ярмарки, конная площадь, вторая половина XIX – начало XX вв., Санкт-Петербург, внутренняя торговля, коневодство, конные заводы, направления сбыта лошадей.

D.A. Melnikova

Horse-trading of Russian Empire in the second half of XIX – at the beginning of the XX c.

The article is considered the state of domestic horse trade in the territory of the European part of the Russian Empire in the second half of the XIX - beginning of the XX centuries. Based on the study of archival, journalistic and statistical sources analyzes the main types of horse trade are analyzed: urban, market and fair. The attention of the author turns to the most widespread form of equestrian trade on the territory of Russia – fair. Data are given by the number of fairs at different times of the year and their territorial distribution and directions of sale of horses. Author highlights especially important centers of fair trade.

Were revealed that the most developed region of fair trade was the territory of some chernozem and Little Russian provinces. Many numbers of state and private

plants in these territories contributed to the spread of various breeds and types of horses to neighboring regions. Author notes the relationship of economic and natural-climatic factors to the level of development of horse trade in various provinces.

Key words: horses, horse-trading, fairs, equestrian area, the second half of the XIX – the beginning of the XX century, Saint-Petersburg, domestic trade, horse-breeding, stud farms, directions of sales of horses.

К концу XIX в. Российская империя занимала первое место среди стран Европы по числу лошадей. Количество конского поголовья Европейской территории России в 1882 г. составляло 21 065 000 [1. Л. 31]. Столь значительное число было обусловлено многими факторами: лошадь продолжала оставаться главным средством передвижения в городе, сельской местности, была необходима в армии; ее значение по-прежнему было велико в крестьянском хозяйстве в качестве живого инвентаря, что подтверждают результаты переписи 1899 г., в соответствии с которыми 97,6 % поголовья принадлежало крестьянам [1. Л. 18].

Однако, распределение конского поголовья по Европейской территории России было неравномерным, что было вызвано рядом причин. Так южные и центральные губернии имели преимущество по разведению разнообразных типов и пород лошадей благодаря наличию свежих кормов, теплого сухого климата, а также постоянному притоку новых лошадей с пограничных территорий, что было мало доступно для северных регионов.

Вышеперечисленные факторы способствовали выделению особо важной отрасли торговли – конской, которая активно развивалась как между губерниями внутри Российской империи, так и за ее пределами. Несмотря на высокую потребность северных губерний в лошадях, возможностей для их приобретения было не так много, что было вызвано многими причинами. Главные из них – большие расстояния между пунктами торговли и низкий уровень развития путей сообщения. Из-за этого конская торговля внутри южных губерний, как правило, реализовывалась между жителями соседних городов и регионов [2, с. 8].

Внутренняя конская торговля Российской империи проходила в различных формах. Массовый сбыт лошадей осуществлялся между частными владельцами, коннозаводчиками, крестьянами, а также с участием барышников и цыган. В небольших населенных пунктах торговля реализовывалась на однодневных базарах – торжках, а также сельских рынках. В губерниях с высоким уровнем развития коневодства: Саратовской, Воронежской, Киевской, Каменец-Подольской, Тамбовской, Черниговской, большой интерес представляли еженедельные базары, так как на них можно было найти много хорошего материала и приобрести его из первых рук. Мест-

ные заводы «...давали прекрасные результаты...», которыми мог воспользоваться опытный покупатель [2, с. 11]. Однако такая форма сбыта лошадей имела свои недостатки. Лошади не выставлялись на показ, коневоды не беспокоились о продаже, а покупатель был вынужден самостоятельно «...уговаривать хозяина лошади продать ее...» [2, с. 11].

Несмотря на широкое распространение конской торговли на специализированных рынках, статистические сведения о ней не сохранились, так как специальному контролю данная торговля не подвергалась.

В крупных городах конская торговля проходила на специальных конных площадях. Ярким примером такого типа торговли служила конная площадь столицы Российской империи – Санкт-Петербурга. Первоначально место торговли располагалось на Знаменской площади, а после 1840-х гг. оно было перенесено в конец Невского проспекта. С 1870-х гг. и до начала XX в. конная торговля столицы проводилась на специально выделенном участке на Александровском плацу [3, с. 3–4].

Торг лошадьми производился не каждый день, а только трижды в неделю: по воскресеньям, средам и пятницам. В эти дни на площади собирались все желающие купить, продать или обменять лошадей. С 1890 по 1893 гг. привод лошадей ежегодно составлял более 40 000 голов (табл. 1). В дни оживленного торга на площади насчитывалось до 500 голов, в дни затишья – около 150.

Таблица 1

Количество лошадей, приводимых на конную площадь в Санкт-Петербурге в начале 1890-х гг. [3, с. 6]

Год	Количество лошадей
1890	45 659
1891	44 224
1892	45 935
1893	43 168

Большая часть лошадей продавалась в тот же день, и только небольшая часть из них приводилась несколько раз. Необходимо отметить, что быстрее всего раскупались старые и покалеченные лошади, которые пользовались большим спросом у татар для убоя на шкуры или мясо [3, с. 11].

Более качественных лошадей покупали представители извозо-промышленных учреждений и владельцы мелких промышленных и торговых предприятий, которым принадлежало $\frac{3}{4}$ всех столичных

лошадей [3, с. 7]. Неблагоприятные условия города: булыжные мостовые, некачественнаяковка, плохое питание и нецелесообразный уход – негативно отражались на извозничьих лошадях, которых приходилось часто менять и закупать новых. Таким образом, извозпромышленники становились одними из самых многочисленных покупателей, а также продавцов, так как негодные лошади сбывались на той же площади.

Другим источником привода лошадей служили поставки от коннозаводчиков, которые отправляли их железными дорогами и гоном в столицу. Доставленные из различных губерний, лошади сортировались на две большие группы. Лучшие из них переходили во дворы крупных барышников, которые торговали дорогими лошадьми определенных пород и сортов [3, с. 8].

Большая часть приводимых на площадь лошадей не имели высокого качества и каких-либо достоинств, несмотря на породистое разнообразие. Здесь сложно было встретить тяжеловозов и лошадей для каретного извоза. Для их приобретения необходимо было обращаться к профессиональным барышникам за пределами площади.

Цены на лошадей колебались от 3 до 350 р. [3, с. 11]. Всех лошадей, продаваемых на площади, можно было разделить на две категории. Первую из них составляли лошади, покупаемые на убой. Их стоимость была самой минимальной, так как покупались они не по одиночке, а сразу оптом и имели, как уже было сказано выше, непригодное для работы состояние. Цена на таких лошадях колебалась от 3 до 30 р. Следующая категория включала лошадей более высокого качества по цене от 20 до 350 р. [3, с. 11]. Окончательная стоимость зависела от состояния лошади и времени года, которое часто оказывало значительное влияние на ценообразование. Так, весной и летом цены повышались, а зимой, когда фураж становился дороже, понижались. Годовой оборот торговли на площади от первой категории лошадей составлял в среднем 75 000 р., а от второй – до 245 000 р. [3, с. 11].

Несмотря на активность вышеуказанных форм конской торговли, основными центрами сбыта лошадей внутри России являлись ярмарки, которые подразделялись на общие и специализированные – конские. География ярмарок была весь обширна – они проводились на территориях всех губерний и областей. Пункты торговли создавались в городах, больших слободах, селах и при заводах. Около 80 % ярмарочной торговли приходилось на сельскую местность [4, с. 3].

Распределение ярмарок территориально было неравномерным. Каждый регион Российской империи имел свои особенности конной ярмарочной торговли, которые зависели от социально-экономического уровня развития данной местности. Среди губерний

с наиболее высоким оборотом конской торговли выделялись: Черниговская, Харьковская, Воронежская, Полтавская, Курская, Тамбовская, Подольская и Донская область.

Таблица 2

Количество ярмарок некоторых малороссийских и черноземных губерний в 1874 г. [5, с. 201]

Губерния	Число ярмарок	Привод лошадей
Черниговская	55	36 600
Воронежская	42	41 600
Харьковская	35	20 400
Полтавская	32	15 900
Курская	22	15 800
Тамбовская	21	26 100
Подольская	14	12 000
Донская область	16	22 600

Выделение данных регионов в отдельную группу было обусловлено наличием большего числа государственных конных учреждений. Например, на территории Курской губернии функционировали Беловодские государственные конные заводы, в число которых входили Деркульский, Стрелецкий, Ново-Александровский и Лимаревский заводы, а на территории Воронежской губернии располагался Хреновской конный завод.

Помимо государственных конных заводов, на данных территориях функционировало более 800 частных конных заводов (табл. 3). Отдельно необходимо отметить Донскую область, особенностью которой было разведение лошадей в форме табунного коннозаводства. Данная форма позволяла выращивать лошадей для армии [6, с. 17], для которой приобреталась большая часть из них. Оставшиеся лошади поступали на продажу, также как и лошади других регионов.

Таблица 3

Статистика частных конных заводов на территории особо развитых губерний в 1888 г. [5, с. 201]

Губерния	Общее число частных конных заводов
Воронежская	196
Полтавская	195
Тамбовская	167
Курская	164
Подольская	109
Харьковская	89
Черниговская	64

Центры конской торговли в Черниговской губернии располагались в г. Мглине в июне и августе; в м. Ичене в июле. В г. Новозыбкове 23 апреля проводилась Георгиевская ярмарка, 20 июля – Ильинская, а 26 сентября – Ивановская. Основную массу лошадей, приводимых на продажу в Черниговской губернии, составляли крестьянские, заводские и упряжные породы [2, с. 38].

В Воронежской губернии крупных центров торговли было больше: с. Тишанка, Бобров, Нижнедевицк, Репьевка, Старая Хворостань, Орехово и Толчевский монастырь. Среди ярмарок Курской губернии выделяли: Коренную ярмарку в Курском уезде; ярмарки в слободе Рыбинские Буды Обоянского уезда, с. Медвенке того же уезда, слободе Мантуровой Тимского уезда и в г. Щигры. Наличие множества конных заводов на территории Курской и Воронежской губерний (табл. 3) давало больше разнообразного материала для торговли. Помимо крестьянских и упряжных лошадей, в данные пункты приводились обозные, артиллерийские, ремонтные породы и донские табуны [2, с. 20–21, 34–36].

Известным центром торговли в Тамбовской губернии был г. Лебедянь, где несколько раз в год проводились Богоявленская ярмарка с 26 декабря по 6 января и Троицкая – с 15 сентября по 1 октября. В Тамбове ярмарочная конная торговля проходила в июне и октябре, а на продажу приводились лошади самых разнообразных пород.

Среди других ярмарок Европейской России, специализирующихся не только на конской торговле, выделялись особо крупные. Одной из таких являлась Мензелинская ярмарка, располагавшаяся на территории Уфимской губернии. Торговля в данном пункте началась 26 декабря и продолжалась до 6 января [8, с. 21]. По количеству и разнообразию пород лошадей Мензелинская ярмарка могла удовлетворить вкусы и потребности любого покупателя. Сюда приводились косяки киргизских, башкирских и сибирских лошадей с соседних степных территорий. Из Симбирской губернии пригоняли брак местных заводов, полукровок, рысаков и тяжеловозов, верховых лошадей. Пермские и вятские барышники приводили вятков и обвинок.

Цены на лошадей Мензелинской ярмарки зависели от породы, сорта лошади. Так, за крестьянских лошадей различных пород цены колебались от 45 до 75 р., за косячную незаезженную лошадь можно было получить 30–80 р. [9, с. 54].

Менее крупной по оборотам и по количеству приводимого поголовья являлась Сарапульская ярмарка, которая тем не менее играла видную роль в конской торговле Вятского края. Если на

предыдущей ярмарке товар приводился «в черном теле», т. е. специально не подготовленным для продажи, то на Сарапульской ярмарке товар был «...подборный и выхоленный» [9, с. 54]. Основу приводимого поголовья составляли «...продукты скрещивания местной лошади с рысистой и тяжеловозом» [9, с. 55]. Также здесь можно было встретить обвинскую, сивинскую, чернавскую породы лошадей. Помимо Сарапульской ярмарки важную роль для края играли Кирбаевская и Каракулинская местные ярмарки, так как именно здесь крестьяне имели возможность купить хорошую рабочую лошадь.

Самой значительной по оборотам и по конскому составу во всем Поволжье и Закамье считалась Симбирская ярмарка, открывавшаяся на масленицу. Являясь богатой по количеству лошадей, ярмарка была крайне однообразна, так как основу конского материала составляли лошади симбирского типа, которые отличались тяжеловатостью и грубым сложением [8, с. 23]. Иногда на ярмарке можно было встретить косяки киргизских лошадей. Много лошадей закупалось иностранными агентами, особенно австрийскими, также встречались и русские ремонтеры, покупающие лошадей для военных нужд.

Всего же к 1888 г. на территории Европейской России собиралось до 1 090 ярмарок на 471 ярмарочном пункте [7, с. 215]. На более 60 пунктах торговли привод лошадей составлял от 1 500 до 12 000 голов, а всего за год до 240 000 голов. В 26 пунктах привод был от 1 000 до 1 500 лошадей в год. На других пунктах данное число было менее 1 000. Общий годовой привод лошадей на всех ярмарках составил 360 000 голов, а от продаж было выручено более 9 000 000 р. [7, с. 215]. Необходимо отметить, что обороты внутренней конной торговли были намного выше, так как не все формы сбыта статистически фиксировались.

Наиболее активно ярмарочная торговля проводилась в июне и сентябре (табл. 4). Влияние на торговлю оказывали погодные условия и состояние путей сообщения. Самыми удобными периодами для продажи лошадей всегда оставались лето и осень, так как в это время лошадь «...бывает в своем лучшем виде...», благодаря свежим кормам и теплой сухой погоде. В июле и августе количество ярмарок резко снижалось, чему способствовало начало сельскохозяйственных работ, в которых было необходимо участие лошади. Снижение конской торговли зимой было обусловлено тем, что крестьяне часто промышляли частным извозом в это время года.

Распределение ярмарок по месяцам в 1874 г. [2, с. 4]

Месяц	Количество ярмарок
Январь	65
Февраль	82
Март	81
Апрель	69
Май	104
Июнь	148
Июль	63
Август	94
Сентябрь	121
Октябрь	113
Ноябрь	73
Декабрь	60

Как уже отмечалось выше, каждый регион Российской империи, а также губернии имели климатические и экономические особенности, что отражалось на направлениях внутреннего и внешнего сбыта конского товара. Так верховые лошади заводов Полтавской, Херсонской, Екатеринославской, Подольской и Бессарабской губерний поставлялись для гвардейской кавалерии. Часть из них выводилась в Австрию и Румынию.

Основным рынком сбыта донской породы являлась сама Донская область. Кроме того, местные лошади пользовались спросом в Астраханской, Саратовской, южных уездах Воронежской, Курской, Харьковской губерниях и Бессарабии. По тем же направлениям сбывались лошади калмыцкой и кавказской породы. Некоторые породы сбывались только там, где выводились. Так вятские лошади продавались исключительно в границах Вятской губернии. Жмудская порода, особо ценящаяся как рабочая лошадь, сбывалась только в Россиенском уезде Ковенской губернии.

Итак, рассмотрев состояние внутренней конской торговли в Российской империи, мы можем сделать вывод, что данная отрасль торговли была хорошо развита и была очень важна, так как применение лошади было необходимо в самых различных сферах хозяйственной жизни. Среди всех форм торговли выделялись: городская, рыночная и ярмарочная. Последняя являлась самой распростра-

ненной, так как была доступна для всех слоев населения. Несмотря на широкое распространение данной формы торговли, ее центром стали черноземные и малороссийские губернии, чему способствовало многообразие государственных и частных заводов на данных территориях.

Список литературы

1. Российский Государственный исторический архив. Ф. 412 / Главное Управление Государственного коннозаводства. Оп. 11. Д. 468.
2. Сборник сведений о торговле лошадьми и перечень конских заводов в России / сост. И.К. Мердер. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1871. – 138 с.
3. Савваитов Н.П. Статистические данные о торговле лошадьми на конной площади в Санкт-Петербурге и очерк ветеринарно-санитарного ее состояния. – СПб.: Тип. Шредера, 1895. – 31 с.
4. Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. – СПб.: Типография редакции периодических изданий министерства финансов, 1914. – 60 с.
5. Статистическое обозрение Российской империи / сост. В. де Ливрон. – СПб.: Общественная польза, 1874. – 370 с.
6. Мельникова Д.А. Донское частное коннозаводство во второй половине XIX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 7. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 18–21.
7. Дубенский Д.Н. Коневодство и перевозочные средства Европейской России (по официальным данным военно-конской переписи 1888 г.). – СПб.: тип. Департаменте Уделов, 1891. – 218 с.
8. Кечеджи-Шаповалов М.В. Коневодство, коннозаводство и торговля лошадьми в России. – СПб.: Улей, 1912. – 24 с.
9. Денисов В.И. Ярмарки. – СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1911. – 139 с.

References

1. Rossijskij Gosudarstvennyj istoričeskij arhiv. F. 412 - State Breeding Administration. Op. 11. D. 468.
2. *Sbornik svedenij o torgovle lošhad'mi i perečen' konskix zavodov v Rossii* [Collection of information about horse – trading and the list of stud farms in Russia] / Sostavitel' I.K. Merder. St. Petersburg: tip. A. Benke, 1871. 138 p.
3. Savvaitov N.P. *Statističeskie dannye o torgovle lošhad'mi na konnoj ploshhadi v Sankt-Peterburge i ocherk veterinarno-sanitarnogo ee sostoyaniya* [Statistical information about horse – trade on the equestrian area in St. Petersburg and an outline of its veterinary and sanitary condition]. St. Petersburg: tip. Shredera, 1895. 31 p.
4. Kandelaki I. *Rol' yarmarok v russkoj torgovle* [The role of fairs in Russian trade]. St. Petersburg: Tipografiya redakcii periodičeskix izdanij ministerstva finansov, 1914. 60 p.
5. *Statističeskoe obozrenie Rossijskoj imperii* [Statistical Review of the Russian Empire] / Sostavitel' V. de Livron. – St. Petersburg: Obshhestvennaya pol'za, 1874. 370 p.

6. Mel'nikova D.A. *Donskoe chastnoe konnozavodstvo vo vtoroj polovine XIX v.* [The Don private horse-breeding in the second half of XIX c.] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: mater. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. V.V. Karpova. Vyp. 7.* St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. P. 18–21.

7. Dubenskij D.N. *Konevodstvo i perevozochnye sredstva Evropejskoj Rossii (Po oficial'nym dannym voenno-konskoj perepisi 1888 g.)* [Equine and conveyance means of European Russia (According to official data of the military-horse census of 1888)]. St. Petersburg: tip. Departamente Udelov, 1891. 218 p.

8. Kechedzhi-Shapovalov M.V. *Konevodstvo, konnozavodstvo i trgovlya loshad'mi v Rossii* [Horse breeding, horse breeding and horse-trade in Russia]. St. Petersburg: Ulej, 1912. 24 p.

9. Denisov V.I. *Yarmarki* [Fairs]. St. Petersburg: Tipografiya V.O. Kirshbauma, 1911. 139 p.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 94(47)"1851/1917":323.33-055.2
ГРНТИ 03.23: История России

О.В. Северцева

Повседневная жизнь российских работниц во второй половине XIX – начале XX в. в контексте «женского» и «рабочего» вопросов (по материалам периодической печати дореволюционного периода)

В статье анализируются журнальные публикации второй половины XIX – начала XX в., которые были посвящены описанию повседневной жизни работниц промышленности. Российские издания этого периода предлагали различные методы по улучшению существования женщин-работниц фабрик и заводов. Консервативная печать считала, что эту проблему возможно решить с помощью грамотного законодательства. Либералы предлагали не только разрабатывать необходимые законы, но и создавать общества, представляющие интересы и отстаивающие права данной социальной группы. Социал-демократическая пресса видела решение проблемы в свершении пролетарской революции и установлении всеобщего равенства. Но все политические течения рассматривали тяжелейшие условия существования работниц не как отдельную проблему, а в контексте решения «женского» и/или «рабочего» вопросов.

Ключевые слова: вторая половина XIX – начало XX вв., работницы промышленных предприятий, «женский» вопрос, «рабочий» вопрос, консерваторы, либералы, социал-демократы.

O.V. Severtseva

Daily routine life of Russian workwomen in the second half of XIX – early XX century in the context of "female" and "work" issues (according to the materials of the periodical press of pre-revolutionary period)

In article it to be told about journal publications of the second half of XIX – the beginnings of the 20th century which have been devoted to the description of everyday life of workers of the industry. The Russian editions of this period offered various methods on improvement of existence of female workers of factories and plants. The conservative press considered that it is possible to solve this problem with the help of the competent legislation. Liberals suggested not only to draft necessary laws, but

also to create the societies representing the interests and asserting the rights of this social group. The social democratic press saw a solution in fulfillment of proletarian revolution and establishment of general equality. But, all political trends considered the heaviest living conditions of workers not as a separate problem, and in the context of the solution of "female" and/or "working" questions.

Key words: the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries, workers of the industrial enterprises, a "female" question, a "working" question, conservatives, liberals, social democrats.

Социально-экономические преобразования, происходившие в России во второй половине XIX в., а также развитие новых технологий в области печати и получения информации стали толчком для бурного развития периодических изданий в нашей стране. Периодическая печать являлась средством для более оперативного обмена информацией, взглядами, идеями, мнениями.

На страницах многих журналов обсуждался вопрос о тяжелейших условиях, в которых приходилось жить и трудиться работникам промышленных предприятий. Некоторые из публикаций были посвящены именно женскому труду на заводах и фабриках. Эти статьи имеют ряд особенностей.

Во-первых, большинство публикаций не было адресовано работницам промышленности. Журналы, в которых можно встретить описание жизни промышленных работниц, как правило, не читались данной социальной группой. Женщины, работающие на фабриках и заводах, в большинстве были малограмотны или вовсе неграмотны. А статьи были написаны литературным публицистическим, а не разговорным языком, который был достаточно тяжелым для восприятия женской аудитории низших слоев населения.

Во-вторых, так как статьи о жизни работниц фабрик и заводов были написаны не для них, то, очевидно, они были рассчитаны на другую целевую аудиторию. Эти публикации адресовались интеллигентным, образованным, читающим людям среднего класса. Также подобные публикации были своеобразной ареной для аккумуляции своих идей различными политическими партиями и течениями.

Наконец, публикации о работницах промышленной сферы были посвящены женскому пролетариату не как отдельной теме, а совокупности существующих в государстве социальных проблем. И вопрос качества их жизни рассматривался в контексте решения двух более глобальных задач: «женского» или «рабочего» вопросов.

Необходимо отметить, что и та, и другая проблемы были довольно популярны в рассматриваемый исторический период. Поэтому многие журналы, следуя моде, публиковали на своих страницах статьи о трудной жизни работниц промышленности, вновь принятые фабричные законы или законодательные инициати-

вы. Например, журнал «Мир женщины», кроме публикаций о женском движении (1914, № 1), обсуждении вопроса о женской фабричной инспекции (1914, № 9) или о роли женщин в период Первой мировой войны (1916, № 4) печатает и статью «Дети города». Безрадостна жизнь маленьких обитателей города – детей рабочих фабрик и заводов. «То, что называется «семейным очагом» для них – звук пустой: отец не знает детей, а мать после дня тяжелой работы должна заботиться о тысяче мелочей домашнего обихода. Пинками и толчками воспитывает она своих детей, срывая на них все, что наболело внутри» [1, с. 30].

Авторы всех статей единодушны в том, что жизнь женщины-работницы крайне тяжела. Это и продолжительный рабочий день, и более низкая, чем у мужчин, заработная плата, и отсутствие должной медицинской помощи. И трудиться, и жить женщинам приходилось наравне с мужчинами в антисанитарных условиях. Кроме того, работницам приходилось терпеть постоянные унижения, оскорбления, сексуальные домогательства со стороны администрации промышленных предприятий. Получить защиту и поддержку женщинам было крайне сложно.

Сторонники консервативных, либеральных и социал-демократических взглядов предлагали свои способы подъема уровня жизни работниц промышленности. Необходимо рассмотреть и сравнить предложения различных политических течений по улучшению повседневности работниц промышленности в контексте решения «женского» и «рабочего» вопросов.

По мнению И.И. Юкиной, под «женским вопросом» следует понимать «осмысление индивидуальных проблем женщин как социальных, возникших в связи с изменением их самоидентификации и требованиями ими права на реализацию своих интересов и возможностей в публичной сфере» [2, с. 44]. Женщины-работницы фабрик и заводов длительное время не являлись активными борцами за свои права. Только к 1912 г. женский пролетариат стал массово принимать участие в рабочем движении [3, с. 36].

«Современная историография под рабочим вопросом ... понимает комплекс проблем, которые можно объединить в две основные группы: первая представлена взаимоотношениями хозяев и рабочих в процессе производства, проявляющимися в условиях найма, начислении заработной платы, порядке работы на предприятии, продолжительности рабочего дня и т. п.

Вторую группу проблем в рамках рабочего вопроса представляют вопросы социального плана, имеющие большое значение для жизни и труда рабочих, а также воспроизводства рабочей силы: образование и повышение культурного уровня рабочих, жилье, меди-

цинское обслуживание, различные виды социального обеспечения» [4, с. 14–15].

Консервативная печать была представлена такими изданиями, как «Русское обозрение», «Прямой путь», «Гражданин», «Русский вестник» и др. Консерваторы рьяно отстаивали идеи сохранения как монархической формы правления, так и патриархального семейного уклада. Женщина должна была, с их точки зрения, оставаться хранительницей домашнего очага и не более этого. «Консерваторы, следуя хорошо усвоенному ими шаблону, ратуют против расширения женских прав...» [5, с. 16].

Особенно беспокоил консервативных деятелей вопрос о том, что женщины займут многие общественно значимые должности. А значит, мужчинам придется искать другие способы для реализации своих трудовых возможностей. Поэтому равные права на труд, как и на многие другие аспекты общественной жизни, консерваторы признавали недопустимыми. Но фабричных работниц это ни в коей мере не касалось [2, с. 108]. Наоборот, право на труд женщин на фабриках приветствовалась консервативными активистами. Главное, чтобы женщина не составляла конкуренцию мужчинам при «высокооплачиваемом, престижном, профессиональном» труде [2, с. 108]. То есть консерваторы, пытаясь оградить женщин от занятий общественным трудом, дабы сохранить их здоровье для рождения и ухода за детьми, ничего не имели против изнуряющего, многочасового стояния работниц за станком на фабрике.

О здоровье женщин-работниц промышленных предприятий, на взгляд монархических изданий, будет радеть государство в рамках решения «рабочего вопроса». «По мнению Л.А. Тихомирова, главной обязанностью государства является обязанность заботиться о слабой части населения, которая, по его мнению, была представлена именно рабочими» [6, с. 71].

Но «рабочий вопрос» изначально консервативной прессой представлялся не как самый значимый [4, с. 15–16]. Улучшение взаимоотношений между рабочими и предпринимателями, а также повышение жизненного уровня промышленных трудящихся могло произойти, по предположению консерваторов, благодаря принятию властями новых законов и контролем над их соблюдением. И хотя многие законодательные инициативы вызывали критические замечания в консервативной печати, в целом именно грамотное фабрично-заводское законодательство виделось консерваторами панацеей от социальных волнений рабочих и улучшением их условий жизни [4, с. 18–19]. В реальности принятыми законами не были довольны ни рабочие, ни предприниматели [6, с. 72]. Промышленники с успехом обходили все законодательные препоны. А рабочие, особенно

работницы, не получали от государства ни правовых, ни социальных, ни экономических гарантий.

Если консервативная пресса старалась всячески приукрасить жизнь рабочих, убедить читателей, что эти трудности лишь временные, либеральная печать пыталась показать реальную картину положения рабочих в России. К таким изданиям в первую очередь следует отнести: «Русское богатство», «Вестник Европы», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.

Довольно большое количество статей, описывающих жизнь работниц фабрик, можно встретить и в либеральных журналах феминистской направленности, таких как «Женский вестник» или «Союз женщин».

Под «женским вопросом» в либеральной прессе в первую очередь понималось получение женщинами равных с мужчиной прав на труд, образование, участие в общественной жизни, реализацию своих возможностей и желаний. «Либералы, в противоположность охранителям, стоят за эмансипацию женщин. Эта идея близка их сердцу, прежде всего постольку, поскольку в ней выражен принцип равноправности» [5, с. 16].

Либеральные журналы старались поднять уровень образования и воспитания женщин [7, с. 312]. Они публиковали на своих страницах статьи по педагогике, истории, литературе, естественным наукам. Феминистские журналы призывали к общему объединению всех женщин независимо от их социального положения. М.И. Покровская считала, что интеллигентным женщинам и фабричным работницам необходимо вместе бороться с проституцией, алкоголизмом, войной [8, с. 67]. И самое главное: женщине пора перестать быть рабой, покоряться во всем мужчине. По мнению феминистских изданий, обществу давно пора прислушаться к женским проблемам. «...Женский вопрос» – это вопрос общечеловеческий, ... его нельзя оторвать от вопроса мужского и ... решение всех социальных, экономических и политических вопросов современной жизни тесно с ним связано» [9, с. 1–2].

«Рабочий вопрос» в либеральных изданиях обсуждался не реже, чем «женский». Публицист Я. Абрамов на страницах журнала «Отечественные записки» констатировал, что «условия, которыми обставлена жизнь фабричного рабочего, хуже условий жизни последней крестьянской лошаденки – клячи; труд, который он несет, может быть назван «лошадиным» разве только ради *мягкости* этого выражения» [10, с. 67].

А в 1905 г. в нескольких номерах журнала «Правда» было опубликовано исследование К.А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России». Анализируя размер женской заработной платы, К.А. Пажитнов приводит экономические причины проституции в сре-

де работниц фабрик. «На языке рабочих это называется «дорабатывать»... – это значит, сверх работы заниматься другой работой – вынужденной продажей своего тела...» [11, с. 146].

А в феминистских журналах «рабочий вопрос» рассматривался как вторичный. Во-первых, по словам М.И. Покровской, главное – это решение «женского» вопроса, т. е. проблем равноправия женщин, их самоидентификации в обществе. «Рабочий вопрос у нас в России касается нескольких миллионов, кажется, миллионов пятишести, а женский шестидесяти миллионов. Что важнее: улучшить положение пяти миллионов или шестидесяти? Ответ понятен» [12, с. 43].

Во-вторых, журнал «Союз женщин» считал, что пролетарка должна сама научиться отстаивать свои интересы. «Пусть пролетарка сама борется за свои права в рядах сознательного пролетариата, но мы, интеллигенция, ... мы обязаны помочь ей в этом всеми богатствами своих знаний» [9, с. 1].

Таким образом, либерально настроенные издания старались правдиво осветить условия жизни рабочих и работниц промышленных предприятий. Улучшение положения трудящихся заводов и фабрик либералы видели в первую очередь в объединении различных социальных групп в борьбе за свои права, путем создания общественных организаций, профессиональных артелей, союзов, клубов по повышению образования и воспитания.

Отношение социал-демократических течений к «женскому» и «рабочему» вопросам можно проследить на примере журналов «Искра», «Рабочая мысль», а, также первому журналу для женщин, занятых в промышленном производстве, – «Работнице».

«Суть социал-демократического понимания «женского вопроса» заключалась в том, что положение женщины при капитализме вызвано разделением труда и частной собственностью, что женщина-работница испытывает двойной гнет капитала и буржуазной семьи и что ее освобождение произойдет вместе с пролетариатом в результате победы пролетарской революции, которая уничтожит и частную собственность, и буржуазную семью» [2, с. 229].

Для социал-демократов «женский» и «рабочий» вопросы были неразрывно связаны между собой. «Большевики не выделяли женский вопрос из общих задач рабочего класса, резко отрицательно относились к самостоятельным женским организациям, считая, что борьба женщин в составе рабочего движения эффективнее борьбы феминисток» [3, с. 35].

Увеличение женщин в промышленном производстве, а также их участие в рабочем движении потребовало от большевиков создания собственного печатного органа, ориентированного на работниц фабрик и заводов. «Журнал «Работница» вышел в свет 23 февраля

(8 марта) в 1914 г. как орган ЦК РСДРП, явившийся первым большевистским массовым легальным женским журналом, ставившим своей целью защиту интересов женского рабочего движения и имевшим свою собственную аудиторию – женщин-работниц» [3, с. 37].

Статьи в журнале были написаны простым языком, который должен был быть понятен труженицам промышленного производства. Практически в каждом номере печатались стихотворения о тяжелой судьбе работниц и скором наступлении «светлого будущего». Подписи под статьями также должны были вызывать доверие работниц: Новоайвазовская работница, работница Паша, старая работница, старый товарищ, нов. раб. и др. Призывы к борьбе, вступлению в профессиональные союзы, необходимости выступления наравне с мужчинами «за наше общее дело» являлись основными психологическими приемами воздействия на женщин-работниц. Журнал должен был стать настоящим «защитником» прав работниц. «Товарищи-работницы! Только сплочением и организацией сможем мы улучшить те ужасные условия, в которых нам приходится сейчас трудиться, только ими приведем мы к концу тот «великий пост» и ту «страстную неделю», в которых всем нам приходится проводить всю свою жизнь» [13, с. 5].

Таким образом, социал-демократическая печать вела деятельную агитацию в среде женщин-работниц фабрик и заводов. В их лице большевики видели активных членов и деятельных борцов своей партии. «Женский вопрос» не рассматривался социал-демократами отдельно от «рабочего». Только совместными усилиями и мужчин, и женщин, рабочих и интеллигенции возможна победа пролетарской революции и установление социалистического строя.

Подводя итог исследованию российской периодической печати дореволюционного периода, освещающей особенности положения работниц промышленных предприятий, необходимо отметить, что ни одно из печатных изданий не рассматривало работниц как отдельную социальную группу. Описание условий труда и отдыха женщин, работающих на фабриках и заводах, приводились в качестве примера тяжелейшего существования низших классов русского общества. Различные политические течения по-своему рассматривали возможности улучшения уровня и качества жизни трудящихся женщин. Однако и до сегодняшнего момента многие проблемы, поднимаемые в прессе периода второй половины XIX – начала XX в., остаются актуальными.

Список литературы

1. Мир женщины. – СПб., 1914. – № 15.
2. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.

3. Гусева И.Е., Ершова Т.В. Женская большевистская пресса в 1914–1917 годы // Вестн. Москов. город. пед. ун-та. Сер. Исторические науки. – 2007. – № 2(26). – С. 35–42.
4. Снесарева Н.В. Особенности пролетариата и рабочего вопроса в России на страницах консервативной прессы конца XIX – начала XX в. // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. – 2012. – №3. – С. 14–19.
5. Верременко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX вв.). – СПб.: Изд-во Высшей административной школы. – 2004. – 150 с.
6. Снесарева Н.В. Разработка фабричного и социального законодательства в освещении консервативной печати на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. – 2013. – № 5. – С. 68–73.
7. Вахромеева О.В. «Женский вопрос» на страницах либеральных и консервативных журналов 80-х гг. XIX в. // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 4–2. – С. 311–316.
8. Покровская М.И. // Женский вестн. – 1908. – № 3.
9. Союз женщин. – СПб. – 1907. – №1.
10. Северцева О.В. Болезни, увечья и компенсация при их получении женщинами-работницами фабрик и заводов Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. // Клио. – 2016. – № 2. – С. 66–69.
11. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России // Правда. – СПб. – 1905. – Июль.
12. Масалкина Д.А. Журнал «Женский вестник» (1904–1917) о правах женщин // Культурная жизнь юга России. – Краснодар. – 2012. – С. 42–44.
13. Бобылева О. Массовые отравления работниц галошниц в Риге и Петербурге // Работница. – 1914. – № 2.

References

1. *Mir zhenshchiny* [World of the woman]. SPb. 1914. No. 15.
2. Yukina I.I. *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as present call]. SPb.: Alethea, 2007. – 544 p.
3. Guseva I.E., Ershova T.V. *Zhenskaya bol'shevistskaya pressa v 1914–1917 gody* [The women's Bolshevik press in 1914–1917] // *Vestnik Moskovskogo gosrodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Moscow city pedagogical university. Series: Historical sciences]. 2007. No. 2(26). P. 35–42.
4. Snesareva N.V. *Osobennosti proletariata i rabocheho voprosa v Rossii na stranitsakh konservativnoi pressy kontsa XIX – nachala XX v.* [Development of the factory and social legislation according to the conservative press at a boundary of the XIX–XX centuries]. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. [Bulletin of the Moscow State regional university. Series: history and political sciences]. 2012. No. 3. P. 14–19.
5. Veremenko V.A. *Zhenshchiny v russkikh universitetakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Women at the Russian universities (the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. SPb.: [Publishing house of the Higher Administrative school]. 2004. – 150 p.
6. Snesareva N.V. *Razrabotka fabrichnogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva v osveshchenii konservativnoi pechati na rubezhe XIX – XX vv.* [Development of the factory and social legislation according to the conservative press at a boundary of the

XIX–XX centuries] // *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* [The Bulletin of the Moscow State regional university. Series: history and political sciences]. 2013. No. 5. P. 68-73.

7. Vakhromeeva O.V. «*Zhenskii vopros*» na stranitsakh liberal'nykh i konservativnykh zhurnalov 80-kh gg. XIX v. ["Women's issue" on pages of the liberal and conservative magazines of the 80th of the 19th century]. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Messenger of the St. Petersburg university. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism]. 2008. No. 4–2. P. 311–316.

8. Pokrovskaya M.I. // *Zhenskii vestnik*. [Female messenger]. 1908. No. 3.

9. *Soyuz zhenshchin* [Union of women]. SPb. 1907. No. 1.

10. Severtseva O.V. *Bolezni, uvech'ya i kompensatsiya pri ikh poluchenii zhenshchinami-rabotnitsami fabrik i zavodov Sankt-Peterburga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Diseases, mutilations and compensation at their receiving by female workers factories and plants of St. Petersburg in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries] // *Klio*. [Clio]. 2016. No. 2. P. 66–69.

11. Pazhitnov K.A. *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii* [Position of working class in Russia] // *Pravda*. [Truth]. SPb. July, 1905.

12. Masalkina D.A. *Zhurnal «Zhenskii vestnik» (1904–1917) o pravakh zhenshchin*. [The «Zhensky Vestnik» (1904–1917) magazine about the rights of women] // *Cultural life of the South of Russia. Krasnodar* [Cultural life of the South of Russia. Krasnodar]. 2012. P. 42–44.

13. Bobyleva O. *Massovye otravleniya rabotnits galoshnits v Rige i Peterburge*. [Mass poisonings of workers of galoshnitsa in Riga and St. Petersburg] // *Rabotnica* [Worker]. 1914. No. 2.

В.О. Левашко

Некоторые проблемы повседневной жизни начальствующего состава Краснознамённого Балтийского флота в преддверии Советско-Финляндской войны 1939–1940 гг.

В статье рассматриваются отдельные проблемы материального обеспечения, быта и повседневной жизни командного состава Краснознамённого Балтийского флота в преддверии Советско-финляндской войны. Социально-бытовые вопросы жизни военнослужащих являются важным фактором морально-психологического состояния воинов, которое в свою очередь является важнейшей составляющей боеготовности соединений и частей вооружённых сил любого государства.

Для командного состава флота важнейшее значение имеют такие проблемы, как своевременное обеспечение денежным и вещевым довольствием. Эти виды довольствия должны соответствовать критериям полноты, своевременности и качества. Критерий полноты и современности приобретает особое значение для женатых командиров, которым часто приходится содержать на своё довольствие не только самого себя, но и семью. Этот факт заставляет нас обратить внимание на ещё одну важнейшую проблему флотской повседневности – отношения внутри семей военнослужащих. Как показывают современные практики гендерных отношений, очень важным является включение жён военнослужащих в повседневную службу мужей. Для флотской службы, которая предполагает частое и длительное отсутствие мужа, это приобретает особое значение. Эта задача может решаться как обеспечением женщин постоянной работой, так и вовлечением их в активную общественно-политическую жизнь. В любом случае без того или другого решения проблем занятости жён постоянные конфликты в семьях военнослужащих могут непосредственно сказаться на уровне несения ими службы, и как результат – на боеготовности части и всего соединения.

Решение вышеуказанных проблем приобретает особое значение в преддверии военных конфликтов, одним из которых во второй половине 1930-х гг. стала советско-финляндская (зимняя) война.

Ключевые слова: повседневная жизнь, денежное довольствие, заборная книжка, вещевое довольствие, семья, форма одежды.

Some problems of the everyday life of the Baltic fleet officers on the eve of the Soviet-Finnish war in 1939–1940

The article considers some problems of material support, customs and everyday life of the commanders of the Baltic Fleet on the eve of the Winter War (Soviet-Finnish war). Social problems of military personnel are an important factor in the morale of the soldiers. And this condition in turn is an important part of the combat readiness of formations and units of the armed forces of any country.

For command personnel of military fleet most important is the prompt provision of military pay and uniforms (outfit, equipment). These types of provision should meet the criteria of completeness, promptness and quality. The criterion of completeness and the promptness has a special significance for married commanders. Because not only the commander, but his whole family, lives on the funds. This fact forces us to pay attention to the crucial issue of the naval daily life – the relationship between members in military families. The modern practice of gender relations show that the involvement of wives of servicemen in the everyday service of men is very important. Since military service in the Navy involves a frequent and prolonged absence of the husband, the wife's participation in this service is of great importance. Wives of servicemen can either get a permanent job, or to be involved in active social and political life. Unsolved problems of employment of wives of military personnel and permanent conflicts in families can affect the quality of their service and end result on the combat readiness of the parts and the whole connection.

The solution to all these problems is particularly important on the eve of war conflicts in the second half of the 1930s, one of which was the Winter War (Soviet-Finnish war).

Key words: daily life, military pay, passbook (notepad, which was used to record over-the-counter credit products), uniforms (outfit, equipment), family, uniforms (form of clothing).

Тема воссоздания и развития отечественного ВМФ в 1920–1940-х гг. всегда находилась под пристальным вниманием исследователей [1–3]. Однако только в последние годы стало ясно, что для того, чтобы дать действительно полный анализ состояния флота, нам необходимо исследовать весь комплекс проблем, включающий в себя не только количество боевых единиц и состояние боеготовности, но и проблемы морально-психологического состояния моряков, важнейшим аспектом которого является повседневная бытовая жизнь с её проблемами и сложностями. В данной статье мы предпримем попытку осветить некоторые аспекты этого явления.

Материальное положение командиров Краснознамённого Балтийского флота, как и всех советских граждан, в конце 1930-х гг. было достаточно противоречивым. Наряду со сложностями, которое

испытывало всё общество, военные моряки и морские летчики сталкивались с целым рядом специфических проблем.

Начнём с анализа денежного содержания. Приказом НКО № 252 «О порядке оплаты, премирования отдельных категорий военнослужащих» в 1937–1939 г., например, оклад командира корабельной группы боевой части корабля составлял около 575 р., командира корабля 4-го ранга – 625 р. Командир корабля 1-го ранга в звании капитана 1-го ранга мог рассчитывать на 950 р. Командующий Краснознамённым Балтийским флотом в 1939 г. получал 1 075 р. Ещё больше, до 2750 р. в месяц, получал командующий ВВС КБФ.

Кроме этого, плавсоставу полагались надбавки. В ст. 53 приказа указывалось, что выдающимся специалистам из лиц командного и начальствующего состава особым распоряжением могут предоставляться персональные надбавки к штатно-должностному окладу. Так, за знание языков стали платить от 30 до 59 р. Комсоставу подводных лодок при убытии в очередной отпуск выдавалось единовременное пособие в размере месячного должностного оклада. Шли надбавки за выслугу лет. Особым уважением пользовались механики. Им за непрерывную службу на кораблях 1-го и 2-го рангов в течение пяти лет выплачивалось вознаграждение, равное двухмесячному окладу по исполняемой должности [4].

Для полноты картины следует сравнить денежное довольствие моряков КБФ с заработной платой ленинградских рабочих за этот же период: стахановцы и передовики могли получать 1 500 р., высококвалифицированные рабочие от 341 до 800 р. заработная плата остальных колебалась в районе 220 р. [1, с. 50–55]. Зато оплата труда инженерно-технического персонала и ответственных работников превышала 1500–5000 р. в месяц. Таким образом, молодой командир зарабатывал примерно как квалифицированный рабочий, денежное содержание среднего командного состава примерно соответствовало стахановцу, а высшие командиры ВМФ получали как представители технической элиты страны.

В этой связи весьма актуален вопрос о товарном эквиваленте денежного довольствия. С января 1939 г. в целом по стране начинает наблюдаться рост цен на некоторые виды продуктов. С введением в январе 1939 г. единого преysкуранта цен более чем на 100 % подскочили и цены на промышленные товары. Вполне обычный костюм стоил 800 р., хорошие туфли – 200–300 р., а всего метр драповой ткани – 100 [5, с. 2]. Как видим, едва ли командир флота имел возможность вести «роскошную жизнь»!

При этом даже положенное денежное довольствие военные моряки и летчики получали далеко не всегда. Официальными причинами невыплат являлись обязательные государственные займы. Так, в августе 1939 г. на флоте проводился «Заём третьей пятилет-

ки». Для его успешного проведения политическими органами флота была объявлена отдельная кампания. Результаты были впечатляющими, что видно из таблицы по одному из соединений авиации КБФ.

Таблица

9-я Авиационная бригада ВВС КБФ 7 августа 1939 г. [6. Л. 73]

Категории военнослужащих	Общее месячное содержание за июль	Общая сумма по подписке	Проценты от месячного содержания	Охват по наличному составу, %
Начсостав	550 825 р.	512 470 р.	94,07	99,6
Сверхсрочники	90 090 р.	79 010	90,34	100
Срочники	16 937 р.	42 565 р.	213,91	99,63
Вольнонаемные	67 183 р.	50 965 р.	80,33	100
Итого	725 035 р.	706 315 (21 305 р.) собрано с членов семей военнослужащих		

Трудно назвать это иначе как прямым государственным грабежом. При этом прессинг политработников был весьма жестким. Так, когда командующий ВВС КБФ подписался «лишь» на 2 500 р. (при его зарплате) это вызвало недовольство политических органов. В этой связи совершенно справедливым представляется один анекдот второй половины 1930-х гг. «На станции обнаружен труп мужчины без признаков насилия, кроме квитанции о уплате обязательного государственного займа...» [7, с. 230].

Начсостав неоднократно высказывал недовольство тем, как выплачивается денежное довольствие. В частности, на кораблях легких сил флота, которые в 1939 г. уже базировались на заграничные порты, командный состав был особо обеспокоен порядком выдачи денег семьям, оставшимся в Союзе. Финотдел, то ли в целях борьбы за пресловутую экономию, то ли элементарно воруя, не доплачивал денег по доверенностям. Если командир отправлял домой 1 000 р., семья получала 700–800 р. В некоторых случаях деньги вообще не доходили [8. Л. 8]. При этом политработники не были уверены в том, что обворовывание командиров и их семей не происходит по какому-то негласному распоряжению сверху, о котором они не знают!

Наглядным свидетельством наличия определённых финансовых проблем стало появление на флоте такого явления, как забор-

ная книжка, позволявшая брать в специализированных магазинах военторга товары в долг. Зимой 1940 г. жены моряков неоднократно требовали организовать своевременное обеспечение этими книжками. Сам по себе факт наличия подобных книжек говорит о том, что или денег не хватало, или их задерживали, но тут необходимо вспомнить об одном инциденте, который имел место ещё летом 1939 г. в одной из частей Ленинградского военного округа. Там, по данным обкома ВКП(б), жёны военных чуть не учинили самосуд над директором военторга, который пытался ввести заборные книжки [10. Л. 85]. Теперь же заборные книжки были уже нормой, что свидетельствует о резком ухудшении материального состояния семей командиров.

Также у жен начсостава и сверхсрочников были претензии по обеспечению дровами и извечная беда русских офицерских семей – проблема с жильем. О тяжелом положении с дровами говорил, например, начальник АХО Таллиннского порта техник-интендант второго ранга Ягнюк: «Моя семья замерзает, никто не обращает внимания!» [11. Л. 4].

Острой проблемой на флоте было снабжение формой одежды. Конечно, это была прежде всего проблема краснофлотцев, которым часто не хватало даже зимних шапок, но задевала она и командный состав. Так, очень холодной зимой 1939–1940 гг. в условиях боевых действий краснофлотцы и командиры несли верхнюю вахту при тридцатиградусном морозе в шинелях, ботинках и фуражках. На лидере «Ленинград» усилиями интенданта корабля достали для командиров несколько тулупов, но их отдали сигнальщикам и наводчикам-комендорам [12, с. 115; 8. Л. 90]. Теплового обмундирования не хватило даже начальнику политотдела эскадры, бригадному комиссару И.М. Малышеву. Командиры кораблей и соединений вынуждены были идти на всевозможные ухищрения, чтобы обеспечить командиров и краснофлотцев надлежащим обмундированием, подобно тому, как в 3-й Бригаде подводных лодок кроили рукавицы из старых шинелей и полушубков [13. Л. 9]. Вызывало справедливые нарекания и качество получаемого обмундирования: «Говорят, что у нас всего много, что качество прекрасное, а в самом деле всё обстоит иначе, раньше обмундирование выдавали лучшего качества, потому, что всё привозили из-за границы, а теперь вырабатывают в СССР брак....» [14, с. 357].

Традиционно проблемой русского, советского и российского командного состава и офицерства оставалась семья. Прежде всего, значительная часть женщин была вынуждена сидеть дома. Это хорошо видно на примере летных частей флота, где процент командирского состава по отношению к личному составу был выше, чем в других соединениях флота, а следовательно, было больше и се-

мейных. Можно привести следующие цифры по авиации КБФ: в в/ч 4050 насчитывалось 90 жен командиров, из них только 10 работали; в в/ч 14097 – 40 жен комсостава, из них 10 работали; в в/ч 4003 – 59 жен комсостава, из них работали 3 чел. и т. д. [10. Л. 76–78].

Как показывает современная практика гендерных исследований, такая ситуация неизбежно влечёт систематические конфликты в семьях командиров, чего политуправление флота, естественно, старалась избежать.

Прежде всего, оно опросило жён командиров с целью выявить претензии. Затем политические органы стремились увеличить количество рабочих мест для женщин. ПУБалт докладывал о наличии вакансий в санчастях, об учреждении 4 санпостов. 150 человек были определены на работу в морской госпиталь, 100 – на швейную фабрику, 40 – в детскую комнату, 41 – на вещевой склад.

В 1939 г. при Петергофском госпитале были открыты курсы медицинских сестер, которые были укомплектованы женами командиров. На курсы поступило 26 чел., несмотря на то, что по докладу военкома госпиталя большинство из них имело детей дошкольного возраста [10. Л. 165].

Политические органы старались охватить все семьи, и особенно не работающих женщин, различными мероприятиями, чтобы только женщины не замыкались в доме. Мероприятия, проводимые для семей комсостава можно разделить на регулярные, проводившиеся согласно плану политической работы, и разовые. Регулярные мероприятия в обязательном порядке включались в планы политической работы части. Так, сентябрьский 1939 г. план политической работы в в/ч 7062 предусматривал восемь мероприятий для женщин. Среди них: четыре политзанятия и четыре занятия стрелкового кружка. Июльский 1939 г. план в в/ч 4004 предусматривал проведение политзанятий для жен начсостава раз в пятидневку; в в/ч 4050 помимо еженедельных политзанятий планировались перевыборы женорга, военизированный поход в противогазах на 10 км и сдача нормативов на звание ворошиловского стрелка [10. Л. 118, 119]. Политсостав ВВС КБФ организовал участие жен комсостава во всесоюзном социалистическом соревновании, инициаторами которого стали жены командного и начальствующего состава подводных лодок Тихоокеанского флота. В рамках соцсоревнования женщинами были взяты на себя обязательства: пройти курсы медицинских сестер, ворошиловских стрелков, все должны были ознакомиться с работой телефонных и телеграфных аппаратов, провести военизированные походы, взять под женский контроль столовые и точки военторга [10. Л. 85]. Стремясь охватить семьи начсостава политической работой, Политическое управление флота проводило для них и специальные мероприятия. Так, в конце 1939 г. для жен

начсостава было прочитано 19 докладов. Темы этих докладов совпадали с темами подобных мероприятий у личного состава кораблей: «60 лет Сталину» – 3 доклада, по международному положению – девять докладов, «О войнах справедливых и несправедливых» – два доклада, и т. д. Кроме докладов, было проведено 20 бесед, темы которых также соответствовали темам бесед с личным составом. Особой формой работы стали культпоходы в Морской музей и кинотеатр. Очевидно, последняя форма работы имела большой успех, так как ПУ флота планировало в дальнейшем усилить это направление работы. В частности, на февраль месяц 1940 г. были запланированы уже пять культпоходов.

Семьи начсостава флота принимали участие и в общественно-политической жизни флота. Так, по отчетам политуправления 223 чел. приняли участие в митингах. Требования женщин были самые приземлённые, в частности, резолюции против тех, кто будет запасать продукты и тем самым, по мнению женщин, создавать дефицит [8. Л. 245–247].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Элита отечественных Вооружённых сил – командиры советского ВМФ и его важнейшей составляющей Краснознаменного Балтийского флота – в своей повседневной жизни в конце 1930-х гг. сталкивались с проблемами, которые по сути были традиционными для российских и советских армии и флота. Кардинально решить их командование объединения и политические органы были не в состоянии. Тем не менее предпринимались попытки минимизировать возникающий негатив, который прямо отражался на боеготовности частей и соединений флота в преддверии советско-финляндской и Великой Отечественной войн.

Список литературы

1. Дзенискевич А.Р. Рабочие Ленинграда накануне Великой Отечественной войны 1938 – июль 1941. – Л.: Наука, 1983.
2. Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 2004.
3. Флот на защите Отечества / под общ. ред. В. А. Каковина. – СПб.: Судостроение, 2012.
4. Кулинченко В. Морские деньги. Военно-промышленный курьер. – URL: <http://vpk-news.ru/articles/7174>
5. Смыслов О. С. Сталинские генералы в плену. – М.: ВЕЧЕ, 2015.
6. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р. 62. Оп. 5. Д. 4.
7. Это просто смешно! Или Зеркало кривого королевства: анекдоты, системный анализ, синтез, классификация / авт.-сост. Л. А. Барский. – М.: Х. Г. С., 1994.
8. РГА ВМФ. Ф. р. – 34. Оп. 6с. Д. 849.
9. РГА ВМФ. Ф. р. – 107. Оп. 6. Д. 51.
10. РГА ВМФ. Ф. р. – 62. Оп. 5. Д. 5.

11. РГА ВМФ. Ф. р. – 107. Оп. 7с. Д. 58.
12. Булах К. Г. Сражения и будни лидера «Ленинград». – СПб.: С.-Петерб. ун-т, 1999.
13. Петров П. В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 – весна 1941. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
14. РГА ВМФ. Ф. р. 65. Оп. 35. Д. 9.

References

1. Dzeniskevich A.R. *Rabochie Leningrada nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny 1938 – iyul' 1941* [Dzeniskevich A. R. Workers of Leningrad before the Great Patriotic war 1938 – July 1941]. L.: Nauka, 1983.
2. Krasnov V.N. *Voennoe sudostroenie nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny*. [Military shipbuilding on the eve of the great Patriotic war]. M.: Nauka, 2004.
3. *Flot na zashchite Otechestva / Pod obshch. red. V. A. Kakovina* [The Navy in the defense of the Fatherland/ Under the General editorship of V.A. Kakovin]. SPb.: Sudostroenie 2012.
4. Kulichenko V. *Morskie den'gi. Voенно-promyshlennyj kur'er* [Marine money. The newspaper "Military-industrial courier"] - <http://vpk-news.ru/articles/7174>
5. Smyslov O. S. *Stalinskie generaly v plenu* [Stalin's generals in captivity]. M.: VECHE, 2015.
6. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voенно-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian state archive of Navy fleet (RGA the Navy)]. F. r. 62. Op. 5. D. 4.
7. *EHto prosto smeshno! Ili Zerkalo krivogo korolevstva* [This is ridiculous! Or Mirror the curve of the Kingdom] // *Anekdoty, sistemnyj analiz, sintez, klassifikaciya / Avtor-sostav. L. A. Barskij* [Stories, system analysis, synthesis, classification / The author of the composition L. A. Barsky]. – M.: H. G. C., 1992.
8. RGA VMF. F. r. – 34. Op. 6s. D. 849.
9. RGA VMF. F. r. – 107. Op. 6. D. 51.
10. RGA VMF. F. r. 62. Op. 5. D. 5.
11. RGA VMF. F. r. – 107. Op. 7s. D. 58.
12. Bulah K. G. *Srazheniya i budni lidera «Leningrad»* [Battles and everyday life of the leader "Leningrad"]. SPb.: Saint-Petersburg University, 1999.
13. Petrov P. V. *Krasnoznamennyj Baltijskij flot nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: 1935 – vesna 1941* [The Red Banner Baltic fleet on the eve of the Great Patriotic war: 1935 – spring 1941]. M.: Russian Fund of Assistance to Education and Science, 2016.
14. RGA VMF. F. r. 65. Op. 35. D. 9.

УДК 94(47)"16/17":358:37.035.7
ГРНТИ 03.23: История России

В.Н. Бенда

Становление и развитие русской артиллерийской науки в XVII–XVIII вв.

В статье предпринята попытка краткого освещения истории становления и развития отечественной артиллерийской науки. В российских исторических музеях, архивах и книгохранилищах имеются интересные рукописи, повествующие о самых различных сторонах развития и боевого применения артиллерии, начиная с ранней стадии ее существования, и свидетельствующие о той творческой активности, которая была присуща отечественным ученым и артиллерам. Автор акцентирует внимание на анализе дошедших до нас исторических научных трудов, составивших научную основу зарождения и дальнейшего развития артиллерийской науки в указанный период. Оценивается вклад отечественных ученых, конструкторов и артиллеристов в развитие артиллерийского дела на протяжении XVIII столетия. В статье вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные и другие малоизученные источники.

Ключевые слова: XVII–XVIII вв., артиллерия, артиллерийская наука, ученые, артиллеристы, артиллерийское вооружение.

V.N. Benda

The formation and development of Russian artillery science in the XVII–XVIII centuries

The article attempts a brief coverage of the history of formation and development of domestic artillery science. In our historical museums, archives and libraries are interesting manuscript, which tells about the various aspects of development and combat use of artillery, starting from the early stages of its existence and evidenced helistuudio about that creative activity that was inherent in our scientists and gunners. The author focuses on the analysis of extant historical scientific papers that formed the scientific basis of the emergence and further development of artillery science in the period. The contribution of native scientists, engineers and gunners to the development of artillery case throughout the eighteenth century. In addition, the article introduces into scientific circulation previously unpublished and little known archival and other sources.

Key words: XVII–XVIII centuries, artillery, artillery science, scientists, artillery, artillery weapons.

В России слово «артиллерия» стало применяться с начала XVIII столетия, в царствование Петра I. В допетровский период вместо слова «артиллерия» использовалось понятие «наряд». Артиллерийская наука – это сложная, многогранная дисциплина, предназначенная для изучения вопросов устройства образцов артиллерийского вооружения, его тактико-технических характеристик, правил и способов эксплуатации и боевого применения. В число важнейших областей артиллерийской науки входят такие разделы, как: «Внутренняя баллистика», изучающая вопросы движения артиллерийского снаряда (ядра) внутри канала ствола артиллерийского или огнестрельного оружия; «Внешняя баллистика» изучает законы и правила полета снарядов, пуль и других поражающих элементов в воздухе и определяет баллистические данные орудия: дальность, высоту, время полета снаряда и углы возвышения, отвечающие тактическим требованиям; «Основы устройства материальной части артиллерии» – отрасль науки, помогающая правильно решать вопросы конструирования артиллерийских орудий в зависимости от тактико-технических требований, рассчитывать действие сил на лафеты, проектировать вспомогательные механизмы орудия и различные артиллерийские приборы. «Основы устройства боеприпасов» – такая отрасль артиллерийской науки, которая предоставляет основу для рационального расчета и конструирования различного вида боеприпасов и принадлежностей к ним, в соответствии с тактико-техническими требованиями. Наряду с этим, важное значение в артиллерийской науке играет отрасль науки, которая рассматривает теоретические и практические вопросы изготовления и применения в артиллерийском и других видах вооружения пороха и взрывчатых веществ. Кроме этих основных областей артиллерийской науки, следует еще указать на раздел, предназначенный для изучения процессов и технологий производства артиллерийского и иного вооружения.

Из вышеизложенного видно, что только простое перечисление разделов артиллерийской науки показывает, каким сложным является артиллерийское дело и какими глубокими познаниями во всех областях науки и техники должны обладать артиллерийские офицеры, чтобы грамотное и умелое применение артиллерии на поле боя представляло явную угрозу для врага и способствовало достижению победы над ним.

Принято считать, что русская артиллерийская наука стала зарождаться еще в начале XVII в. Одной из первых, дошедшей до наших дней научной работой в этой области был труд «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки...» [1], посвященный артиллерии и написанный с учетом сведений из иностранных военных книг дьяком Посольского приказа и «пушкарских

дел мастером» Онисимом Михайловым (Радишевским). Вероятно, работа над этим трудом началась в 1607 г., а в 1621 г. он был дополнен новыми сведениями. Длительное время эта работа оставалась не опубликованной. Известно, что только в 1775 г. В. Рубан обнаружил рукопись Онисима Михайлова и опубликовал её в 1777–1781 гг. [3, с. 21].

В научном труде О. Михайлова, состоящим из 663 указов, встречается достаточное количество оригинальных для того времени мыслей и идей. Обобщив некоторые положения, опубликованные в то время в зарубежной литературе, О. Михайлов предложил самостоятельное решение ряда проблем, относившихся к организации, материальной части и боевому применению артиллерии. Можно считать, что своим сочинением Онисим Михайлов заложил основу артиллерийской литературы в России. Многие из того, что было высказано в «Уставе», далеко опережало положения, известные в то время за границей.

Сочинение Онисима Михайлова, безусловно, явилось ценным вкладом в науку об артиллерии. За ним последовал целый ряд новых трудов, теоретически обеспечивших рост и усовершенствование российской артиллерии. Обильная и многообразная русская литература об артиллерии неоднократно переводилась на немецкий, французский и английский языки.

Как уже отмечалось, «Устав...» Онисима Михайлова рассматривал вопросы организации, тактики и стрельбы артиллерии. Многие указы относились преимущественно к осадным работам и производству артиллерийской стрельбы по укреплениям. В тот период, когда роль артиллерии во взятии укрепленных городов была уже значительной, указания о боевом применении артиллерии в этом виде боя были весьма важными и ценными.

В сочинении Онисима Михайлова имелись интересные описания различных пушек и пищалей [1, с. 85–105], в то время употреблявшихся, а также способов приготовления снарядов. В частности, давалось описание «...тридцати семи пищалей и пушек полковых и огненных, да восемнадцати проломных стенобитных пищалей» [1, с. 102].

Обращает на себя внимание описание ядра, «которое попрядало бы». Это был снаряд, по устройству весьма похожий на картечные снаряды: пустотелое ядро наполнялось порохом и «крупным дробом»; вставная трубка с особым составом служила для зажигания пороха внутри ядра. Стрельба такими ядрами велась по «полковым людям». Ядра при разрыве «великие шкоды чинили», говорилось в указе [2, с. 69–70].

Следует упомянуть еще об одной рукописи, относящейся к этому времени и касающейся вопросов артиллерийской науки. Эта ра-

бота озаглавлена как «Описная книга пушек, пищалей и военных снарядов во всех городах Российских в царствование царя Михаила Федоровича» [4, с. 286–324]. В первую очередь в указанной книге представляют интерес военно-статистические данные. В работе встречается информация, позволяющая определить степень развития артиллерийского искусства в то время, а также охарактеризовать деятельность органов власти в области артиллерийского дела.

Рукописи «Пушкарского Приказа книга, скрепа дьяк Артемий Волков» [3, с. 47], написанная в 1680 г., и «Дела Московского пушкарского Приказа с 1681 года ноября 30-го по 1685 год января 1 день» [3, с. 48] дают ценный материал для истории артиллерийского дела в нашей стране. В частности, в книге «Дела Московского пушкарского Приказа...» содержатся весьма интересные данные и факты, на основании которых можно судить о литейном и оружейном производстве на одних из первых отечественных оружейных заводах: Тульском, Олонецком и Каширском.

Составленная еще в допетровский период рукопись «О предуготовлении вещей к войне подобных» содержит указание о материальной, организационной и до некоторой степени тактической стороне артиллерийского дела [5, с. 100].

Среди сохранившихся рукописей XVII в. имеется рукопись под названием «Архитектуры военной учение». Эта рукопись имеет прямое отношение к истории отечественной артиллерии на первой стадии ее развития. В ней говорится об осаде и обороне крепостей, излагаются способы приготовления пороха, дается описание снарядов и пушек, боевого размещения орудий и артиллерийской стрельбы [5, с. 100].

Как и в области создания материальной части артиллерии, в развитии артиллерийской науки проявили себя многие талантливые самоучки, которые своим пытливым умом постигали сложные вопросы военного дела. К числу таких талантливых самородков необходимо отнести Ивана Тихоновича Посошкова, жившего в царствование Петра I. Кроме разработки различных технических и экономических вопросов, И.Т. Посошков писал о военных делах. В 1701 г. им была подана начальнику Приказа ратных дел Ф.А. Головину обширная «Записка Ивана Посошкова о ратном поведении» [6, с. 261–292]. В своей записке автор высказал интересные мысли по некоторым вопросам военного дела, в частности по артиллерии.

Размышляя о стрельбе и о войске, которое ей обучено, И.Т. Посошков предлагал «рогатины на колесах с огненным боем, чтобы можно было с ними наступать и отходить без трудности», поставив «такие рогатины огнестрельные в три ряда, а на них по затинно пищали, обращающиеся во все стороны» [6, с. 270]. В этих

предложениях были заложены мысли об увеличении скорострельности артиллерии и гибкости ее огня на поле боя.

И.Т. Посошков критически оценивал стрельбу залпами как менее эффективную и настаивал на обучении солдат прицельной стрельбе, при которой каждый солдат выбирает себе цель и поражает ее [6, с. 266–267].

В царствование Петра I был издан сборник «Артикул воинский» [7, с. 327–365]. Это был своеобразный справочник офицера по военному делу. В нем, помимо других вопросов, по пунктам было изложено, «какими манерами во время боя стрелять». Как и сочинения И.Т. Посошкова, этот сборник большое внимание уделял вопросам стрельбы и маневра на поле боя.

К началу XVIII в. относится рукопись под названием «Описание артиллерии с чертежами» [3, с. 121]. В ней автор, между прочим, рассматривает «правила составления масштабов, размеров орудий и мортир, устройство батарей в поле» и дает, хотя и несовершенные, таблицы для стрельбы артиллерии. Эта попытка автора подвести теоретическую базу под ведение артиллерийского огня заслуживает большого внимания.

В 1719 г. была написана работа «Практика артиллерии майора Лихарева» [8], исследовавшая вопросы навесной стрельбы бомбами и гранатами. Некоторые положения этого сочинения были ошибочными, что для того времени было вполне понятно и объяснимо, так как они касались вопросов, теория которых получила свое развитие хотя и в России, но значительно позднее (внешняя баллистика). Однако примечательно то, с какой настойчивостью русские офицеры пытались разрешить теоретические вопросы, которые за границей еще не были освещены.

Можно было бы остановиться еще на многочисленных документах, изданных при Петре I, имевших силу и значение уставов и наставлений. Эти документы являются плодом творческой мысли и деятельности Петра I и его сподвижников, направленной к созданию сухопутной и морской военной силы России, опирающейся на достижения науки и техники того времени.

Вопросам артиллерии, поднятой Петром I на значительную высоту, в этих документах уделялось большое внимание. Для подготовки сведущих артиллеристов и других военных специалистов Петром I в 1701 г. были учреждены в Москве школы: артиллерийско-инженерная [9] и математико-навигационных наук [10, с. 119].

Создание этих школ, а затем в 1758 г. Объединенной артиллерийской и инженерной шляхетной школы [11], на базе которой вскоре был создан Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус [12, с. 116], потребовало написания специальных учебников по артиллерии. В начале 70-х гг. XVIII столетия преподаватель ар-

тиллерии корпуса И.А. Вельяшев-Волынцев написал курс артиллерии под названием «Артиллерийские предложения» [13]. Это был учебник, которым пользовались почти 50 лет. В нем излагались многие важные вопросы артиллерийского дела, в частности, вопрос о рикошетной стрельбе, что для того времени являлось немалым достижением.

Многие виднейшие русские ученые, известные своими трудами по общим теоретическим вопросам, занимались разработкой проблем, связанных с артиллерией. Так, например, работы гениального русского ученого М.В. Ломоносова в области порохов были положены в основу науки о пороходелии и способствовали повышению огневой мощи артиллерии. Следует также отметить выдающиеся работы в области механики прибывших из-за границы, но целиком посвятивших себя научной деятельности в России членов Петербургской академии наук Даниила Бернулли и Леонида Эйлера. Теоретические исследования этих ученых способствовали развитию отечественной артиллерийской науки. Даниил Бернулли справедливо считается основоположником внутренней баллистики. Леонид Эйлер, написавший свыше сорока трудов, заложил основы внешней баллистики, разработав теорию о движении снаряда в воздухе.

Мировое первенство в разработке теоретических положений о нарезном оружии принадлежит члену Петербургской академии наук И.Г. Лейтману. В 1728 г. Лейтман опубликовал в «Комментариях» Петербургской академии наук труд под названием «О том, как в стволе данной длины правильно нарезать определенной крутизны спиральные дорожки», а через год появилась новая работа И.Г. Лейтмана «Замечания и опыты о некоторых редких и любопытных случаях стрельбы из нарезного оружия» [14, с. 148].

Теоретические труды о нарезном оружии за границей появились значительно позже. Например, английский физик В. Робине и некоторые немецкие ученые занимались теорией нарезного оружия уже после того, как исследования И.Г. Лейтмана были опубликованы.

Блестящие действия русской артиллерии в Полтавском бою явились свидетельством передовой тактики артиллерии, разработанной Петром I и его ближайшим сподвижником Яковом Вилимовичем Брюсом. В лице Я.В. Брюса русская артиллерия имела талантливого организатора, крупного знатока всех вопросов техники и боевого использования артиллерии, храброго военачальника.

Под непосредственным руководством Я.В. Брюса русская артиллерия громила шведов под Нотебургом и Ниеншанцем, под Нарвою в 1704 г. и в Полтавском бою. Я.В. Брюс возглавлял также русскую артиллерию при осаде Риги в 1710 г. и в боях против турецких войск в 1711 г. В каждом из этих боев Я.В. Брюс добивался эффективного использования артиллерии путем правильной

постановки ей задач, умелого расположения орудий на позициях и четкого руководства артиллерийским огнем.

Я.В. Брюс был образованнейшим человеком своего времени. Он занимался многими научными вопросами, в том числе имевшими отношение к артиллерийскому делу. Будучи генерал-фельдцейхмейстером, Я.В. Брюс большое внимание уделял улучшению всего дела управления артиллерией. Его усилия в этой области дали положительные результаты. Русская артиллерия имела четко разработанные положения по вопросам комплектования личным составом, обучения, вооружения и боевого применения.

После некоторого застоя и упадка, имевших место во второй четверти XVIII столетия, русская артиллерия, руководимая П.И. Шуваловым, снова вышла на первое место в Европе. Своим ближайшим помощником по реорганизации артиллерии П.И. Шувалов избрал видного артиллериста Корнилия Богдановича Бороздина. В этом выборе он не ошибся. К.Б. Бороздин проявил незаурядные дарования в области боевого использования артиллерии.

Когда началась Семилетняя война 1756–1762 гг., полковник К.Б. Бороздин был назначен начальником артиллерии действующей армии. Под его непосредственным руководством русская артиллерия, во взаимодействии с пехотой и кавалерией, нанесла ряд сокрушительных ударов по войскам Фридриха II. В этой войне русские артиллеристы продемонстрировали высокое умение использовать свое оружие для поражения неприятеля.

Полковник К.Б. Бороздин явился новатором в области тактического использования артиллерии и ее стрельбы. Незадолго до сражения под Пальцигом, которое имело место в июле 1759 г., К.Б. Бороздин издал специальную инструкцию о порядке действия артиллерии в бою. Эта инструкция, в частности, предусматривала стрельбу через головы своих войск. В бою под Пальцигом такая стрельба была осуществлена. Русские артиллеристы в этом вопросе обогнали артиллеристов всех других стран.

В заключение отметим, что крупные достижения отечественной артиллерии в вопросах организации, в артиллерийской технике и в боевом применении базировались на глубокой научной основе. Русская артиллерийская наука, являясь производной от всей отечественной науки вообще, развивалась на высоком теоретическом уровне. Все важнейшие положения математики, физики, механики, металлургии, химии, метеорологии, разработанные выдающимися русскими учеными, были использованы для поднятия на высшую степень артиллерийской науки во всем ее многообразии.

Многие теоретические положения, на которых базировалось развитие материальной части артиллерии и ее боевое применение,

были впервые разработаны русскими учеными и опубликованы на русском языке. Заимствование иностранцами важнейших положений российской науки имело место на протяжении всей многовековой истории отечественной артиллерии. Только в силу объективных и субъективных причин, как внешнего, так и внутреннего характера, сложившихся в России, не все смелые идеи русских ученых в области артиллерийской науки были реализованы.

Список литературы

1. Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах или статьях, в государственное царей и великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси Самодержцев. Ч. 1. – СПб.: Тип. Гос. Воен. коллегии, 1777–1781. – 239 с.
2. Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах или статьях, в государственное царей и великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси Самодержцев. Ч. 2. – СПб.: Тип. Гос. Воен. коллегии, 1777–1781. – 234 с.
3. Обручев Н.Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год / сост. л.-г[вардии] Измайловского полка поручик Обручев. – СПб.: печатано в тип. К. Крайя, 1853. – 150 с.
4. Описная книга пушек, пищалей и военных снарядов во всех городах Российских в царствование царя Михаила Федоровича: сб. исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея. Вып. IV. – Л.: Изд-е Артиллерийский ист. музей, 1959. – С. 286–324.
5. Прочко И. С. Передовой характер отечественной артиллерийской науки и техники. – М.: Воениздат, 1952. – 179 с.
6. Посошков И.Т. О ратном поведении. Донесение боярину Федору Алексеевичу Головину. Подал Иван Посошков // Соч. Ивана Посошкова. – М.: Тип. Николая Степанова, 1842. – 322 с.
7. Инструкции и артикулы военные, при том же и краткие примечания. Напечатаны повелением царского величества // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки РНБ. Ф. 550. F-IX-14. Лихарев. Практика артиллерии. Список 1719 г.
9. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1 (Пушкарский приказ). Д. 4. Л. 894.
10. Веселаго Ф.Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. – СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1852. Прил. и примеч. Прил. 1.
11. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 1222.
12. Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. – СПб.: Тип-я Тов-а «Обществ. Польза», 1862. – 201 с.
13. Вельяшев-Волынцев И.А. Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпусов, сочинены Иваном Вельяшевым-Волынцевым. – СПб.: Тип. Артиллер. и Инж. шляхет. кадет. корпусов, 1767 г. – 266 с.
14. Данилевский В.В. Русская техника. – 2-е изд. – Л.: Ленингр. газет.-журн. и кн. изд-во, 1948. – 548 с.

References

1. Mikhailov O. *Ustav ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasayushchikhsya do voinskoj nauki, sostoyashchii v 663 ukazakh ili stat'yakh, v gosudarstvovanie tsarei i velikikh knyazei Vasiliya Ioannovicha Shuiskogo i Mikhaila Feodorovicha, vseya Rusii Samoderzhtsev*. Ch.1 i 2. [Charter of war, cannon and other cases related to military science, consisting of 663 decrees or articles, in gosudarstvovanie of kings and great princes Vasily Ioannovich Shuisky and Mikhail Fyodorovich, all rusii Autocrats]. SPb.: tipografiya Gosudarstvennoi Voennoi kollegii, 1777–1781. – 239 p.
2. Mikhailov O. *Ustav ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasayushchikhsya do voinskoj nauki, sostoyashchii v 663 ukazakh ili stat'yakh, v gosudarstvovanie tsarei i velikikh knyazei Vasiliya Ioannovicha Shuiskogo i Mikhaila Feodorovicha, vseya Rusii Samoderzhtsev*. Ch. 2.[Charter of war, cannon and other cases related to military science, consisting of 663 decrees or articles, in gosudarstvovanie of kings and great princes Vasily Ioannovich Shuisky and Mikhail Fyodorovich, all rusii Autocrats]. SPb.: tipografiya Gosudarstvennoi Voennoi kollegii, 1777–1781. – 234 p.
3. Obruchev N.N. *Obzor rukopisnykh i pechatnykh pamyatnikov, odnosyashchikhsya do istorii voennogo iskusstva v Rossii po 1725 god. / Sostavil I.-g[vardii] Izmailovskogo polka poruchik Obruchev [An overview of handwritten and printed monuments related to the history of martial arts in Russia in 1725. / Made up I.-g[wardie] Izmailovo regiment Lieutenant Obruchev]*. SPb.: pechatano v tipografii K. Kraiya, 1853. – 150 p.
4. *Opisnaya kniga pushek, pishchalei i voennykh snaryadov vo vsekh gorodakh Rossiiskikh v tsarstvovanie tsarya Mikhaila Fedorovicha / Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya. Vyp. IV*. [Opina the book of cannons, musket and military shells in all the Russian cities during the reign of Tsar Mikhail Fedorovich / the Collection of studies and materials of the Artillery historical Museum. Vol. IV] L.: Izd-e Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya, 1959. – 348 p.
5. Prochko I.S. *Peredovoi kharakter otechestvennoi artilleriiskoi nauki itekhniki [Advanced nature of domestic artillery science tehnik]*. M.: Voenizdat, 1952. – 179 p.
6. Pososhkov I.T. *O ratnom povedenii. Donesenie boyarinu Fedoru Alekseevichu Golovinu. Podal Ivan Pososhkov / Sochineniya Ivana Pososhkova [About military behavior. A report to the boyar Fyodor Alekseevich Golovin. Filed Ivan Pososhkov / Works Of Ivan Pososhkov]*. M.: v tipografii Nikolaya Stepanova, 1842. – 322 p.
7. *Instruktsii i artikuly voennye, pri tom zhe i kratkie primechaniya. Napechatany poveleniem tsarskogo velichestva / Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma (pod red. O.I. Chistyakova) [Instructions and parts military, with the same and brief notes. Printed by command of his Majesty / Russian law Xxx centuries: in 9 vols 4. The legislation of the period of absolutism (under edition of O.I. Chistyakov)]*. M.: Yuridicheskaya literatura.1986. – 512 p.
8. *Otdel rukopisei RNB [The manuscripts Department]*. F. 550. F-IX-14. Likharrev. Praktika artillerii. Spisok 1719 g.
9. Arkhiv Voенno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (Arkhiv VIMAIV i VS) [The archive of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps (Archive VYMAIL and sun)]. F. 2. Op. 1 (Pushkarskii prikaz) D. 4.

10. Veselago F.F. *Ocherk istorii morskogo kadetskogo korpusa s prilozheniem spiska vospitannikov za 100 let*. [History of the sea cadet corps with an application list of pupils for 100 years] SPb.: v tipografii Morskogo kadetskogo korpusa, 1852. Prilozheniya i primechaniya. Prilozhenie 1.

11. Arkhiv VIMAIV i VS. F 2. Op. ShGF (Shtab general-fel'dtseikhmeistera) [Staff of the General Feldzeugmeister]. D. 1222.

12. Loman N.L. *Istoricheskoe obozrenie 2-go kadetskogo korpusa* [Historical review of the 2nd cadet corps]. SPb.: Tip-ya Tov-a «Obshchestv. Pol'za», 1862. – 201 p.

13. Vel'yashev-Volyntsev I.A. *Artilleriiskie predlozheniya, dlya obucheniya blagorodnogo yunoshestva Artilleriiskogo i Inzhenernogo shlyakhetskogo korpusa, sochineny Ivanom Vel'yashevym-Volyntsevym* [Artillery suggestions for teaching the noble youth of the Artillery and Engineering gentry corps, composed by Ivan Villasevil, Volyntseva]. SPb.: tip. Art. i Inzh. shlyakhet. kadet. Korp., 1767 g. – 266 p.

14. Danilevskii V.V. *Russkaya tekhnika* [Russian equipment] 2-e izd. L.: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo, 1948. – 548 p.

В.А. Веременко

Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв.

В статье исследуются санитарно-бытовые условия жизни школьника в дворянско-интеллигентских семьях России. Анализу подвергаются гигиенические требования к организации жизни детей и подростков: определение начала школьного возраста, распорядок дня, условия питания и т. д. Обращается внимание на то, что большинство дворян-родителей были хорошо знакомы с рекомендациями врачей и педагогов по правильной организации жизни школьников. Вместе с тем, делается вывод, что полностью реализовать идеи гигиенистов в рамках конкретной дворянско-интеллигентской семьи было достаточно сложно, если не невозможно. С одной стороны это было связано с тем, что в среде самих специалистов существовали дискуссии по отдельным вопросам, прежде всего связанным с характером питания детей и подростков, степенью их участия в «домашних работах», формами и методами физического воспитания. С другой стороны, многие требования гигиенистов оказывались мало исполнимыми по объективным, прежде всего материальным причинам. Наконец, характеризуя факторы, определявшие условия жизни школьников в дворянско-интеллигентской семье в конце XIX – начале XX вв., необходимо обязательно обращать внимание и на представления родителей о задачах воспитания.

Ключевые слова: дворянская семья, родители, подростки, школьники, гигиена, условия жизни, режим труда и отдыха, питание, физическое воспитание.

V.A. Veremenko

Hygiene of schoolchildren in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries

The article examines the sanitary conditions of schoolchildren life in noble-intellectual families of Russia. The analysis focuses on the hygienic requirements to the organization of life of children and adolescents: definition of the beginning of school age, daily routine, nutritional conditions, and etc. Attention is paid to the fact that the majority of the noble parents were familiar with the recommendations of doctors and teachers on the proper organization of school life. However, it is concluded that it was quite difficult, if not impossible, to fully realize the ideas of hygienists within a specific noble-intellectual family. On the one hand this was due to the fact that among the professionals there was discussion on certain issues, primarily related to the diet of children and adolescents, the extent of their participation in the «home work», forms and methods of physical education. On the other hand, many of the re-

quirements of hygienists were little realizable for objective, primarily, material reasons. Finally, describing the factors that determined the living conditions of schoolchildren in noble-intellectual families in the late XIX – early XX centuries, it is necessary to pay attention to the parents' views on the tasks of education.

Key words: noble family, parents, teenagers, schoolchildren, hygiene, living conditions, work and rest regime, nutrition, physical education.

Санитарно-бытовые условия жизни школьника в дворянско-интеллигентских семьях России определялись рядом факторов. Главными из них были: возможность сохранения связи ребенка на время обучения с семьей, материальное положение родителей и характер педагогических и гигиенических представлений воспитателей. Вопросы организации жизни дворянских детей в закрытых казенных и частных учебных заведениях были уже рассмотрены мной ранее [1–3], здесь мы более подробно остановимся на социально-гигиенических практиках, характерных для школьников, живших дома.

Анализ санитарно-бытовых условий жизни школьника необходимо начать с рассмотрения вопроса о том, какой возраст современники считали наиболее подходящим для начала целенаправленного систематического обучения и поступления в учебное заведение. На самом деле, указанный вопрос распадался на две, подчас не связанные друг с другом части. С одной стороны, это объяснялось тем, что среди родителей, принадлежащих к дворянско-интеллигентской среде, все еще было значительное число тех, кто ратовал за домашнее обучение, а следовательно, предполагая давать своим детям систематическое образование, они тем не менее не собирались отдавать их в учебные заведения. С другой стороны, постоянно увеличивалась группа таких родителей и воспитателей, одни из которых по педагогическим соображениям необходимости ранней социализации ребенка, а другие в связи с невозможностью осуществления домашней подготовки к школе считали необходимым отправлять детей в специальные учебно-воспитательные заведения – детские сады и приготовительные классы, подчас задолго до начала систематического обучения [о деятельности подобных учреждений см.: 4–8].

На протяжении второй половины XIX в. доля дворянских детей, получавших образование вне дома, непрерывно возрастала. Так, например, в 1857 г. из всех дворян Курской губернии (обоого пола) домашнее образование получили свыше половины (53,1 %), а в 1897 г. таких было лишь 39,9 %. Однако, как видим, доля находившихся на домашнем обучении была весьма значительной и в целом по стране, даже к концу столетия в провинциальных губерниях составляла до трети обучавшихся. В столичных же губерниях, гарантировавших большую доступность учебных заведений, дома

проходил школьный курс каждый пятый дворянский ребенок [9, с. 23; 1].

Вместе с тем даже те, кто в итоге получал аттестат об окончании школы, очень часто начинали образование не с первого класса, а могли присоединиться к учебному процессу на всем его протяжении, вплоть до выпускного класса, пройдя всю предшествующую программу дома или в специализированных подготовительных заведениях. Это было особенно характерно для девушек в 60–80-е гг. XIX в., когда число женских гимназий было еще незначительно, особенно в провинции, да и обучение девочек в открытой школе казалось для многих родителей слишком рискованным шагом. Традиционные опасения были характерны, например, для семьи Е.М. Гедды, которая так вспоминала свое поступление в гимназию: «До 14 лет я училась дома. Отдать дочь в открытое высшее заведение в то время (1869) считалось неприемлемым в той среде, в которой я росла... Воспитание девушки признавалось возможным только в институтах или немногих имевшихся первообразных пансионах, очень дорого взимавших за право воспитания в них. Надо было много гражданского мужества со стороны моих родителей, чтобы решиться на этот шаг, который и был тотчас осужден их средой» [10. Л. 1–2].

Довольно типичную историю долгого и запутанного пути ее старших сестер в среднюю школу излагала в своих воспоминаниях П.Г. Васенко: «Сначала их учила моя мать, а в 1874 году обеих сестер отдали в подготовительное училище Кюне. Содержательница его принадлежала к музыкальной семье, и сестры мои обучались там наряду с учебными предметами также и игре на рояле. Через три года перешли в пансион Деле, находившийся в первой роте Измайловского полка. Об этом пансионе сестры мои вспоминали всегда с удовольствием, но в 1881 году принуждены были его покинуть в связи с нашим переездом в другую часть города. Они поступили в частное учебное заведение Веры Платоновны Стеблин-Каменской, старшая сестра – в 4-й, а вторая – в 3-й класс» [11, с. 167].

Оставлять на домашнем обучении до старших классов могли и сыновей. Если во второй половине XIX в. это было, как правило, связано со слабым здоровьем ребенка или отсутствием в достаточной близости гимназии, то в конце столетия, и особенно в начале XX в., на фоне широкой критики государственной школы, с нежеланием «губить» его в «казенном учреждении». Так, одна из корреспонденток журнала «Свободное воспитание», поделилась с его читателями довольно своеобразными преимуществами отказа от домашнего обучения вплоть до выпускных классов: «...Если бы Боря продолжал учиться дома до старших классов: 7–8-го, как я хотела, то, при уединенности нашей семьи от общества, ему пришлось

бы только в этих классах познакомиться с отрицательными сторонами жизни, и, может быть, с непривычки к ним (ведь велико дело привычки!...) они показались бы ему через-чур тяжелыми и грустными, а он и так, бедняга, очень склонен к пессимизму... но главное, что за год, за два он не успел бы приспособиться к жизни среди людей, где большинство безличных, идущих вслед за испорченным и гадким меньшинством, и где так страшно мало истинно-хороших людей. ... известная доля нравственной эластичности необходима для того, чтобы человек мог жить в современном обществе. Гимназия ... незаменима, как фактор, вырабатывающий эту эластичность» [12, с. 69].

К концу XIX в. основанная масса отечественных педагогов и гигиенистов, вслед за своими зарубежными коллегами, окончательно утвердилась в том, что наиболее подходящим возрастом для начала школьного периода жизни ребенка является достижение им семи лет [13, с. 46–47]. Однако на деле данный рубеж предполагалось относить к детям, посещавшим народную школу. Так как для поступления даже в первый класс среднего учебного заведения необходимо было сдавать вступительный экзамен, включавший как минимум задания по русскому языку, арифметике и Закону Божьему, а подчас к этому списку прибавлялись и другие предметы, то начало школьного обучения автоматически сдвигалось и зависело от того, к какому возрасту ребенок был готов выдержать данное испытание. А так как в большинство учебных заведений был конкурс, то непоступившие в один год могли попытаться сдать экзамен на следующий. В результате дети, обучавшиеся в одном классе, занимающиеся по одной программе, могли быть разного возраста, в среднем в пределах одного-двух, а то и трех лет. Так, например, двоюродная сестра Оли Яфа была старше ее на год, но поступила в ее класс, потому что была слабо подготовлена по математике и естествознанию, а Саша Васенкова, перешедшая из гимназии Зверевой в более престижную гимназию Грау, должна была снова начать учебу с одного из младших классов [14. Л. 94; 11, с. 167].

Педагоги и гигиенисты настойчиво рекомендовали не начинать «систематическое обучение грамоте ... ранее семи лет», приступая к нему только после «того, как ребенок ... достаточно развил свои способности и достаточно приобрел наглядным путем знаний». Всячески критиковали специалисты родителей, «которые стараются о возможно ранней зрелости своих детей и потому рано засаживают их за книги и вообще за систематическое учением» [15, с. 73]. Однако в большинстве дворянско-интеллигентских семей домашнее и/или детскосадовское обучение детей начиналось не позднее шестилетнего возраста, а в первый класс школы они поступали в 8–10 лет [1].

В условиях домашнего обучения занятия, как правило, велись не хаотично. У детей устанавливалось расписание уроков, на которых с ними занимались в малообеспеченных семьях родители, преимущественно матери, а в более богатых – гувернантки (гувернеры) и/или специально приглашенные учителя. Так, например, 14–15-летняя С.А. Бобринская систематически тратила на учение около 8 ч в день, с 8 утра до 16 ч, с небольшим перерывом на второй завтрак. В ее дневнике с завидным постоянством повторяется следующее ежедневное расписание: «Рано встала. До 9 ч у меня батюшка был. До завтрака приготовила уроки. В 1 ч. у меня был немецкий урок ... В 3 ч. русский» [16. Л. 3, 4 об.].

Похожее расписание уроков обучавшихся дома дочерей-погодков находим в дневнике Е.С. Кавос. Меньшее число ежедневных часов занятий связано с тем, что речь идет о 6–8 летних детях:

«понедельник – учит. русск., арифмет, Закона Божия – А.М.Ф. [*приходящий учитель – Александр Михайлович – В.В.*] от 10–12; 2–5 английский.

вторник от 10–12 – Александр Михайлович.

среда – от 10–11 – музыка; 2–5 урок общий и пение.

четверг – от 10–12 – Ал. Мих.

пятница – 10–11 – музыка; 2–5 – английский

суббота – 10–12 английский; 2–5 – музыка» [17. Л. 179].

В следующем году к данным предметам были добавлены еще два языка [18. Л. 51–53], а еще через год и естественная история. По итогам четырехлетнего домашнего обучения мать могла констатировать, что одиннадцатилетняя «Наташа может поступить во II кл.». Сложнее было с двенадцатилетней Марусей, которая по части предметов могла сдать экзамен в третий класс, но имела проблемы с «русским письмом» и ботаникой. В результате было принято решение пригласить на лето дополнительного учителя и попытаться подготовить девочку к экзамену для поступления в III класс [19. Л. 10–12].

Жизненный же цикл ребенка, обучавшего в открытом учебном заведении, четко разделялся на две части – школа и дом. При этом материальное положение семьи оказывало значительно большее (хотя не всегда определяющее) влияние на условия жизни дома, чем на организацию быта в школе. Ведь в учебном заведении устанавливались общие для всех учащихся правила, зависящие прежде всего от того, являлось ли данное учреждение казенным или частным и от тех педагогических задач, которые ставил перед собой его персонал.

С другой стороны, подчас именно от имущественных возможностей родителей зависел характер питания детей (как в количественном, так и в качественном отношении), условия их домашних

занятий (наличие собственной комнаты или хотя бы письменного стола, нормы освещения и вентиляции рабочего места и т. д.), наконец, режим труда и отдыха (вставание, прогулки, игры, дополнительные занятия, выполнение обязанностей по дому, а то и получение школьником самостоятельного заработка).

Учебный год в средней школе России не имел общей для всех даты начала. Администрация учебного заведения определяла такую дату в пределах от середины августа до середины сентября и оповещала родителей. Поэтому вполне обычной могла быть описанная в дневнике Е.С. Зарудной-Кавос ситуация, когда ее младшие дочери начали посещать школу с 3 сентября, сын с 5-го, а старшая дочь еще две недели была на каникулах. К занятиям в одних школах также могли приступать сразу, а в других в первый школьный день мог быть только праздничный молебен или торжественное заседание, а к самим урокам могли приступить только спустя несколько дней [14. Л. 68; 20. Л. 76; 21].

Как правило, в российских школах занятия начинались в 9, реже в 8 часов утра. Гигиенисты предлагали поднимать ребенка за 1–2 ч до начала занятий, в зависимости от того, сколько времени требовалось на дорогу до школы. Идеальным они считали расстояние в получасовой переход пешком в одну сторону, который мог бы стать прекрасной альтернативой специальной прогулки [13, с. 52–54; 22, с. 8–9, 11]. На деле такая дорога могла занимать от пары минут до полутора часов. Более значительного времени не требовалось, так как дети, родители которых жили в сельской местности или в небольших городах, где не было учебного заведения, на период обучения переселялись в пансионаты, к родственникам или просто на съемные квартиры поближе к месту учебы [1; 3; 23–24].

Вопрос о том, стоит ли учитывать расстояние до школы при найме квартиры, решался в разных семьях по-разному. Если ребенок был один и именно он был сосредоточением интересов всех домочадцев, то подчас родители были готовы пойти на значительное ухудшение жилищных условий, лишь бы избавить его от ранних подъемов и сократить дорогу до школы. Вот как подобное решение принималось в семье Яфа, где две вдовы – мать и бабушка – растили свою единственную отраду – девятилетнюю Оленьку: «Мы все очень любили нашу квартиру на Мытнинской набережной и тем не менее расстались с нею – только из-за того, что оттуда мне было бы далеко ездить в Стоюнинскую гимназию, а отдать меня в какую-либо другую гимназию поближе – мама и мысли не допускала». В результате вся семья переехала из «удобной, большой и светлой», да к тому же и достаточно дешевой квартиры, в «неудобную, маленькую, сырую» и более дорогую, но расположенную на соседней улице с гимназией [14; 25].

В большинстве же случаев расстояние до школы не входило в число главных приоритетов при выборе квартиры, тем более, когда в семье было несколько детей, и они ходили в разные учебные заведения. Младших школьников сопровождали родители или прислуга, старшие, даже девушки, должны были добираться самостоятельно. Вот, например, какую дорожную эпопею переживала ежедневно ученица старших классов Катя Кавос. «Погода все время очень скверная, бежать ей утром нужно до Благовещенской площади, там садиться на 4-й номер; но это в теории так, а на практике выходит, что она всякий раз берет извозчика» (любящая поспать девочка все время просыпала и опаздывала). В итоге мать решила, «чем ей по мокроте бежать до извозчика, уж лучше пускай ей подает всякий день мой знакомый, весьма порядочный старичок, и мы с тобой будем покойнее и стоит тот же полтинник». Но если семья милостиво разрешила подвозить девочку в школу, то обратно она должна была добираться сама: «Возвращаюсь ... на двух трамваях (причем всегда все страшно толкаются и пихаются; воздух в вагонах невыносимый, воняет сапогами, водкой и т. д.)» [26. Л. 49].

Гигиенисты и педагоги утверждали, что если ребенок правильно ложиться спать (на ночной сон школьника в зависимости от возраста они отводили от 11 до 9 ч), нормально питается и «не раздражает свою нервную систему излишними возбуждениями», то проблем со вставанием в 7–7.30 утра у него не возникнет [13, с. 53; 22, 9; 27, с. 153]. В специализированной литературе для родителей и воспитателей многократно подчеркивалось как важно, чтобы в утренние часы все делалось спокойно и без спешки: «Вычистив зубы и одевшись, он, не торопясь, завтракает и ... не особенно торопясь, идет в школу» или в другом пособии: «Дети должны отправляться в школу, по возможности, пешком, не торопясь; такая утренняя прогулка очень полезна» [13, с. 53; 22, 11]. Особо подчеркивали специалисты важность отсутствия спешки при приеме пищи, чтобы, «боясь опоздать в школу», детям не пришлось «пить горячего чая, кофе или молока и впопыхах не проглатывать непережеванных кусков хлеба...» [28, с. 140; 29, с. 7]. Однако на деле все эти пожелания мало соотносились с реальностью и дневники школьников были переполнены горькими сетованиями на ранние подъемы и бесконечную утреннюю беготню, когда на помощь неуспевающим собраться чадам приходили прислуга или матери, а то и те и другие вместе [30–31].

Характер утреннего питания детей, как правило, зависел от той традиции, которая существовала на данный счет в семье и от того, что обычно ели ее старшие члены. В условиях «печной экономики», когда приготовление пищи осуществлялось в печи, а с 80-х гг. XIX в. преимущественно на дровяной плите [32–33], сделать горячий зав-

трак к 7–8 утра было крайне затруднительно. Поэтому, как правило, утром пили чай/кофе, заедали его свежей булкой с маслом и/или джемом, при желании добавляли сюда какие-либо остатки от вчерашнего обеда. Более плотный завтрак, который собственно и назывался завтрак, в отличие от утреннего чая (кофе) и в домашних условиях, и в специальных учреждениях традиционно подавали в промежутке от 10 до 12 ч утра [см. напр.: 2–3; 16. Л. 3; 34. Л. 66 об.]. Поэтому пожелания части гигиенистов о том, чтобы дети «перед уходом в школу, сытно позавтракали» [22, с. 11] оказывались мало исполнимыми в реальности. В этой ситуации всё, что могли сделать наиболее «продвинутые» родители, старавшиеся в наибольшей степени реализовывать рекомендации специалистов, – это заменить для детей утренний чай и кофе, вызывавшие активную критику врачей, как «возбуждающие вкусовые вещества», на молоко или какао [35, с. 38]. Во второй половине XIX – начале XX в. в дворянско-интеллигентской семье широко было распространено мнение, согласно которому «... дети и юноши, не пьющие молоко, отличаются по большей части слабой сопротивляемостью по отношению к болезням, склонностью к малокровию и бледной немочи, а также общей нервозностью» [36, с. 5]. Поэтому, если позволяли финансы, дети ежедневно (даже в пост) получали один-два стакана, а то и бутылку молока, но так как в городских условиях обеспечить детей рано утром свежим, а тем более горячим кипяченым молоком, было значительно сложнее, чем днем или вечером, традиционно молоко пили на ужин и/или прямо перед сном [37; 38, с. 26].

Только в начале XX в., по мере распространения газовых плит, что способствовало значительному ускорению процесса приготовления пищи, в быт дворянской семьи стал входить ранний горячий завтрак, состоящий, как правило, из каши, бутербродов и чая/кофе. Так, гимназистка Катя Кавос, жившая у родственников, следующим образом описывала в письмах к родителям свое ежедневное утро 1912 г.: «Дни проходят страшно однообразно. Встаю ровно в $\frac{1}{2}$ 8-го. Ем кашу... Затем в $\frac{1}{2}$ 9-го уже сижу на извозчике...» [31. Л. 96].

В подавляющей массе дворянско-интеллигентских семей было принято давать детям «завтрак» с собой в школу. И специалисты, и родители солидаризировались в общем мнении о том, что «давать детям деньги для покупки себе завтрака или фруктов считается неправильным, так как часто случается, что дети употребляют деньги для завтрака на покупку разных лакомств» [28, с. 140]. Вместе с тем среди гигиенистов, педагогов и родителей не существовало единство в вопросе о том, каким по характеру и калорийности должен быть этот завтрак. Одни ратовали за «легкий завтрак», который должен был дать возможность детям «сберечь свой аппетит для обеда в семье» [13, с. 62], другие выступали за «плотный и горя-

чий», требуя от школы организации «приварка» [39, с. 129–130]. В большинстве случаев дети получали с собой бутерброды с ветчиной или оставшимся со вчерашнего обеда мясом и бутылку молока (если в школе не давали чай или хотя бы кипяток, в который уже дети добавляли принесенную из дома заварку) [35, с. 38; 7, с. 21]. В богатых, европеизированных семьях могли добавлять бутерброды с сыром, все еще продолжавшим быть редким продуктом на российском столе, даже дворянском [32–33]. Бедные семьи ограничивались снабжением ребенка куском булки и бутылкой воды. Несмотря на уровень обеспеченности родителей, детский завтрак было принято заворачивать в газету. Гигиенисты поражались, что данная традиция была характерна даже для тех семей, где «никто из господ и даже никто из прислуги не стал бы есть упавший на пол кусок хлеба или другого съестного». Попытки разного рода изданий объяснить вред использования грязной бумаги, да еще и покрытой токсичной типографской краской мало действовали на родителей [40, с. 126]. В результате во многих передовых школах, в борьбе за здоровье детей, в начале XX века стал использоваться метод воздействия на семью через самих школьников. Так, М. Никольским была составлена небольшая брошюра, за основу которой были взяты правила, подготовленные медицинским советом голландского министерства народного просвещения. Одно из первых мест среди включенных в нее и подлежащих обязательному заучиванию школьниками инструкций занимала следующая: «5) Заворачивай хлеб, булку и прочую пищу только в чистую, никогда не бывшую в употреблении, бумагу...» [41, с. 4].

Необходимость организации в школе горячего питания была признана в 1902 г., когда Министерство народного просвещения потребовало от начальников средних учебных заведений «заботиться о том, чтобы учащиеся могли получить в учебных заведениях теплый завтрак или по крайней мере чай» [39, с. 130]. В элитных школах, где была возможность организовать кухню и столовую, горячее питание предоставлялось (за дополнительную плату) еще с 80-х гг. XIX в. О наличии такой услуги в Стоюнинской гимназии писала Ольга Яфа: «Все мои подруги абонированы на «горячие завтраки», сытные и вкусные, но так как они преимущественно мясные, а мне после перенесенной мною летом скарлатины запрещено «черное мясо», мама носит мне горячие завтраки из дому, благо мы живем через улицу» [42. Л. 9].

В подавляющей массе средних учебных заведений не существовало разделения уроков на дообеденные и послеобеденные [13, с. 62]. Вместе с тем в казенной школе право вводить подобную схему учебного процесса было предоставлено администрации в 1902 г. [39, с. 129–130], в частной же такая возможность существо-

вала и раньше. Однако применялась она крайне редко. Таким образом, занятия в гимназиях и реальных училищах традиционно проходили с одним большим – 20–30-минутным – перерывом на завтрак и заканчивались, как правило, в младших классах в 2 ч, в старших – в 3–4 ч дня.

Во второй половине XIX в. продолжительность уроков в средней школе в большинстве учебных заведений страны составляла час с пятиминутными переменами. Данное обстоятельство вызывало серьезное беспокойство части врачей, педагогов и родителей, отмечавших переутомление школьников и связанное с этим ухудшение здоровья подростков. Гигиенисты указывали, что пятиминутного перерыва не только недостаточно для проветривания кабинета и восстановления сил ребенка, но порой дети даже не успевают сходить в туалет (тем более что и в начале XX в. в половине учебных заведений он находился на улице) [13]. В начале нового столетия была проведена серия исследований специфики болезней школьников, результатом которой стала настоятельная рекомендация увеличения продолжительности перемены до 15 мин [43, с. 4–6]. Министерство частично пошло навстречу требованиям врачей, рекомендовав с 1902 г. увеличение «пауз между уроками» до 10 мин, а «большой перемены» – до 40. Причем предполагалось, что такой «большой перерыв» должен был наступать для младших школьников раньше, чем для старших [39, с. 129–130]. Вместе с тем организовать подобное схему учебного процесса можно было только в тех школах, где обучающиеся разных классов размещались на отдельных этажах здания и в случае асинхронности занятий не могли мешать друг другу.

В передовых частных учебных заведениях, нацеленных на создание «гигиенической обстановки», 45-минутные уроки с 15-минутными переменами, а также значительный по размеру перерыв на завтрак существовали и ранее. Наиболее показателен в этом плане порядок учебного дня, сложившийся в Тенишевском коммерческом училище в Петербурге. «Дети появлялись в школе в 9 часов. Два урока по $\frac{3}{4}$ часа... Перемена между ними в $\frac{1}{4}$ часа ... они в это время устраивали оживленные игры в зале... Кончались два урока – следовал $1\frac{3}{4}$ ч антракт, предназначенный на игры и на завтрак. Полагался целый час игр на воздухе... К часу игр являлся специальный преподаватель. Задачей его было научить детей играть, заинтересовать играми и вовлечь в игры тех, кто почему-либо избегал их. ... после этих занятий их ждал уже в школе завтрак, для всех обязательный, состоящий из горячего блюда и из молока... В $\frac{3}{4}$ первого дети вновь шли на уроки... Из трех последних уроков по крайней мере два отводились на долю практических, ручных занятий. ... Незаметно протекало время до 4 часов. Ни усталости, ни

скуки. В передней появлялись родители и прислуга, пришедшие за малышами» [44, с. 25–26].

По своему положению, материальным и санитарно-бытовым условиям разные средние учебные заведения сильно отличались друг от друга. Это могли быть специально построенные учебные здания, жилой дом, состоящий из квартир и приспособленный под гимназию, просто частный дом или квартира, подчас даже не являвшиеся собственностью хозяев учреждения, а взятые в наем. Особенно серьезно различались условия в элитных частных и обычных казенных учебных заведениях.

В конце XIX в. было проведено обследование казенных школ, показавшее следующее состояние системы учреждений среднего государственного образования страны. С одной стороны, почти все учебные заведения помещались в своих («казенных») зданиях, так из 287 обследованных учреждений лишь 31 (т. е. 11 %) «пользовались» наемным помещением. Однако только треть учебных заведений (34 %) имела рекреационные залы (в женских учебных заведениях показатель был выше – 42 %), а вопрос о наличии гимнастических даже не ставился ... Всего 14 % учреждений имели центральное отопление (главным образом воздушное), а 17 % вообще отапливались железными печами. Наконец, лишь 34 % из числа обследованных учебных заведений имели водопровод. Характерно, что наиболее высокие показатели продемонстрировали реальные училища. В данной группе около 30 % учреждений имели центральное отопление и 58 % – водопровод [45, с. 2–4].

В качестве примера казенной гимназии, размещившейся в доме с переделанными под учебные классы жилыми квартирами, можно привести описание Санкт-Петербургской 10-й гимназии, располагавшейся в доме № 3/5 по 1-й Роте Измайловского полка, во флигеле домовладения братьев Тарасовых. Здание имело четыре этажа, помимо классов в нем располагались библиотека, гимнастический зал, квартиры казначея и делопроизводителя. Вот как вспоминали об условиях обучения современники: «Помещения были неважные: потолки низкие, классы тесные, отопление печное, освещение до 1906 года керосиновое. Вся обстановка бедная, парты простые, сосновые. Оборудование физического кабинета и комнат с учебными пособиями весьма скромное» [46, с. 134–135].

Значительно богаче была устроена обстановка в частной гимназии Стоюниных, где обычный класс представлял из себя большую и светлую квадратную комнату «в пять окон: два на юг, два на восток, и одно, в углу между ними, – на юго-восток. Строго говоря, это даже не окно, а стеклянная дверь на балкон, но она большую часть года накрепко заделана и служит просто окном. В углу, наискосок от неё, большая и высокая белая изразцовая печь. Если стать спиной к

печке, то справа – сплошная стена; на ней черная классная доска; в стене слева – белая двустворчатая дверь, которая ведет в так называемый «большой зал». Стены комнаты оклеены глянцевыми белыми обоями «под мрамор» с серыми прожилками. Парты уставлены в три колонны, лицом к доске». Соответствовали таким классам и «Большой зал» – место для проведения игр и мероприятий, и «Малый зал», служивший столовой, а также специальные помещения для занятий гимнастикой [14. Л. 7].

Пяти-семи-часовой ежедневный интенсивный умственный труд в замкнутых, плохо проветренных помещениях, при необходимости сидеть неподвижно, сохраняя тишину, недостаточные перерывы на отдых, очевидно, требовали физической разрядки молодого организма. Врачи указывали на важность и даже необходимость введения в школах физического воспитания [47, с. 7]. В программах казенных (и работавших по государственным учебным планам частных) учебных заведений гимнастика появилась в конце 70-х гг. XIX в. Правда, данное новшество носило преимущественно декларативный характер и практически нигде не применялось на практике. Для женских учебных заведений это было связано во многом с тем, что по тогдашним представлениям ручной труд (рукоделие) также считался формой физического воспитания. Учитывая этот факт в гимназиях ведомства императрицы Марии во всех классах было отведено на гимнастику и рукоделие по 2 ч в неделю, причем не было точного разграничения числа часов между этими двумя предметами [48, с. 52]. С другой стороны, и в мужской, и женской средних школах отсутствовали спортивные залы и даже (как мы отмечали) рекреационные помещения, в которых можно было бы заниматься, а также возникали серьезные трудности с поиском преподавателей. В результате обычной оказывалась ситуация, сложившаяся в С.-Петербургской Александровской женской гимназии. Здесь, по новой, принятой в 1879 г. учебной таблицы предмет «рукоделие» упразднялся, а его часы передавались для занятий физическими упражнениями. Но реализовалась данная инициатива достаточно своеобразно – в связи с отсутствием необходимых помещений «временно» эти часы были переданы в младших классах на занятия новыми языками, а в старших – стенографией. И только в 1882 г. так и не организовавшее спортивный зал начальство гимназии вернуло в младшие классы преподавание рукоделия, продолжая занимать старших в эти часы другими предметами [49, с. 19; 43–44; 50].

К началу XX в. для значительной части женских средних учебных заведений дилемма между пониманием необходимости физического воспитания девушек и невозможностью его организовать разрешалась включением в учебный план преподавания танцев.

Например, именно в качестве замены гимнастики предлагалось введение уроков танцев для учениц в Тюменской женской гимназии. За эти занятия предполагалось взимать дополнительную оплату – по 1 р. в месяц при 2-часовых уроках в неделю. При этом ученицы, «чьи родители не могли оплачивать, посещали уроки бесплатно» [51].

В тех женских средних учебных заведениях, в которых все-таки удавалось ввести гимнастику, на повестку дня вставал вопрос: какие конкретно занятия были бы полезны именно для «слабого женского организма»? Наиболее широкую поддержку в родительской среде находило соображение, что «лучшая гимнастика для дам и девиц – подвижные игры на открытом воздухе: игра в мяч, в волан, крокет и т. д.». Из «телесных упражнений» одобрение вызывали «прогулка пешком на свежем воздухе», бег, который «еще более ускоряет дыхание и содействует развитию груди», катание на коньках и плавание [52, с. 109–110]. Но все это редко могло применяться в условиях обычной городской средней школы ... В большинстве случаев, проходившие в гимназии 1–2 раза в неделю занятия гимнастикой включали два этапа – сначала подвижные игры, а затем девушки «строились в шеренгу и проделывали разные фигуры» [21].

Специалисты настойчиво рекомендовали надевать на занятия физическими упражнениями специальную форму [53, с. 4], которая должна была включать для девочек «широкие панталоны, стянутые под коленом эластичной подвязкой, лиф, надетый сверх рубахи, и поверх его свободную блузу с широкими рукавами» [36, с. 19], но в гимназиях это не разрешалось. Максимум, что позволялось школьницам, это надевать под платье шаровары, чтобы на уроках гимнастики не было видно панталончиков [21].

До последнего десятилетия XIX в. и в мужской средней школе занятия гимнастикой осуществлялись по мере возможности, если были спортивные залы или хотя бы значительные по размерам рекреации, а также находились квалифицированные специалисты. При этом вводилась та система физического воспитания (шведская, чешская, немецкая, система Лесгафта и т. д.), которой придерживался приглашенный преподаватель. Казалось бы, введение обязательного физического воспитания в мужской школе в 1888–1889 гг. должно было улучшить преподавание данной дисциплины, однако ситуация только обострилась. На некоторое время содержание физического образования в государственных школах стало носить ярко выраженный военный уклон. «Не было людей, которые могли бы преподавать гимнастику и, по необходимости, дело преподавания перешло к офицерам и даже унтер-офицерам. Военная гимнастика была внесена в стены гражданских учебных заведений, так как ни с какой другой системой новые случайные преподаватели не были

знакомы» [48, с. 53]. С одной стороны, осуществить ведение в средней школе 1–2 еженедельных уроков «военной муштры» в форме так называемых «порядковых движений», т. е. занятий в гимназических коридорах, под руководством бывших офицеров, а то и фельдфебелей, маршировкой и фронтом, было значительно проще, чем оборудовать спортивный зал и пригласить на работу соответствующего специалиста. С другой стороны, подобное нововведение вызвало столь очевидное недовольство родителей, что уже в 1902 г. МНП было вынуждено заявить, что «военная гимнастика» должна занимать в средней школе «второстепенное место», а приоритет должен быть отдан подвижным играм, физическим упражнениям на снарядах, катанию на коньках и лыжах, плаванию и гребле, езде на велосипеде, фехтованию, ручному труду, танцам, пению, игре на музыкальных инструментах [39]. А так как в организации подобных занятий опять на первый план выходил вопрос материальной базы и отсутствия педагогов, то в подавляющей массе казенных учреждений физическое воспитание либо вообще не велось, либо сохранялось преподавание «военной гимнастики».

Совершенно по-другому относились к физическому образованию в так называемых «новых школах», передовых и дорогостоящих частных учебных заведениях («продвинутых» школах для «избранных родителей»). Администрация совместно с родителями осуществляла тщательный подбор «подходящей» образовательной системы. В гимназии М.Н. Стоюниной, например, физическое воспитание проводилось по системе П.Ф. Лесгафта, при этом первоначально он сам руководил занятиями, а затем их вели его ученицы, так называемые лесгафтички, работу которых он постоянно контролировал, посещая уроки [25. Л. 15]. В первом киевском коммерческом училище физическое воспитание строилось на программе врача А.К. Анохина. Для училища В.Н. Тенишева свою программу физического воспитания разработал петербургский педагог П.Н. Бокин. Почти все опытные школы имели просторные гимнастические залы, несколько площадок для проведения игр на открытом воздухе, а в некоторых школах имелись даже свои бассейны [54, с. 30–32]. На занятия гимнастикой и/или ручным трудом отводилось не менее одного урока в день, помимо этого в середине учебного дня дети проводили час, играя на свежем воздухе [44, с. 23].

Возвратившиеся со школы дети либо сразу садились обедать, либо получали до обеда «свободное время». В условиях «печной экономики» и крайне отрицательного отношения в дворянско-интеллигентской среде к подогреванию пищи [32–33] в каждой семье устанавливалось определенное время обеда, на который собирались все домочадцы. Время это выбирали так, чтобы оно было наиболее удобно всем членам семьи или, по крайней мере, тем из

них, чьи интересы в данном доме выделялись как приоритетные. Во второй половине XIX в. обед в дворянских семьях, как правило, приурочивался к приходу со службы главы семьи, и час его зависел от времени ее окончания. Таким образом, обед отодвигался на период от 16 до 18 ч и вернувшиеся из школы дети в ожидании еды могли просто отдыхать или сразу садиться за уроки. В конце столетия, по мере увеличения числа обучающихся в открытых учебных заведениях, возрастания роли детей в дворянской среде и появления значительного числа детоцентричных семей, с одной стороны, и изменения характера рабочего дня многих учреждений, в которых стал устанавливаться перерыв на обед, с другой, именно приход детей со школы стал тем сроком, к которому вся семья должна была собираться на совместный прием пищи. В результате к началу XX в. уже считалось вполне обычным и даже рекомендовалось в руководствах по домоводству, что в том случае, если место службы хозяина дома располагалось так далеко, что он не мог приходить домой обедать, то хозяйке следовало отправлять ему домашние блюда с посыльным или заказывать еду в ресторане или столовой [55, с. 10]. Мало того, именно возвращение школьников должно было стать сигналом для начала подачи обеда, ведь «дети обыкновенно не настолько терпеливы, чтобы выждать, пока горячий суп остынет; поэтому надо подавать блюда на стол тотчас же после прихода детей из училища, чтобы, с одной стороны, не заставлять их чрезмерно проголодаться, а с другой – дать время обедать спокойно, не торопясь» [29, с. 7].

Изменив в интересах школьников время главного приема пищи, родители все же далеко не всегда были готовы принять рекомендации гигиенистов в отношении самого характера питания. Это тем более было сложно сделать, так как сами врачи и педагоги не могли определиться по вопросу о роли мясной пищи в рационе подростка. Одна часть авторов однозначно утверждала, что «самая питательная пища та, которая содержит много белковых веществ, например, мясо, яйца, молоко», а сама она должна быть «разнообразна, свежа и вкусно приготовлена» [22, с. 11]. Другие, озабоченные проблемами полового воспитания и опасаясь распространения в юношеской среде онанизма, предлагали кормить подростков преимущественно растительной пищей с добавлением разнообразных молочных продуктов. Мясо следовало ограничить, а для уже «больных онанизмом» полностью исключить [56, с. 43–57; 57]. Компромиссный вариант предполагал отказ от «кушаний, сильно приправленных луком, чесноком, перцем, корицей, ванилью», при сохранении в рационе «белого мяса, молока во всех видах, вареных овощей и мучной пищи» как средств, рекомендуемых «для умерения возбуждаемости» [43, с. 19].

Традиционно обед в дворянско-интеллигентских семьях состоял из трех перемен и 3–4 блюд: на первое – суп, далее – 1–2 вида «горячего» (мясное и/или рыбное) и гарнир, на третье – сладкое. В идеале блюда должны были готовиться из разнообразных продуктов и не повторяться в течение недели – десятидневки. Меню «образцовых обедов» в «помощь хозяйке», чьей обязанностью было его составление, печаталось в специальных дамских изданиях и многочисленных кулинарных книгах [см. 32–33; 55; 58]. Приведем несколько примеров подобных ежедневных обедов: «Среда. Рассольник из гусиных потрохов. Говядина разварная с разварным картофелем. Телячья печенка шпикованная. Крем-брюле. Четверг. Суп английский из телячьей головки. Свиные котлеты. Рябчики жареные. Желе из вина. Пятница. Щи из кислой капусты. Жареная гречневая каша. Бифштекс. Индейка фаршированная. Вафли. Суббота. Суп из курицы. Телятина – жаркое. Макароны итальянские с маслом. Компот» [59, с. 111].

Сокращение числа мясных блюд для подростков, резкое ограничение использования в приготовлении пищи для них специй означало, что либо все в доме должны были перейти на подобное «растительно-пресное» питание, либо для подростков должны были готовить специальный стол. Последний вариант означал не только увеличение трудозатрат, но и значительное удорожание общесемейных расходов на питание, что для озабоченных проблемой экономии дворян было крайне затруднительно. На деле в большинстве случаев не родители подлаживались под требования детского питания, а подростков кормили тем же, что ели взрослые. В семьях вегетарианцев, число которых в интеллигентной среде постоянно росло, детей переводили на полностью растительный стол [12, с. 62; 46, с. 105; 60, с. 24]. Мясоеды кормили подростков теми сортами мяса, которые предпочитали сами. Характерно, что даже если в семье готовили на время постов два вида обедов (скоромный и постный), то связано это было не с питанием детей и взрослых, а с разнообразными требованиями старших членов семьи. Например, на страстной неделе 1883 г. в дворянской семье Гудковых подавали для старших женщин «треску на постном масле, и компот и мармелад», а для отца семейства и 12-летней младшей дочери – «куриный суп, вареную курицу, компот и мармелад». При этом на Вербное Воскресенье вся семья получила одинаковые «суп с перловой крупой и жаркое из мяса» [61. Л. 1 об. – 2; 62].

Гигиенисты настойчиво рекомендовали дополнять обеденный стол школьников сырыми фруктами, на сладкое разрешали баловать детей вареньем, а запивать еду советовали исключительно водой. Строго запрещалось давать подросткам спиртные напитки и «даже пиво» [28, с. 140]. Однако последняя рекомендация исполня-

лась далеко не всеми. Связано это было с широким распространением убеждения в медикаментозной силе алкоголя, разделяемой частью специалистов. В этой связи во многих пособиях специально подчеркивалось, что «спиртные напитки могут принести пользу лишь при известных заболеваниях, причем только опытный домашний врач, знакомый с состоянием детского организма, может определить сорт и количество напитка, так как вред, причиняемый детям и больным ежедневным употреблением вина, значительно превышает их пользу» и осуждались те родители и воспитатели, которые, «не советуясь с врачом, но доверяя лишь газетной рекламе и советам кумушек и тетушек, заставляют детей ежедневно употреблять якобы полезные для детей ...вина» [36, с. 5]. Результаты таких практик показало проведенное в конце XIX в. обследование студентов высших учебных заведений, выявившее, что более 2/3 учащихся употребляло спиртные напитки, «начав пить в средней школе» [43, с. 23].

После обеда школьники приступали к выполнению домашних заданий (или возвращались к их выполнению, если начинали готовить уроки еще до обеда). Это отнимало у них практически всю вторую половину дня. Излишнюю загруженность подростков признавали сами педагоги, отмечая, что хотя «нормами ... признаются один час для первого и три часа для последнего класса», приготовление уроков может занимать и до 5 ч в день. Мало того, утверждалось, что ученики старших классов за отсутствием необходимого времени вообще «не в состоянии выучить всего материала, задаваемого на дом» [63, с. 106, 109].

Учитывая, как мало времени оставалось у школьников помимо учебы, родителям приходилось думать о том, на какие занятия было бы целесообразно потратить эти часы. Несмотря на то, что многие педагоги, особенно сторонники концепции «свободного воспитания» постоянно указывали на важность и необходимость привлечения детей к физическому труду [65], даже в далеко не богатых семьях предпочитали давать уставшим подросткам или просто «отдохнуть», или обеспокоенные «будущем» своих детей (как мальчиков, так и девочек), родители стремились использовать это «напрасно пропадающее» время «еще для какого-нибудь учения, например, музыке, английскому языку и т. п.» [27, с. 151]. Подобные воззрения находили поддержку у части гигиенистов, утверждавших, что «посторонние занятия, как-то: частные уроки и другие работы ради заработка, равно как и занятия по хозяйству, вредно отзываются на здоровье учащихся. Они не досыпают, становятся вялыми, малокровными и легко подвергаются заболеваниям. При таких условиях страдают также и умственное развитие, и успешность в занятиях» [22, с. 8–9].

За полтора-два часа до отхода ко сну дети получали ужин. Это могли быть жидкая каша на молоке, яйца и/или оставшиеся с обеда холодное мясо и овощи. В качестве питья гигиенисты советовали молоко. Но во многих семьях, несмотря на протесты специалистов, на ужин дети пили вместе с родителями чай с булкой, а горячее молоко получали непосредственно перед сном [28, с. 140].

Спать младшие школьники должны были отправляться в 8 ч вечера, а старшие в 10. Помещение перед сном должно было быть хорошо проветрено и температура в нем не должна была превышать 14–16° С. Детям рекомендовалось вычистить зубы и обмыться прохладной водой [22, с. 9]. Предполагалось, что при правильном воспитании такой порядок не должен был вызвать никаких проблем. Вот как описывали педагоги нормально организованный отход ребенка ко сну: «"Ваня, 8 часов!". И Ваня идет и укладывается без разговоров». Но сами же современники признавали, что «процесс укладывания спать» является для родителей самым «сложным и трудным» и на деле «сколько здесь происходит сцен, сколько раздается усердной мольбы, горячих убеждений, лекций по гигиене, сколько горьких отказов и мягкой уступчивости, сколько зря потраченного времени и энергии» [27, с. 152]. В результате в большинстве семей младшие дети ложились спать около 10, а старшие дотягивали до 11 вечера [31. Д. 44. Л. 97 об.].

По воскресеньям и праздничным дням школьники тоже занимались подготовкой домашних заданий, но имели больше свободного времени, а главное, имели возможность «выспаться». Некоторые из них, по привычке рано просыпаться, вставали уже в 8 утра, но многие, вопреки требованию гигиенистов и педагогов поднимать детей в одно и то же время, нежились в кровати до 12 [31. Л. 123 об.]. Свободное время, по мнению родителей, следовало тратить преимущественно на чтение книг. Помимо этого, в выходные дни дети вместе с другими членами семьи встречали гостей и сами ходили в гости, иногда посещали театры и выставки, ездили на экскурсии, просто гуляли по паркам и скверам [1]. В начале XX в. стало популярным привлекать детей к занятию разного рода физическими упражнениями [38, с. 51; 64. Л. 16]. Отдельные сторонники набиравшей на рубеже веков популярность концепции свободного воспитания шли еще дальше: отправляли своих детей во внеучебное время в мастерские ручного труда, а на лето перевозили в сельскохозяйственные колонии, где подростки с целью воспитания любви к труду, силы воли и дисциплины [65] занимались садоводством и огородничеством [см. напр.: 5; 66–67]. Подобные учреждения дополнительного образования формировались, как правило, на добровольные взносы родителей, а так как число участников было невелико, а оплата преподавателей в связи с их редкостью – значительной, то и

приучение детей к производительному труду становилось привилегией далеко не бедствующих дворянских семейств.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в дворянско-интеллигентской среде серьезное внимание уделялось правильному «выращиванию» детей и подростков. Сформировалась целая система «рационального» воспитания с упором на «натуралистические тенденции» лелеявшая идею создать «нормального человека». «Веровалось, что если ребенок правильно ест, по книжке пьет, по теории спит, нормально болеет, растет, из отрока делается юношей и т. д., то с правильным развитием тела будет правильно идти и правильный рост духа» [68, с. 2]. Понятно, что при таком внимании к физиологической стороне бытия обойти стороной проблему гигиены было невозможно. Большинство дворян-родителей были хорошо знакомы с работами соответствующих специалистов. Их труды выходили отдельными изданиями, печатались в педагогической, дамской и «желтой» прессе, появлялись специализированные и рассчитанные на самую широкую аудиторию еженедельники, задачей которых было «здравие семьи». Вместе с тем полностью реализовать идеи гигиенистов в рамках конкретной дворянско-интеллигентской семьи было достаточно сложно, если не невозможно. С одной стороны, это было связано с тем, что в среде самих специалистов существовали дискуссии по отдельным вопросам, прежде всего связанным с характером питания детей и подростков, степенью их участия в «домашних работах», формами и методами физического воспитания. С другой стороны, многие требования гигиенистов оказывались мало исполнимыми по объективным, прежде всего материальным причинам. Наконец, характеризуя факторы, определявшие условия жизни школьников в дворянско-интеллигентской семье в конце XIX – начале XX вв. необходимо обязательно обращать внимание и на представления родителей о задачах воспитания. Так как далеко не всегда строгий режим и трудовое воспитание шли рука об руку с нуждой, а богатство – с праздностью и отсутствием самостоятельности.

Список литературы

1. Веретенко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX–начало XX вв.). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.

2. Веретенко В.А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 8 (61). – С. 33–36.

3. Веретенко В.А. Пансионаты в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 33–39.

4. Мишакова Е.Н. Проблемы дошкольного образования и воспитания на страницах периодической печати России конца XIX – начала XX в. // Изв. Вологод. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 7. – С. 127–130.

5. М.К. Опыт семейной школы в Москве // Свободное воспитание. – 1907/8. – № 1. – С. 51–59.
6. Горбунов-Посадов И. Заметка о московском «Кружке совместного воспитания и образования детей» и «Детском саде М.А. Гуцевич» // Свободное воспитание. – 1907/8. – № 6. – С. 109–111.
7. Из деятельности «Детского сада М.А. Гуцевич», продолжающего дело «Дома свободного ребенка» // Свободное воспитание. – 1907/8. – № 7. – С. 10–23.
8. А.Т. Еще одна попытка свободного воспитания и образования // Свободное воспитание. – 1908/1909. – № 1. – С. 5–32.
9. Оноприенко И.Г. Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50–90-е гг. XIX века (на примере Центрального Черноземья): автореф. дис ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2007.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 423. Д. 947.
11. Васенко П.Г. Воспоминания о моей прошлой жизни и прошлом быте. Новосибирск: СО РАН, 2014.
12. А-ская. Из записок матери // Свободное воспитание. – 1907/8. – № 10.
13. Заволжская Ю.И. Школьная гигиена. – СПб.: Изд. журн. «Современная медицина и гигиена», 1898.
14. ОР РНБ. Ф. 163. Д. 315.
15. Скворцов И. Гигиена воспитания. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1890.
16. ОР РНБ. Ф. 1 – А.А. Абаза. Д. 107.
17. Институт русской литературы Российской Академии наук (ИРЛИ РАН) (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 11.
18. ИРЛИ, Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 35.
19. ИРЛИ. Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 16.
20. ИРЛИ. Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 28.
21. Бердинских В. Тайны русской души. Дневник гимназистки. – М.: Ломоносов, 2015.
22. Зильберштейн Р. Гигиена ребенка школьного возраста. – СПб.: Изд. тип. С.М. Проппера, 1908.
23. Березина А.Н. Семья. Школа. Революция. 1902–1920. – СПб.: КОПО, 2015.
24. Седова Л. Социальные воззрения детей как отражение общественной среды // Вестн. воспитания. – 1900. – № 5. – С. 128–152.
25. ОР РНБ. Ф. 163. Д. 316.
26. ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 43.
27. Обухов А. Как мы портим наших детей (К съезду по семейному воспитанию) // Русская мысль. – 1912. – Кн. 12. – С. 147–155.
28. Питание детей, посещающих школу // Здоровье семьи: журн. гигиены и попул. медицины, изд. при «Биржевых ведомостях». – 1902. – 25 сент. (8 окт.). – № 16.
29. Питание детей школьного возраста // Домоводство. Бесплатное приложение к журналу «Сельский хозяин» за 1903 г. – СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1903. – Кн. 2.
30. ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 1.
31. ИРЛИ. Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 44.
32. Б-ий И.Ф. Гигиенический стол. Питательные и вкусные обеды на каждый день: настольная книга для каждой семьи. – СПб.: Электротпечатня, 1902.

33. Подарок молодым хозяйкам, руководящий к рациональному уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. – М.: Тип. Ф. Иогансон, 1872.
34. ИРЛИ. Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 13.
35. Питание ребенка // Здоровье семьи: журн. гигиены и попул. медицины, изд. при «Биржевых ведомостях». – 1902. – 27 февр (12 марта). – № 5.
36. Уффельман. Гигиена мальчиков и девочек. – СПб.: СПб. электрпечатня, 1902.
37. Верременко В.А. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Петерб. ист. журн. – 2015. – № 2. – С. 100–116.
38. Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932) / пер. с англ Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. – М.: Фэйрис-пресс, 2009.
39. Эм В. Оздоровление школы // Здоровье семьи. Журн. гигиены и попул. медицины, изд. при «Биржевых ведомостях». – 1902. – 11 (24). сент. – № 17.
40. Безвредная бумага // Здоровье семьи. Журн. гигиены и попул. медицины, изд. при «Биржевых ведомостях». – 1902. – 28 авг. (10 сент.). – № 16.
41. Никольский М. Гигиена школьного юношества. Краткие общедоступные правила для сохранения здоровья учащихся. – СПб.: Изд. тов. М.О. Вольф, 1912.
42. ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314.
43. Либерман Б.Н. Что необходимо знать родителям учащихся. Новгород: Губерн. тип., 1911.
44. Соломин Е. Физическое воспитание и развитие самостоятельности учащихся в Тенишевском училище (в СПб) // Свободное воспитание. – 1909/10. – № 4. – С. 23–34.
45. Соколов А.Д. Санитарное состояние низших и средних учебных заведений // Высочайше разрешенный второй съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию 1895–1896. X-я секция. Школьная гигиена и физические упражнения / под ред. А.Д. Соколова. – М.: Тип. г. Лисснера и А. Гешели, 1898. – С. 1–32.
46. Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов: зап. очевидцев. – Л.: Лениздат, 1991.
47. Д-р А.М. Гигиена школьного возраста // Семья: еженед. ил. журн. – 1892. – 15 нояб. – № 1.
48. Игнатъев В.Е. Физическое воспитание: Гимнастика, спорт, подвижные игры. – М.: «Польза» В. Антик и К, 1912.
49. Пятидесятилетие С.-Петербургской Александровской женской гимназии: Хроника гимназической жизни и деятельности. – СПб., 1910.
50. Верременко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 62–75.
51. Зуев В.Н., Куценко Я.А. Становление и развитие физического воспитания в учебных заведениях Тобольской губернии на рубеже XIX–XX века // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. Социально-экон. и прав. исслед. – 2013. – № 2. – С. 145–154.
52. Телесные упражнения // Здоровье семьи: журн. гигиены и попул. медицины, изд. при «Биржевых ведомостях». – 1902. – 24 июля (6 авг.). – № 14.
53. Общество распространения между образованными женщинами практических знаний. О курсах педагогической гимнастики, состоящих под руководством Н.Е. Цабель. – М., 1894.

54. Корякина Е.А., Устинов И.Ю., Караванов А.А., Холодов О.М. История развития физкультуры и спорта в дореволюционной России (конец XIX – начало XX вв.) // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: сб. науч. ст. всерос. с междунар. участием очно-заочной науч.-практ. конф. / под ред. Г.В. Бугаева, О.Н. Савинковой. – Воронеж, 2016.

55. Сеницына М. Хорошая хозяйка. Настольная книга для каждой хозяйки, советы о разумном и выгоднейшем ведении домашнего хозяйства. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1899.

56. Золотарев А.А. Опасный враг юности. Половой порок (онанизм). Причины и последствия его. Борьба с ним. – М., 1906.

57. Веремеенко В.А. «Страшный враг юношества» – борьба с онанизмом и половое просвещение подростков из привилегированных слоев российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 7. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 68–75.

58. Веремеенко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 315–323.

59. Дамский календарь на 1898 год. 1-й год издания. Издание И.В. Бартошевича. – М.: Тов. И.Н. Кушнерев, 1898.

60. Лозинский Е. Вегетарианство и воспитание. – М.: Тип. Вильде, 1912.

61. ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

62. Веремеенко В.А. «Пост матушка ...»: дворянские семьи и религиозные ограничения в еде (вторая половина XIX – начало XX в.) // КЛИО. – 2015. – № 4(100). – С. 83–87.

63. Труды Первого всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.12.1912–6.01.1913. Т. 2. – СПб., 1914. – С. 106, 109.

64. ИРЛИ. Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 32.

65. Веремеенко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 361–370.

66. Сухова В. Мастерская ручного труда // Свободное воспитание. – 1907/1908. – № 5. – С. 107–108.

67. Зонов А. Первые ступени земледельческого труда с детьми // Свободное воспитание. – 1907/1908. – № 10. – С. 53–56.

68. Амфитеатров Ал. Наши дети // Семья: еженед. ил. журн. – 1892. – 6 дек. – № 4.

References

1. Veremenko V.A. *Deti v dvoryanskikh sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX–nachalo XX vv.)* [Children in noble families of Russia (second half XIX–beginning of XX centuries)]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015.

2. Veremenko V.A. *Osobennosti shkol'nogo byta dvoryan v gosudarstvennyh zakrytyh uchebnyh zavedeniyah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Features a school life of nobles in the state of closed educational institutions of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries)] // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets state University]. 2014. № 8 (61). S. 33-36.

3. Veremenko V.A. *Pansiony v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Pensions in Russia in second half XIX – early XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. 2015. № 3. S. 33–39.

4. Mishakova E.N. *Problemy doshkol'nogo obrazovaniya i vospitaniya na stranicah periodicheskoy pechati Rossii konca XIX – nachala XX v.* [The problems of pre-school education and upbringing on the pages of periodicals of Russia in the late XIX – early XX century] // *Izvestiya Vologodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Vologda state pedagogical University]. 2012. № 7. S. 127–130.

5. M.K. *Opyt semejnoy shkoly v Moskve* [The experience of family school in Moscow] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1907/8. № 1. S. 51–59.

6. Gorbunov-Posadov I. *Zametka o moskovskom «Kruzhke sovместnogo vospitaniya i obrazovaniya detej» i «Detskom sade M.A. Gucevich»* [Note on Moscow "Circle of joint care and education of children" and "kindergarten M. A. Gutsevich"] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1907/8. № 6. S. 109–111.

7. *Iz deyatel'nosti «Detskogo sada M.A. Gucevich», prodolzhayushchego delo «Doma svobodnogo rebenka»* [Of activities "kindergarten M. A. Gutsevich" continuing "Home of the free child"] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1907/8. № 7. S. 10–23.

8. A.T. *Eshche odna popytka svobodnogo vospitaniya i obrazovaniya* [Another attempt of free education and education] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1908/1909. № 1. S. 5–32.

9. Onoprienko I.G. *Byt provincial'nogo dvoryanstva: tradicii i novacii v 50–90-eg. XIX veka (na primere Central'nogo Chernozem'ya)* [The life of a provincial nobility: traditions and innovations in the 50-90-ies of the XIX century (on the example of the Central Chernozem)]. Avtoref. diss ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2007.

10. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki (OR RNB)* [Department of manuscripts of Russian national library (OR RNB)]. F. 423. D. 947.

11. Vasenko P.G. *Vospominaniya o moej proshloj zhizni i proshlom byte* [Memories of my past life and past life]. Novosibirsk, 2014.

12. A-skaya. *Iz zapisok materi* [From the notes of mother] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1907/8. № 10.

13. *Zavolzhskaya YU.I. SHkol'naya gigiena* [School hygiene]. SPb.: Izd. zhurnala «Sovremennaya medicina i gigiena», 1898.

14. OR RNB. F. 163. D. 315.

15. Skvortcov I. *Gigiena vospitaniya* [Hygiene education]. M.: tip. M.G. Volchaninova, 1890.

16. OR RNB. F. 1 – A.A. Abaza. D. 107.

17. *Institut russkoj literatury Rossijskoj Akademii nauk (IRLI RAN) (Pushkinskij dom)* [The Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences (the Pushkin house) RAS (the Pushkin house)]. F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 11.

18. IRLI, F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 35.

19. IRLI. F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 16.

20. IRLI. F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 28.

21. *Berdinskih V. Tajny russkoj dushi. Dnevnik gimnazistki* [Secrets of the Russian soul. Diary of a schoolgirl]. M., 2015.
22. *Zil'bershtejn R. Gigiena rebenka shkol'nogo vozrasta* [Hygiene of the school child]. SPb.: izd. tip. S.M. Proppera, 1908.
23. *Berezina A.N. Sem'ya. SHkola. Revolyuciya. 1902–1920* [Family. School. Revolution. 1902–1920]. SPb., 2015.
24. *Sedova L. Social'nye vozzreniya detej, kak otrazhenie obshchestvennoj sredy* [Social views children as a reflection of the social environment] // *Vestnik vospitaniya* [Journal of education]. 1900. № 5. S. 128–152.
25. OR RNB. F. 163. D. 316.
26. IRLI RAN (Pushkinskij dom). F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 43.
27. *Obuhov A. Kak my portim nashih detej (K s"ezdu po semejnomu vospitaniju)* [How do we spoil our children (To Congress on family education)] // *Russkaya mysl'*. 1912. Kn. 12. S. 147–155.
28. *Pitanie detej, poseshchayushchih shkolu* [The nutrition of children attending school] // *Zdravie sem'i. ZHurnal gigieny i populyarnoj mediciny, izdavaemyj pri «Birzhevyh vedomostyah»* [The Health of the family. Journal of hygiene and popular medicine, published in the "Exchange news"]. 1902. 25 sent. (8 okt.). № 16.
29. *Pitanie detej shkol'nogo vozrasta* [Nutrition of school-age children] // *Domovodstvo. Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu «Sel'skij hozyain» za 1903 g.* [Economics. Free Supplement to the magazine "the house" of 1903]. SPb: izd-vo P.P. Sojkina, 1903. Kn. 2.
30. IRLI RAN (Pushkinskij dom). F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 1.
31. IRLI. F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 44.
32. *B-ij I.F. Gigienicheskiy stol. Pitatel'nye i vkusnye obedy na kazhdyj den'. Nastol'naya kniga dlya kazhdoj sem'i* [The hygienic table. Nutritious and delicious Lunches every day. A reference book for each family]. SPb.: EHlektropechatnya, 1902.
33. *Podarok molodym hozyajkam, rukovodyashchij k racional'nomu umen'sheniyu raskhodov v domashnem hozyajstve* [A gift to young Housewives, leading to the rational reduction of expenses in the household]. M.: tip. F. Ioganson, 1872.
34. IRLI. F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 13.
35. *Pitanie rebenka* [Child nutrition] // *Zdravie sem'i. ZHurnal gigieny i populyarnoj mediciny, izdavaemyj pri «Birzhevyh vedomostyah»* [The Health of the family. Journal of hygiene and popular medicine, published in the "Exchange news"]. 1902. 27 fevr (12 marta). № 5.
36. *Uffel'man. Gigiena mal'chikov i devochek* [Hygiene for boys and girls]. SPb.: SPb. ehlektropechatnya, 1902.
37. *Veremenko V.A. Religioznoe vospitanie detej v dvoryanskijh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Religious education of children of noble families in Russia in the second half of XIX – early XX centuries] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [The St. Petersburg historical journal]. 2015. № 2. S. 100–116.
38. *Golicyna I.D. Vospominaniya o Rossii (1900–1932)* [Memories of Russia (1900-1932)] / per. s angl T.I. Golicynoj, O.A. Nesmeyanovoj. M.: Fjris-press, 2009.
39. *EHm V. Ozdorovlenie shkolny [Improvement of the school]* // *Zdravie sem'i. ZHurnal gigieny i populyarnoj mediciny, izdavaemyj pri «Birzhevyh vedomostyah»*. [The Health of the family. Journal of hygiene and popular medicine, published in the "Exchange news"]. 1902. 11 (24) sent. № 17.
40. *Bezvrednaya bumaga* [Harmless paper] // *Zdravie sem'i. ZHurnal gigieny i populyarnoj mediciny, izdavaemyj pri «Birzhevyh vedomostyah»* [The Health of the

family. Journal of hygiene and popular medicine, published in the "Exchange news". 1902. 28 avg. (10 sent.). № 16.

41. *Nikol'skij M. Gigiena shkol'nogo yunoshestva. Kratkie obshchedostupnye pravila dlya sohraneniya zdorov'ya uchashchihsya* [Hygiene school youth. Public short rules for maintaining the health of students]. SPb: izd. tov. M.O. Vol'f, 1912.

42. OR RNB. F. 163. D. 314.

43. *Lieberman B.N. CHto neobhodimo znat' roditelyam uchashchihsya. Novgorod: gubern* [What is necessary to know for student's parents]. Tip., 1911.

44. *Solomin E. Fizicheskoe vospitanie i razvitie samodeyatelnosti uchashchihsya v Tenishevskom uchilishche (v SPb)* [Physical education and development of Amateur students in Tenishev school (in St. Petersburg)] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1909/10. № 4. S. 23–34.

45. *Sokolov A.D. Sanitarnoe sostoyanie nizshih i srednih uchebnyh zavedenij* [The sanitary condition of the lower and middle schools] // *Vysochajshe razreshennyj vtoroj s"ezd russkih deyatelej po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu 1895-1896. H-aya sekciya. shkol'naya gigiena i fizicheskie uprazhneniya* [Majesty allowed the second Congress of Russian figures on technical and vocational education, 1895–1896. X-th partition. school hygiene and physical exercises] / pod red. A.D. Sokolova. M.: tip. g. Lissnera i A. Gesheli, 1898. S. 1–32.

46. *Zasosov D.A., Pyzin V.I. Iz zhizni Peterburga 1890–1910-h godov. Zapiski ochevidcev* [From the life of St. Petersburg 1890–1910-ies. Memoirs of the eyewitnesses]. L., 1991.

47. *D-r A.M. Gigiena shkol'nogo vozrasta* [Hygiene school age] // *Sem'ya. Ezhenedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal* [Family. Weekly illustrated magazine]. 1892. 15 noyabrya. № 1.

48. *Ignat'ev V.E. Fizicheskoe vospitanie: Gimnastika, sport, podvizhnye igry* [Physical education: Gymnastics, sports, outdoor games]. M., 1912.

49. *Pyatidesyatiletie S.-Peterburgskoj Aleksandrovskoj zhenskoj gimnazii: Hronika gimnazich. zhizni i deyatel'nosti* [The fiftieth anniversary of St. Petersburg Alexander women's gymnasium: the gymnasium Chronicle of life and activit]. SPb., 1910.

50. *Veremenko V.A. Podgotovka dvoryanok k hozyajstvennoj deyatel'nosti v sem'e v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Preparation of noblewomen in economic activities to the family in Russia of second half XIX – beginning of XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. 2014. № 4. S. 62–75.

51. *Zuev V.N., Kucenko YA.A. Stanovlenie i razvitie fizicheskogo vospitaniya v uchebnyh zavedeniyah Tobol'skoj gubernii na rubezhe XIX–XX veka* [The formation and development of physical education in the schools of the Tobolsk province in the XIX–XX century] // *Bulletin of Tyumen state University. Socio-economic and legal research* [Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya]. 2013. №2. S. 145–154.

52. *Telesnye uprazhneniya* [Physical exercise] // *Zdravie sem'i. ZHurnal gigieny i populyarnoj mediciny, izdavaemyj pri «Bireznyh vedomostyah»* [The Health of the family. Journal of hygiene and popular medicine, published in the "Exchange news"]. 1902. 24 iyulya (6 avgusta). № 14.

53. *Obshchestvo rasprostraneniya mezhdru obrazovannymi zhenshchinami prakticheskikh znaniy. O kursah pedagogicheskoy gimnastiki, sostoyashchih pod rukovodstvom N.E. Cabel'* [The society for the propagation between the educated women practical knowledge. About the courses of pedagogical gymnastics, consisting under the supervision of N. E. Zabel]. M., 1894.

54. Koryakina E.A., Ustinov I.YU., Karavanov A.A., Holodov O.M. *Istoriya razvitiya fizkul'tury i sporta v dorevolucionnoj Rossii (konec XIX– nachalo XX vv.)* [The history of development of physical culture and sport in pre-revolutionary Russia (end of XIX– beginning of XX centuries)] // *Fizicheskaya kul'tura, sport i zdorov'e v sovremennom obshchestve: sb. nauchnyh statej vseros. s mezhdunarodnym uchastiem ochno-zaochnoj nauchno-prakt. konf.* [The Physical culture, sport and health in modern society: collection of scientific articles of the all-Russian. with international participation, part-time scientific-practical. Conf.] Pod red. G.V. Bugaev, O.N. Savinkova. Voronezh, 2016.

55. Sinicyna M. *Horoshaya hozyajka. Nastol'naya kniga dlya kazhdoj hozyajki, soveti o razumnom i vygodnejšem vedenii domashnego hozyajstva* [A good hostess. Handbook for each family, advice about a reasonable and profitable home]. M.: tip. I.D. Sytina, 1899.

56. Zolotarev A.A. *Opasnyj vrug yunosti. Polovoj porok (onanizm). Prichiny i posledstviya ego. Bor'ba s nim* [A dangerous enemy of youth. Sexual sin (Masturbation). The causes and consequences of it. The fight with him]. M., 1906.

57. Veremenko V.A. «*Strashnyj vrug yunoshestva*» – *bor'ba s onanizmom i polovoe prosveshchenie podrostkov iz privilegirovannyh sloev rossijskogo obshchestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* ["The worst enemy of youth" – the struggle against Masturbation and sexuality education of adolescents from privileged strata of Russian society in the second half of XIX – early XX centuries] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunarod. uchastiem* [Capital and the provinces: the relationship between the centre and regions in the history of Russia: materials of vseros. scientific. Conf. international. participation] / otv. red. V.V. Karpova. Vyp. 7. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. S. 68–75.

58. Veremenko V.A. *Hozyajka na kuhne: adaptacionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvoryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of Russian noble families in the second half of XIX – early XX century] // *Ehkstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russskoj revolyucii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16-18 marta 2017 g. / otv. red. V.A. Veremenko* [The Extreme in the everyday life of the population of Russia: history and modernity (the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917): proceedings of the international. scientific. Conf. On March 16-18, 2017]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. S. 315-323.

59. *Damskij kalendar' na 1898 god* [Lady's calendar for 1898. 1st year]. 1-j god izdaniya. Izdanie I.V. Bartoshevicha. M.: tov. I.N. Kushnerev, 1898.

60. Lozinskij E. *Vegetarianstvo i vospitanie* [Vegetarianism and education]. M.: tip. Vil'de, 1912.

61. IRLI RAN. (Pushkinskij dom). F. 15 – Ol'gi Georgievny Bazankur. D. 1.

62. Veremenko V.A. «*Post matushka ...*»: *dvoryanskie sem'i i religioznye ogranicheniya v ede (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* ["The post mother ...": noble families and religious food restrictions (second half of XIX – beginning of XX century)] // *KLIO*. 2015. № 4 (100). S. 83–87.

63. *Trudy Pervogo vserossijskogo s'ezda po semejnemu vospitaniyu* [Proceedings of the First all-Russian Congress on family education]. Peterburg, 30.12.1912-6.01.1913. T. 2. SPb., 1914. S. 106, 109.

64. IRLI. F. 445. – E.S. Zarudnaya-Kavos. D. 32.

65. Veremenko V.A. *Trudovoe vospitanie v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Labor education in aristocratic intellectual families in Russia in the second half of XIX – early XX centuries] // *Material'nyj*

faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity. SB. materials Intern. scientific. Conf.] / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. S. 361–370.

66. *Suhova V. Masterskaya ruchnogo truda* [Workshop of manual labor] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1907/1908. № 5. S. 107–108.

67. *Zonov A. Pervye stupeni zemledel'cheskogo truda s det'mi* [The first stage of agricultural labor with children] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. 1907/1908. № 10. S. 53–56.

68. *Amfiteatrov Al. Nashi deti* [Our children] // *Sem'ya. Ezhenedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal* [Family. A weekly illustrated journal]. 1892. 6 dekabrya. № 4.

**Повседневная борьба за всеобщ:
внештатные корреспонденты газеты «Пермская земская неделя»
о народной школе (1907–1909)**

Реализация всеобщего обучения на практике была в России инициативой общественности. В 1890-е гг. стало складываться широкое общественное движение за претворение этой идеи в жизнь. Борьба за всеобщее образование длилась до конца дореволюционного периода и для многих людей того времени участие в ней превратилось в повседневное дело. В статье показывается, что побуждало обывателя (чаще всего крестьянина) взяться за перо, каким образом он мог прийти к мысли о вступлении в ряды борцов за всеобщ, поскольку написание и отправление материала, посвященного школьному строительству (или касающегося этих вопросов), может расцениваться как проявление активной гражданской позиции в данной проблеме. Газета «Пермская земская неделя», была основана в 1907 г., она стремилась в полной мере освещать введение всеобщего обучения в Пермской губернии и охотно предоставляла свои страницы для корреспонденций из разных мест губернии о трудностях и достижениях в развитии народной школы и об отношении народа к образованию.

Ключевые слова: всеобщее обучение, народная школа, общественное мнение, периодическая печать, Пермская губерния.

S.V. Golikova

**Everyday struggle for compulsory education:
the freelance correspondents about public school in newspaper
"Perm Zemstvo's Week" (1907–1909)"**

The realization of universal education in practice was a public initiative in Russia. In the 1890s, a broad social movement for the implementation of this idea began to form. The struggle for universal education lasted until the end of pre-revolutionary period and for many people of that time, participation in it turned into an everyday affair. The article shows what motivated the man in the street (most often a peasant) to become a freelance correspondent, how he could come to the idea of joining ranks of fighters for compulsory education (vseobuch), since writing and sending material on school development (or dealing with these issues) can be regarded as a manifestation of active citizenship. The newspaper "Perm Zemstvo's Week" was founded in 1907. The newspaper aimed to the full covering of introduction of universal education in Perm province. The newspaper willingly provided its pages for correspondence from various places in the province about difficulties and achievements in development of public schools and about attitude of people to education.

Key words: compulsory education (vseobuch), public school, public opinion, periodical press, Perm province.

Главной заслугой всеобщего обучения (особенно в начальной школе) стало окончательное превращение процесса получения образования в повседневную (даже рутинную) практику. Однако России выпал длинный путь к всеобучу и сама борьба за то, чтобы грамотностью овладел каждый ребенок, на долгие годы вошла в круг повседневных забот многих людей: учителей, родителей, общестственности. Их ежедневные усилия сами по себе могут рассматриваться в качестве объекта изучения истории повседневности.

Достаточно длительный период всеобщее обучение принадлежало в нашей стране к разряду умозрительных идей и только инициативы общестственности в 1890-е гг. помогли признать ее годной для реализации на практике. Движущей силой этого начинания стали такие общестственные организации, как комитеты грамотности и особенно местное самоуправление (городское и уездное в земских губерниях), проделавшие огромную работу по проектированию школьных сетей. Параллельно набирало силы и распространялось по городам и весям Российской империи широкое общестственное движение за начальный всеобуч. И.В. Зубков совершенно прав, когда заявляет, что «в начале XX в. требования введения всеобщего обучения раздавались буквально отовсюду» [1, с. 62]. В революционные потрясения 1905–1907 гг. партии правого и левого спектра включили это требование в свои программные документы, и движение приобрело характер общестственно-политического.

Однако деятельность партий и крупных общестственных организаций, например, таких как «Лига образования», намного проще изучать по их заявлениям и практическим шагам, повседневная же работа активистов гражданского общества ускользает от исследователя. Но вряд ли возможно реконструировать в полной мере введение всеобуча без учета кропотливого труда многочисленных «винтиков» этого процесса. В таком случае на помощь могут прийти материалы периодической печати, в частности корреспонденции «с мест». Написание текста, посвященного школьному строительству (или касающегося этих вопросов), и направление его в газету для рядового обывателя надо признать поступком. Это действие не только превращало его во внештатного корреспондента, но и автоматически включало в состав общестственности, в ряды борцов за всеобуч. Содержание заметки или письма, кроме рассказа о каком-то явлении или событии, связанном со школой и образованием, косвенным образом (или явно) показывало, что побудило человека (чаще всего крестьянина) взяться за перо, каким образом он мог прийти к мысли о том, что в школьном вопросе нужно занять твердую позицию и отстаивать свои убеждения (хотя бы через газету).

Многочисленные корреспонденции подобного рода встречаются в газете «Пермская земская неделя». Этот орган земской периодики

был основан в 1907 г. и пришел на смену «Сборнику Пермского земства» – изданию хорошо знакомому всем, кто занимается историей пореформенного Урала. Изменение формата должно было более оперативно, чем это мог делать выходивший несколько раз в год «Сборник...», доносить до читателя инициативы земства и получить с ним более прочную обратную связь. Для последней цели в газете появилась специальная рубрика «Корреспонденции». Вначале здесь публиковались тексты, привезенные из командировок самими газетчиками. Но довольно быстро редакции удалось обзавестись собственной корреспондентской сетью, охватившей все уезды губернии. В 1907–1908 гг. больше всего заметок присылалось из сельской местности. Затем стали чаще фигурировать многонаселенные заводы и крупные города. За несколькими исключениями, рубрика появлялась почти в каждом номере и состояла из 2–7 материалов, которые, как правило, представляли собой небольшие заметки, размером в несколько абзацев, реже – в газетный столбец (или чуть больше). Скорее всего, они подвергались редактуре (к примеру, укорачивались), но она была незначительной: текст по композиции мог напоминать «наивную литературу» и стилистические погрешности (например, «неволью болишь душой», «молодежь начинает подхватываться за книги» и т. п.) в нем воспроизводились без изменений. «Глас народа» земцы стремились сохранить.

Пермское земство активно занималось народным образованием, поэтому корреспонденции, так или иначе связанные с вопросами обучения и школьной жизнью, встречались во многих подборках. В их появлении прослеживается определенная динамика. В течение 1907 г. число таких публикаций нарастало, в 1908 г. их количество было самым большим, в 1909 г. оно пошло на спад и во второй половине этого года о жизни школы корреспонденты как будто забыли, проблематика перестала быть для них топовой.

Эта публикаторская активность отражает положение с всеобучем в России в целом и в Пермской губернии в частности. Трехлетие 1907–1909 гг. стало для него ключевым. 20 февраля 1907 г. Министерство народного просвещения направило в Государственную думу собственный законопроект о начальном всеобуче. Этот демарш можно расценивать как перехват государственной властью инициативы у общественности в школьном строительстве, а можно и как первый крупный результат воздействия на правительство и центральную власть общественно-политического движения за всеобуч. Не дожидаясь принятия закона, учебное ведомство начало его реализацию, и Пермская губерния попала в число административно-территориальных образований, которым казна стала оказывать финансовую помощь в первую очередь. Это сделалось известным осе-

нию 1907 г., а на протяжении 1908–1909 г. уездные земства и многие города губернии заключили с Министерством договоры и стали получать государственные пособия.

Казенные и земские финансовые вливания в организацию начального всеобщего с каждым годом увеличивались, вскоре счет им пошел на миллионы. По министерской смете 1910 г., губернии предназначалось 1 074 148 р., в 1913 г. – уже 1 710 930 р. Земства (уездные и губернское) в 1910 г. затратили на начальное образование 1 364 тыс. р., а в 1913 г. более полутора миллиона [2, с. 113, 116; 3, с. 128, 131]. В эту статистику не входили расходы на строительство школьных зданий, которых стали вводить в строй до сотни в год. С 1910 г. земский губернский школьно-строительный фонд стал выдавать ежегодно на постройку новых школ 150 тыс. р. Из школьно-строительного фонда при Министерстве народного просвещения Пермской губернии в 1910 г. полагалось до 400 тыс. р. пособий и до 240 тыс. р. ссуд, в 1913 г. – до 470 тыс. р. пособий и до 170 тыс. р. ссуд [3, с. 129]. Школьная сеть губернии в 1913 г. возросла до 2 863 учебных заведений, в них работало 4 822 народных учителя [3, с. 128, 130]. Подобные грандиозные преобразования, получившие название «подготовительных работ по введению всеобщего обучения в Российской империи», далеко продвинули реализацию планов начального всеобщего и были прерваны только Первой мировой войной.

С учетом данной перспективы становится понятным, что в конце 1907 г., весь 1908 г. и в начале 1909 г. грядущие реформы в образовании были у всех на слуху, широко обсуждались в обществе, и земские издания стремились дать на своих страницах возможность высказаться по этому поводу как можно большему числу людей. Корреспонденты делились с читателями достижениями школьного дела в своих родных местах. «Наша деревня Сипова Зырянской волости Камышловского уезда быстро идет в просвещении не только отроков, но и взрослых», – писал Н.Л. Белоусов. Автор с удовлетворением отмечал, что она «процветает благодаря земской школе». И приводил весьма значимый в народном быту аргумент: «Школьники, которые учились одну зиму не только читают славно и пишут хорошо, и даже солдатские письма разбирают» [4, стб. 36–37]. Аналогичным образом обстояло дело в селе Костинском Ирбитского уезда, которое «за последние 6–7 лет значительно двинулось на пути к просвещению». Количество учащихся в министерском училище, которое открылось в 1898 г., ежегодно увеличивалось. Спустя десятилетие оно превысило уже 200 чел. «Многие из ранее учившихся продолжали образование и служат уже сами учителями», – с законной гордостью сообщали сельчане [5, стб. 33].

Об успешном пути к всеобщему обучению свидетельствовало желание детей охотно посещать учебные заведения. «Наш с шеститысячным населением завод имеет три училища: двухклассное и одноклассное-смешанное и женское и все они всегда полны учащимися», – писал в 1908 г. корреспондент из Сылвинского завода Красноуфимского уезда [6, стб. 35]. К началу «подготовительных работ...» эта характерная для горнозаводских районов черта стала распространяться и в сельской местности. Корреспондент из села Белоярского Екатеринбургского уезда, в частности, отмечал: «Между тем среди населения находятся уже такие крестьяне, которые перестали уже довольствоваться тем, что дает их детям одноклассная школа. Сознывая пользу образования и для крестьянина, они не ограничиваются школьным образованием детей и по окончании земской школы, помещают их в двухклассные и городские училища» [7, стб. 28].

Как всем деревенским «миром» обустроивали учебное заведение, рассказывается в материале, присланном из деревни Сосновый мыс Верх-Язьвинской волости Соликамского уезда: «К училищу большинство общественников относятся очень сочувственно. Очень многие приняли на себя работы натурою по постройке училища... Для оборудования школы общество сделало до 18 парт и большой шкаф для учительской библиотеки». Глава местного самоуправления с пониманием отнесся к общему делу: «Много содействовал постройке школьного здания и сельский староста Я.И. Кочетков». Однако душой местного школьного проекта оказался крестьянин У.И. Новиков. Будучи в преклонном возрасте, он тем не менее «целые дни проводил у школы, приходя за 2,5 версты», наблюдал за работами, «подбодрял бесплатно помогающих при постройке» жителей. В заключение автор с удовлетворением отмечал: «Общество наше не жалело денег и своих сил по постройке училища. Дай бог успеха нашим общественникам в хорошо начатом им деле» [8, стб. 44]. Каких результатов могла достигать собственная инициатива крестьянской общины еще до активизации работ по всеобучу, показано в заметке В. Мартынова 1907 г., посвященной одной из волостей Верхотурского уезда: «В заключение нужно отметить, что Красногорская волость является одной из передовых в уезде в деле постановки народного образования; так как в ней местными средствами организована своя домашняя школьная сеть и вполне достигнута идея общедоступного обучения, которого так давно и горячо жаждет земство. Волость имеет кроме 2-классного училища еще 6 земских школ... За постановку школьного дела и крупные жертвы на него волость заслужила лестную аттестацию со стороны земского собрания и инспекции Верхотурского уезда» [9, стб. 22].

Успехи школьного строительства вызывали у корреспондентов «Пермской земской недели» гордость и положительные эмоции. В. П-нин из села Подслудное Соликамского уезда в 1907 г. предлагал «порадоваться за такое доброе начинание и пожелать, чтобы земство открыло школу с осени» [10, стб. 23]. Два года спустя, с началом «подготовительных работ...», предметом торжества и ликования стало уже открытие в селах двухклассных земских училищ. 30 января 1909 г. сход в селе Ключевском Шадринского уезда единогласно постановил: «Ввиду того, что одноклассное народное училище не дает тех знаний, какие требуются народной жизнью, просить об открытии» двухклассной школы. Написавший об этом «отрадном явлении деревенской жизни» селянин считал, что «наша деревня начинает нащупывать правильный путь из мрака к свету» [11, стб. 20]. Жителю села Бердышево Оханского уезда также было «приятно отметить» открытие подобного учебного заведения: «Дай бог здоровья лицам, подвинувшим к большему свету наш темный уголок!» [12, стб. 34].

Однако чаще всего взяться за перо людей заставляли негативные явления местной жизни. Например, их могло возмутить поведение односельчан при проведении схода, на котором решалась судьба школы. 22 марта 1909 г. на волостном сходе в Верхне-Сергинском заводе «мужички подзадориваемые "каштанями", или, как их здесь называют "горлопанами", не хотели давать ни место под училище, ни денег». Присутствующие «даже кричали, что ... школы нужно закрыть, а не только возводить и тратить деньги на новые». Только когда группа «сознательных» крестьян «категорически высказалась за постройку», остальные «отступились и, ворча себе под нос, продолжали выражать неудовольствие» [13, стб. 37]. На сходе 15 ноября 1909 г. в Шайтанском заводе Красноуфимского уезда сознательного подхода не проявили. Народ «шумел, волновался, кричал», считал, что 140 р. на годовое содержание двух училищ слишком большая сумма, требовал от блюстителя училищ отчета о расходах, а получив его, решил, что школы лучше «прикрыть». Очевидец схода, поведавший о нем читателям газеты, признавался: «Тяжело было видеть, как темная масса топтала зерно просвещения», а на учителей смотрела как на «дармоедов» [14, стб. 31, № 51].

Написать в газету жителя Оханского уезда Л. также заставили порядки в местном самоуправлении. Он с недоумением описывал контраст в заботе о содержании здания волостного правления и местного училища: «Сепычевская волость имеет громадное каменное двухэтажное здание, в котором помещается волостное правление. На ремонт этого здания нынче летом издержано 6 тыс. руб., причем стены и потолки были вновь оштукатурены и покрашены

масляной краской, а в некоторых комнатах стены даже размалеваны. Тут же вблизи находится двухэтажный старенький домик – земская школа, тоже здание, принадлежащее волости. В волостном правлении комнаты высокие, светлые, окна большие, везде блеск, в школе же низко, темно, окна в рамках зеленые, с осени и до самой весны покрыты доверху слоем льда, так что солнечные лучи в школу не проникают» [15, стб. 25].

В отличие от «малограмотной» толпы на сходе, корреспондентов земской газеты отличало уважительное отношение к учительскому труду и к самим учителям. Залогом успеха в школьном деле, благополучия и поступательного развития уральской деревни, по их мнению, были хорошо подготовленные преподавательские кадры. «Я уверен, – заявлял корреспондент из села Подслудное Соликамского уезда, – что многое начиналось и начинается в деревнях подобных хороших дел, которые вскоре же и гибнут, благодаря единственно малокультурности народной. Невольно болишь душой, видя положение, в котором находятся крестьяне и думаешь, что в деревню надо бы побольше людей энергичных – особенно учителей, которые могли бы заложить крепкий фундамент для великого здания народного просвещения». «Помогите темному люду – это дело святое», – обращался автор к подвижникам народного образования [16, стб. 28].

И люди «со святым призванием учительствовать» находились. В деревне Сиповой Зырянской волости Камышловского уезда хорошо зарекомендовала себя учительница Арина Николаевна Фарленкова. Местные жители в 1908 г. писали, что «нынешний учебный год» дал им «много хорошего», благодаря ее «неустанным трудам», и выражали «большую симпатию к ней и благодарность». Крестьянин же Н.Л. Белоусов высказывал следующие пожелания: «Дай же, бог, нашей учительнице доброго здоровья, чтобы вперед она приносила больше пользы нашей школе и деревне». С досадой он признавал: «Да, жаль времени, десятки, сотни лет, прожитого нами в темноте». И видел значение учительского труда в том, что теперь его односельчане «увидали некоторый свет» [4, стб. 26, 28].

Истинным «просветителем народа», по отзыву корреспондента из села Козмодемьянского Соликамского уезда, был и местный учитель И.С. Лапин. В 1909 г. он был уже в преклонном возрасте и немало успел сделать «на благо населения»: «...положил много забот о благоустройстве школы и стараниями его была осуществлена заветная мысль крестьян об открытии в селе народной библиотеки», «по его же инициативе была открыта и чайная общества попечения о народной трезвости». Согласно автору заметки, «народ любил своего учителя» потому, что тот «понимал всякую нужду крестьян и

добрым своим советом много облегчал трудный жизненный путь козмодемьянских мужичков» [17, стб. 32].

Корреспонденты были сторонниками земских училищ, а не церковно-приходских. Из села Белоярского Екатеринбургского уезда сообщали, что «население не очень благосклонно относится к этим школам, и только нужда и дальность расстояния от земских школ заставляют обывателей помещать своих детей в эти школы» [7, стб. 28]. В Архангело-Пашийском заводе Пермского уезда полагали, что «приходская школа дает очень мало знаний» [18, стб. 28]. Крестьяне села Верх-Тисинского Красноуфимского уезда были недовольны состоянием библиотеки при церковно-приходской школе, в которой, по их словам, «почти нет самых необходимых, самых полезных книг для народа». Книги духовно-нравственного содержания у местного населения не пользовались «большим спросом». Корреспондент описывал разговор с читателем: «На предложение взять для чтения одну из таких книг слышим в ответ: "не надо, не интересно, вот какую-нибудь про землю, либо про Думу или что ... газету бы какую...."» [19, стб. 28]. В сложившейся ситуации жители нередко приходили к выводу, что пора менять тип учебного заведения. В. П-нин из Соликамского уезда о своих односельчанах писал: «Нельзя не упомянуть, что наконец ныне наши крестьяне решили ходатайствовать об открытии земской школы в с. Подслудном, отведя для этого пока общественное помещение, занимаемое церковной школой, которое обязуются расширить собственным счетом» [10, стб. 23].

В корреспонденциях газеты нашлось место и «портретам» активистов школьного образования. Заметка из деревни Нижнее Плесо Чусовской волости Пермского уезда рассказывала о крестьянине Т.И. Смородине: «долголетняя жизнь показала ему, что знание – самая могучая сила в тяжелом крестьянском труде и лучшая его отрада» [20, стб. 32]. В деревне Давыдовой в округе села Маминского Екатеринбургского уезда «простой рядовой крестьянин С.» стал председателем комитета по постройке школы. Односельчанин охарактеризовал его так: «...умный и любящий книгу, для которого широкое просвещение народа было заветной мечтой» [21, стб. 27]. Авторы заметок понимали, что подобные люди пока на селе встречаются редко и спешили познакомить с ними читательскую аудиторию. «Первым поборником школы» в деревне Сосновый мыс Верх-Язьвинской волости Соликамского уезда «явился старый неграмотный крестьянин Устин Иванович Новиков, который пользуется большой популярностью среди населения, занимал в разное время должности сельского старосты и председателя волостного суда». Деревенский поэт посвятил ему следующие строки: «Он построил с

народом часовню, а под старость о школе болит // жизнь прожив без науки и книги малым детям учиться велит» [8, стб. 44].

Наличие сообщений местных корреспондентов газеты «Пермская земская неделя» указывает, что вокруг нее формировался актив из людей равнодушных к развитию народного образования. Они были лишь видимой частью армии сторонников всеобщего в Пермской губернии, благодаря которой начинания земства и Министерства просвещения не пропали даром.

Список литературы

1. Зубков В. И. Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России // Российская история. – 2013. – № 2. – С. 62–86.
2. Обзор Пермской губернии за 1910 год. – Пермь: Типо-литография губернского правления. 1911. II, 130, 54 с.
3. Обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь: Типо-литография губернского правления. 1914. [2], 141, 54 с.
4. Крестьянин Ник. Лук. Белоусов. Что сделала наша учительница (Письмо крестьянина) // Пермская земская неделя. – 1908. – № 26. – Стб. 36–38.
5. М-в Л. Село Костинское Ирбитского уезда // Пермская земская неделя. – 1908. – № 37. – Стб. 33.
6. Д. Завод Сылва Красноуфимского уезда // Пермская земская неделя. – 1908. – № 2. – Стб. 35.
7. Село Белоярское Екатеринбургского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 7. – Стб. 28.
8. Деревня Сосновый мыс Верх-Язьвинской волости Соликамского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 43. – Стб. 43–44.
9. Мартынов В. Красногорская волость Верхотурского уезда // Пермская земская неделя. – 1907. – № 16. – Стб. 20–22.
10. П-нин В. Село Подслудное Соликамского уезда // Пермская земская неделя. – 1907. – № 7. – Стб. 22–23.
11. Крестьянин Н. Село Ключевское Шадринского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 13. – Стб. 20.
12. Село Бердышево Оханского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 41. – Стб. 33–34.
13. Верхне-Сергинский завод // Пермская земская неделя. – 1909. – № 20. – Стб. 36–37.
14. Шайтанский завод Красноуфимского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 51. – Стб. 31.
15. Л. Из Оханского уезда // Пермская земская неделя. – 1907. – № 41. – Стб. 25.
16. Село Подслудное Соликамского уезда // Пермская земская неделя. – 1907. – № 24. – Стб. 28.
17. Село Козмодемьянское Соликамского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 49. – Стб. 31–32.
18. Из Пашийского завода Пермского уезда // Пермская земская неделя. – 1907. – № 17. – Стб. 28–29.
19. Из села Верх-Тисинского Красноуфимского уезда // Пермская земская неделя. – 1907. – № 17. – Стб. 28.

20. Ю. Деревня Нижнее Плесо Чусовской волости Пермского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 4. – Стб. 31–32.
21. Село Маминское Екатеринбургского уезда // Пермская земская неделя. – 1909. – № 46. – Стб. 26–27.

References

1. Zubkov V.I. *Ministerstvo narodnogo prosvesheniya i podgotovka vvedeniya vseobshogo obucheniya v Rossii* [Ministry of Education and preparation for the introduction of compulsory education in Russia]. Russian history. 2013. № 2. P. 62–86.
2. *Obzor Permskoj gubernii za 1910 god* [Review of the Perm province for the year 1910]. Perm: Tipo-lithography provincial government. 1911. II, 130, 54 p.
3. *Obzor Permskoj gubernii za 1913 god* [Review of the Perm province for the year 1913]. Perm: Tipo-lithography provincial government. 1914. [2], 141, 54 p.
4. *Krest'yanin Nik. Luk. Belousov* [Peasant Nik. Luk. Belousov]. *Chto sdelala nasha uchitel'nica. (Pis'mo krest'yanina)* [What did our teacher do? (Letter from a peasant)] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1908. № 26. Stb. 36-38.
5. *M-v L. Selo Kostinskoe Irbitskogo uezda* [Village of Kostinskoe of the Irbitsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1908. № 37. Stb. 33.
6. *D. Zavod Sylva Krasnoufimskogo uezda* [Work Sylva of the Krasnoufimsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1908. № 2. Stb. 35.
7. *Selo Beloyarskoe Ekaterinburgskogo uezda* [Village of Beloyarskoye of the Ekaterinburg district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 7. Stb. 28.
8. *Derevnya Sosnovyi mys Verh-Yaz'vinskoi volosti Solikamskogo uezda* [Village of Sosnovyi mys of the Verkh-Yazvinsky volost of the Solikamsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 43. Stb. 43–44.
9. *Martynov V. Krasnogorskaya volost' Verhoturskogo uezda* [Krasnogorskaya volost' of the Verhotur'e district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1907. № 16. Stb. 20–22.
10. *P-nin V. Selo Podsludnoe Solikamskogo uezda* [Village of Podsludnoe of the Solikamsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1907. № 7. Stb. 22-23.
11. *Krest'yanin N.* [Peasant N] *Selo Klyuchevskoe Shadrinskogo uezda* [Village of Klyuchevskoe of the Shadrinsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 13. Stb. 20.
12. *Selo Berdyshevo Ohanskogo uezda* [Village of Berdyshevo of the Ohansk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 41. Stb. 33–34.
13. *Verhne-Serginskii zavod* [Work of Verhne-Serginsky] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 20. Stb. 36–37.
14. *Shaitanskii zavod Krasnoufimskogo uezda* [Work of Shaitansky of the Krasnoufimsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 51. Stb. 31.
15. *L. Iz Ohanskogo uezda* [From Okhansk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1907. № 41. Stb. 25.
16. *Selo Podsludnoe Solikamskogo uezda* [Village of Podsludnoe of the Solikamsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1907. № 24. Stb. 28.

17. *Selo Kozmodem'yanskoe Solikamskogo uezda* [Village of Kozmodem'yansk of the Solikamsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 49. Stb. 31–32.

18. *Iz Pashiiskogo zavoda Permskogo uezda* [From Pashysky Work of the Perm district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1907. № 17. Stb. 28–29.

19. *Iz sela Verh-Tisinskogo Krasnoufimskogo uezda* [From the village of Verkh-Tisinskoe of the Krasnoufimsk district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1907. №17. Stb. 28.

20. Yu. *Derevnya Nizhnee Pleso Chusovskoi volosti Permskogo uezda* [Village of Nizhnee Pleso Thusovskaya volost of the Perm district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 4. Stb. 31–32.

21. *Selo Maminskoe Ekaterinburgskogo uezda* [Village of Maminskoe of the Ekaterinburg district] // *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm zemstvo's week]. 1909. № 46. Stb. 26–27.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47).084.2:355
ГРНТИ 03.23. История России

В.В. Каминский

Павел Маркович Андрианов – «генштабист» Красной армии, воскресший из мертвых

Герой нашей статьи, Павел Маркович Андрианов, был одним из нескольких сотен выпускников самого престижного военно-учебного заведения как Русской императорской армии (далее – РИА), так и Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) – Николаевской академии Генерального штаба (далее – АГШ), кто на разных этапах периода 1918–1945 гг. служил большевистскому режиму и в РККА. По подсчетам автора настоящей статьи в указанный срок советскому режиму служило всего 1569 выпускников и курсантов АГШ, как «добольшевистской», так и советской. Их более-менее подробные автобиографии будут представлены в нашем биографическом справочнике, работа над которым близится к завершению. Автор статьи постарался отразить специфику службы офицера Генерального штаба: наш герой всего лишь за несколько лет службы сделал вполне приличную карьеру, побывав при этом не только на строевых и штабных должностях, но служил и по линии военно-учебных заведений. В то же время на страницах настоящей статьи мы пытаемся прояснить некоторые аспекты служебной занятости П.А. Андрианова, которого, на наш взгляд, в некоторых источниках по ошибке преждевременно отправили на «тот свет».

Ключевые слова: РИА, РККА, дивизия, корпус, полк, «генштабист».

V.V. Kaminsky

Paul Markovich Andrianov – "General staff officer" of the red Army, raised from the dead

Our article`s hero, Paul Markovich Andrianov was one of several hundreds of graduates of the most prestigious military school as the Russian Imperial Army (hereinafter – RIA), and the Workers 'and Peasants' Red Army (hereinafter – Red Army) General Staff Academy (hereinafter – AGSH), who are at different stages in the period 1918-1945 gg. served as the Bolshevik regime and the Red Army. According to the calculations of the author of this article, within the specified period the Soviet mode, all 1569 graduates and cadets AGSH as "pre-Bolshevik" and Soviet. They are more or less detailed autobiography will be presented in our biographical reference, on which work is nearing completion. The author tried to reflect the specifics of the

© Каминский В.В., 2017
© Kaminsky V.V., 2017

traditional officer of the General Staff: Our hero in just a few years of service did quite a decent career, having been at the same time not only on the front-line and staff positions, but served and military-educational institutions. At the same time, in the pages of this article we are trying to clarify some aspects of the employment service of his character, which, in our opinion, some sources prematurely sent by mistake to "the other world".

Key words: RIA, the Red Army, division, corps, regiment, "General Staff person".

Герой нашей статьи, Павел Маркович Андрианов, был одним из нескольких сотен выпускников самого престижного военно-учебного заведения как Русской императорской армии (далее – РИА), так и Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) – Николаевской академии Генерального штаба (далее – АГШ), кто на разных этапах периода 1918–1945 гг. служил большевистскому режиму и в РККА¹. Его биография довольно типична для офицера Генерального штаба: П.М. Андрианов лишь за несколько лет службы побывал не только на строевых и штабных должностях, но и служил в военно-учебных заведениях.

Павел Маркович Андрианов родился 26 февраля 1877 г. Общее образование он получил в Николаевском реальном училище, которое окончил в 1895 г. 12 августа 1895 г. юноша поступил вольноопределяющимся в 58-й пех. Прагский полк, что послужило началом его службы в РИА. В 1897 г. Павел Андрианов окончил Московское военное училище (ВУч, по 1-му разряду), откуда был выпущен подпоручиком в 12-ю арт. бригаду; поручик (ст. 12 августа 1900 г.) [1]. В 1903 г. молодой офицер П. М. Андрианов окончил полный курс АГШ по 1-му разряду с последующим причислением к Генеральному штабу [2; 3]. По окончании Академии Павел Маркович получил очередную чин штабс-капитана. В период с 31 октября 1903 г. до 31 августа 1904 г. новоиспеченный «генштабист» отбывал цензовое командование ротой в 59-м пех. Люблинском полку [4; 2], что было «зачтено за 2-годичное командование ротой» [2].

Службу по Генеральному штабу наш герой начал с 28 декабря 1904 г., заняв должность обер-офицера для поручений при штабе Одесского военного округа, в коей пробыл до 28 июля 1909 г. [4; 2]; на 1 января 1909 г. он состоял в указанной должности, находясь уже в чине капитана [5].

С 28 июля 1909 г. – на 15–18 июля 1914 г. П.М. Андрианов был прикомандирован к Одесскому военному училищу для преподава-

¹ По подсчетам автора настоящей статьи, в указанный срок советскому режиму служило всего 1569 выпускников и курсантов АГШ. Их более-менее подробные автобиографии будут представлены в нашем биографическом справочнике, работа над которым близится к завершению.

ния в нем военных наук [4; 2]. Иными словами, можно констатировать тот факт, что «генштабистская» карьера героя нашей статьи в РИА первоначально осуществлялась по военно-учебному ведомству. По крайней мере, с января и до 3 июня 1915 г. он, по всей вероятности, продолжал преподавать в Одесском ВУч [6, с. 11; 1]. Причем в 1912 г., оставаясь преподавателем военных дисциплин, П.М. Андрианов был произведен в полковники – за отличие по службе [4].

Генерального штаба полковник Павел Маркович Андрианов принял активное участие и в Первой мировой войне. На период с 11 июля 1915 г. до 22 февраля 1916 г. он исполнял должность начальника штаба 105-й пех. дивизии [1]. Высочайшим приказом от 22 февраля 1916 г. полковник П. Андрианов был назначен командиром 53-го пех. Волынского полка и на 3 января 1917 г. пребывал в той же должности. 25 января 1917 г. Павел Маркович получил дальнейшее повышение по службе, заняв должность начальника штаба 14-й пех. дивизии (в должности пребывал до 27 февраля 1917 г.), перейдя тем самым со строевой на штабную службу; на 7 мая 1916 г. до 8 февраля 1917 г. П. М. Андрианов продолжал оставаться в полковничьем чине [7. 22 февр. С. 5; 7 мая. С. 42; 3. С. 84, V; 1].

4 марта 1917 г. за отличия при исполнении должности командира 53-го пех. Волынского полка Павел Маркович Андрианов был награжден одной из высших военных наград Российской империи – Золотым Георгиевским оружием. А позднее, 8 октября 1917 г., наш герой удостоился другой высшей награды РИА – ордена Св. Георгия 4-й степени.

В то же время, вплоть до полного развала РИА, П.М. Андрианов последовательно поднимался вверх по карьерной лестнице, проходя все ступени «генштабистской» службы: 20 мая – 1 сентября 1917 г. – начальник штаба 30-го армейского корпуса; 18 сентября – 2 ноября 1917 г. – командующий 14-й пехотной дивизией; со 2 ноября 1917 г. – временно исполняющий должность командира 8-го армейского корпуса. 20 ноября 1917 г. офицер был утвержден в последней должности, в которой пребывал до 18 декабря 1917 г.

Вершиной карьеры П.М. Андрианова в «добольшевистской» армии явилось замещение должности командующего 4-й армией (18 декабря 1917 г. – 28 февраля 1918 г.); она же явилась последней должностью нашего героя в названной армии. Конец существования РИА он встретил в чине генерал-майора, в который был произведен 15 июня 1917 г. [1].

Причудливо складывались судьбы людей в дни «второй русской смуты» начала прошлого века. И Павел Маркович Андрианов в этом аспекте отнюдь не исключение. Видимо, после некоторого перерыва бывший генерал-майор русской армии П.М. Андрианов оказался на

службе украинского гетмана П.П. Скоропадского и с 30 августа до ноября 1918 г. являлся губернским старостой Киевского военного округа.

Далее, по данным, отложившимся в картотеке, составляемой уже много лет «продвинутым любителем» А.А. Лихотвориком, П. Андрианов, якобы, был убит при взятии Киева войсками С. Петлюры 17 декабря 1918 г. Причем известие о панихиде по нем было будто бы даже опубликовано в газете «Одесский листок» № 479 за 1 января 1919 г. [1].

Между тем сведения, содержащиеся в картотеке А. Лихотворика о якобы имевшем месте быть на исходе 1918 г. «убийстве» П. Андрианова петлюровцами, противоречат информации, которая отложилась в крупнейшем центральном российском военном архиве¹ – в фонде Всероссийского Главного штаба РККА (ВГШ, фонд 11). Из этой информации следует, что П. Андрианов, по крайней мере, на начало 1920 г. пребывал в добром здравии и вполне активно служил в РККА, куда он, видимо, перешел после службы в национальной армии гетмана П. Скоропадского. На 16 января 1920 г. П. Андрианов в Красной армии не только состоял завучем Вторых Вятских пехотных командных курсов, но и желал перейти на службу в штаб Харьковского военного округа (ХВО) на должность начальника окружной мобилизационной части [8. Л. 49]. Относительно последнего желания П. Андрианова в том же РГВА свидетельствует телеграмма начальника штаба ХВО «генштабиста» РККА [В. К.] Гершельмана² и комиссара округа Журавлева, адресованная в Организационное управление ВГШ: «...в виду выраженного желания заведывающ[его] учебной частью Вторых Вятских пехотных курсов Генштаба профессора Андрианова перейти на службу [в] Штаокр Харьковского на должность начмобчасти³ прошу немедленно [об] откомандировании [из] Генштаба Андрианова в Штаокр Харьковского на вакантную должность начмобчасти. О последующем прошу спешно уведомить. Ярославль. 11 января 1920 г. № 16582» [8. Л. 50].

Иными словами, из приведенных нами выше документальных данных следует, что П.М. Андрианов, по крайней мере, на начало 1920 г. не только активно служил в РККА, но и имел все шансы получить в ней дальнейшее повышение по службе.

¹ РГВА. Российский государственный военный архив.

² Биография Генштаба полковника Владимира Константиновича Гершельмана будет подробно представлена в справочнике автора настоящей статьи. В то же время, его служебная деятельность в РККА 1918-1919 гг. уже была отражена нами в монографии [9, с. 303, 306, 328, 331, 440, 500].

³ Штаокр – штаб округа; начмобчасти – начальник мобилизационной части.

Дальнейшая судьба героя настоящей статьи нам, к сожалению, неизвестна. О его личной жизни также известно немного: на 18 июля 1914 г. Павел Маркович Андрианов был женат и имел двух детей [2].

Список литературы

1. Картотека Лихотворика А.А. Андрианов Павел Маркович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1117>
2. Список Генерального Штаба (исправлен по 1 июня 1914 г. с прил. изм., объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). – Петроград, 1914.
3. Список Генерального штаба (испр. по 3-е янв. с прил. изм. по 8 февраля 1917 г.). – Петроград, 1917.
4. Список полковникам по старшинству, сост. по 1 марта 1914 г. с указ. главнейших перемен по прибыли и убыли полковников, происшедшие за время печатания списка с 1 марта по 15 июля 1914 г. – Петроград, 1914.
5. Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии / сост. по 1 янв. 1909 г. – СПб.: Воен. тип. /в зд. Главного штаба/, 1909.
6. Разведчик. – 1915. – 27 янв. – № 1264.
7. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г.
8. Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013.
9. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генштаба на службе в Красной армии. – СПб.: Алетейя, 2011.

References

1. *Kartoteka Lihotvorika A.A.* [Card Index Of Latveria A.] Andrianov Pavel Markovich. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1117>
2. *Spisok General'nogo SHtaba (ispravlen po 1 iyunya 1914 g. s prilozheniem izmenenij, ob"yavlennyh v Vysochajshih prikazah po 18 iyulya 1914 g.)* [A list of the General Staff (corrected to June 1, 1914, with the application of the changes announced in the Higher orders to 18 July 1914)]. Petrograd, 1914 g.
3. *Spisok General'nogo SHtaba (ispravlen po 3-e yanvarya s prilozheniem izmenenij po 8 fevralya 1917 g.)* [A list of the General Staff (fixed on the 3rd of January with app of the changes on February 8, 1917)]. Petrograd, 1917.
4. *Spisok polkovnikam po starshinstvu, sost. po 1 marta 1914 g. s ukazaniem glavnejshih peremen po pribyli i ubyli polkovnikov, proisshedshie za vremya pechataniya spiska s 1 marta po 15 iyulya 1914 g.* [The list of colonels by seniority, comp. on March 1, 1914, indicating major changes on profit and loss of the colonels that occurred during the printing of the list from March 1 to July 15, 1914]. Petrograd, 1914.
5. *Obshchij Spisok oficerskim chinam Russkoj Imperatorskoj Armii. Sostavljen po 1 yanvarya 1909 g.* [General List officer ranks of the Russian Imperial Army. Compiled on January 1, 1909]. SPb.: Voennaya Tipografiya /v zd. Glavnogo SHtaba/, 1909 g.
6. *Razvedchik* [Scout]. 1915 g. 27 yanvarya. № 1264.
7. *Vysochajshie prikazy o chinah voennyh* [The highest orders on ranks of the military]. 1916 g.
8. *Rossijskij Gosudarstvennyj Voennyj Arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive (rsma)]. F. 11. Op. 5. D. 1013.
9. *Kaminskij V.V. Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii Genshtaba n sluzhbe v Krasnoj Armii* [Graduates of the Nicholas Academy of the General staff n service in the red Army]. SPb.: Aleteja, 2011.

С.В. Любичанковский

Повседневность творческого процесса в дневнике и письмах Л.Н. Большакова

В статье дан анализ дневниковых записей почетного гражданина г. Оренбурга, ученого и общественного деятеля Л.Н. Большакова, касающихся специфики творческой работы интеллигента 1980–1990-х гг.: рабочая переписка, пользование библиотекой, чтение газет, поисковая работа. Показано значение дневника и эпистолярного наследия Л.Н. Большакова как исторического источника, на основе которого можно анализировать не только аспекты биографии автора, но и особенности повседневной жизни и мировосприятия людей его круга общения, интеллигенции поздней советской эпохи.

Ключевые слова: дневники, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, интеллигенция, исторический источник, творчество, библиотека, газеты, переписка, эпистолярное наследие.

S.V. Lyubichankovskiy

Daily routine of the creative process in the diary and letters of LN. Bolshakov

The article analyzes the diary entries of an honorary citizen of the city of Orenburg, a scientist and public figure L.N. Bolshakov, dealing with the specifics of the creative work of an intellectual of the 1980s and 1990s: working correspondence, using libraries, reading newspapers, searching work. The value of the diary and epistolary heritage of L.N. Bolshakov as a historical source on the basis of which it is possible to analyze not only the aspects of the author's biography, but also the features of everyday life and world perception of people of his circle of communication, the intelligentsia of the late Soviet era.

Key words: diaries, Leonid Naumovich Bolshakov, everyday life, intellectuals, historical source, creativity, library, newspapers, correspondence, epistolary heritage.

Леонид Наумович Большаков (1.01.1924 – 9.08.2004) – писатель и литературовед, академик Международной академии гуманизации образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель культуры Украины, лауреат Государственной премии Украины и премии Совета министров УССР им. Павла Ты-

чины «Чувство семьи единой», автор более 60 книг о Л.Н. Толстом, Т.Г. Шевченко, Г.С. Винском, региональных литературных энциклопедий, почетный гражданин г. Оренбурга. С 1984 г. и вплоть до своей кончины мыслитель вел дневник, который находится сейчас в семейном архиве его дочери, Татьяны Леонидовны Большаковой. Можно констатировать, что в российском обществе традиция ведения дневника утрачивается, и массовое для XVIII–XIX вв. явление превратилось в эксклюзив для XX в., особенно второй его половины. Можно сказать, что с дневниками произошла та же метаморфоза, что и с бумажными «длинными» письмами: в силу разнообразных причин их просто перестали писать. Трагедия ситуации заключается в том, что в этот же период в мировой исторической науке явно наметился поворот от истории государств и больших социальных групп к истории отдельного Человека, к истории повседневной жизни [1], т. е. к тем направлениям, для которых источники личного происхождения (дневники, эпистолярное наследие, мемуары) являются особо ценным видом исторических источников. Именно поэтому дневники Л.Н. Большакова представляют особую ценность [2].

Дневники ученого и писателя Л.Н. Большакова становились предметом изучения не раз. На основании этого источника составлено жизнеописание исследователя [3], реконструированы события ежегодного «Шевченковского марта» [4, с. 355–362], рассказано об истории работы над произведениями «Быль о Тарасе» [5] и «Повесть о вечной жизни» [6, с. 237–268]. На основе дневников были подготовлены публикации о сотрудничестве с екатеринбургским (тогда свердловским) журналом «Урал» [7, с. 198–206], с Оренбургской областной библиотекой им. Н.К. Крупской [8, с. 200–224]. Записи в дневнике также рассказали о многих корреспондентах Л.Н. Большакова [9], позволили глазами очевидца увидеть последнюю страницу советской истории [10, с. 152–162].

Но, читая дневниковые записи, отразившие двадцать лет жизни автора, можно выявить информацию не только по конкретным сюжетам жизни и деятельности интеллигента поздней советской эпохи, но и уловить то, как изменилась сама жизнь. Причем не только в плане политическом.

Дневник был начат в 1984-м. Прошло немногим более тридцати лет, но многие детали повседневной жизни и даже, так сказать, «бытовое сопровождение» литературной работы кажутся едва ли не экзотическими. Целью настоящей статьи является восстановление с помощью дневника и эпистолярного наследия Л.Н. Большакова нюансов повседневной жизни творческого работника 1980–1990-х гг.

В самом деле, сегодня многие из нас уже забыли, как в преддверии дня рождения и любого праздника получали телеграммы и письма с поздравлениями, пожеланиями и с каким интересом

вскрывали конверты, доставая оттуда вдвое или вчетверо сложенные листочки-весточки от друзей: сейчас сам способ общения с помощью писем – не электронных, а самых обыкновенных, в разноцветных конвертах с марками – кажется удивительным, и из своих почтовых ящиков мы чаще всего достаем различные счета и рекламные буклеты, а если и попадается конверт, то в нем послание из пенсионного фонда...

Для автора дневника, по его же собственному признанию, «письма являлись составной частью... бытия» [11, 6 мая 1984 г.], и записи в дневнике свидетельствуют, что в письмах корреспонденты нередко обсуждали научные проблемы, спрашивали и получали ответы на вопросы, даже делали друг для друга выписки из книг...

Приведем некоторые примеры.

«В письме попросил Зленко¹ сделать ксерокопию одесской рукописи речи Ж. Карра (вероятно, той самой, которую переводил Винский². В Одессе сохранился именно перевод)» [11, 25 июля 1984 г.]; «Получил еще одно письмо от Зленко... Обязательный он человек. Иногда надолго замолкает, но... не тогда, когда ждешь от него действительно нужной практической помощи. Вот и сейчас послал вдогонку выписку из книги, в которой упомянут Винский. Безусловно, пригодится» [11, 7 августа 1984 г.]; «Обстоятельнейшее письмо от Зленко. Он провел целую серию библиографических изысканий, дабы выяснить все, что печаталось об «Ораторе Генеральных Штатов». Указывает на ряд книг, которые поищу...» [11, 20 августа 1984 г.]; М. Койгельдиев³ прислал ксерокс статьи «Дневник записок плавания» Бутакова. Не признаюсь, конечно, что он у меня уже есть. Но какой молодчина!» [11, 2 декабря 1988 г.]; «Р. Овчинников⁴ отыскал в ЦГИАЛ (бывш. областном) дело о разрешении на вступление в брак отставного подпоручика Г. Винского с лютеранкой. (1779), маленькое (4 л.), но немаловажное: наиболее ранний автограф Винского. Пошлю заявку на копирование. Над книгой о В. ее

¹ Зленко Григорий Демьянович (1934–2015) – заведующий редакционным отделом Одесской библиотеки им. М. Горького, член Национального союза писателей Украины, заслуженный деятель культуры Украины.

² Винский Григорий Степанович (1752–1818) – писатель, мемуарист. Жизни Винского посвящены произведения Л.Н. Большакова. Им также впервые полностью опубликованы записки Винского «Мое время» и его переводы работ К. Массона.

³ Койгельдиев Мамбет Кулжабаевич (1948) – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан.

⁴ Овчинников Реджинальд Васильевич (1926–2008) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор фундаментальных трудов по истории пугачевского восстания, один из авторов-составителей Оренбургской Пушкинской энциклопедии.

расширенным и дополненным изданием надо работать дальше» [11, 12 июня 1989 г.].

Впрочем, те же записи свидетельствуют, что и сам Леонид Наумович никогда не отказывал своим корреспондентам в помощи: «Неожиданное письмо из Минска, от кандидата философских наук Тат. Серг. Протько. Спрашивает сведения о К.А. Чеховиче¹, о коем доселе даже не слыхивал. Пара часов – и без отрыва от дома – нашел с полдюжины статей сего человека, о которых автор книги (будущей) о нем, скорее всего, даже не подозревает. (Сразу же ей написал, ведь ждет) [11, 2 декабря 1988 г.].

Из ежедневника 1992 г. узнаем о том, что Леонид Наумович по просьбе друга – Владимира Анатольевича Дьякова² – «вел разведку по польским делам, особенно по копированию»; «занимался поисками возможностей копирования польских дел. Что-то проклеивается. Как ни странно, самое дешевое – машинопись (можно, оказывается, за 3–4 рубля – страницу.) Надо же – труд машинистки дешевле элементарного машинного труда... (Действительно, странно, и это еще одна «говорящая» деталь времени – С.Л.) [11, 19–20 авг. 1992].

Записи свидетельствуют, что работа была трудоемкой и заняла немало времени: «Польские дела: проясняются возможности микрофильмирования по 1,30 за кадр. Но еще переговорю в Оргтехстрое – пока же написал деловую открытку Дьякову» [11, 21 авг. 1992 г.]; «Через силу посидел в архиве. Польские дела мне сейчас не с руки, листаю без всякого интереса и не знаю, что же отдать на микрофильмирование. Отложил просмотр "на потом". Надо ускорять, а не ускоряется. Невыполненные же обязательства отвлекают от главного» [11, 2 сент. 1992 г.]; «Утром был в архиве: просмотрел еще 8 дел и сделал третий заказ – на 400 с небольшим кадром. Всего заказано немногим более тысячи кадров. Беру тайм-аут, пока не сделает свое дело лаборатория» [11, 28 сент. 1992 г.]; «Дьяков 6 декабря уезжает в Варшаву, жаждет, разумеется, получить микрофильмы, спрашивает о метрических книгах Зеленки³ и его преемников. Все микропленки я уже отдал... для передачи Дьякову...» [11, ноября 1992 г.]. Нельзя не почувствовать самоиронию в

¹ Чехович Карл Андреевич (1832–1902) – физик, педагог, общественный деятель. С 1884 по 1901 гг. был инспектором Оренбургского учебного округа. При его участии стало активно работать Оренбургское отделение Русского Географического общества.

² Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) – российский историк, доктор исторических наук, зарубежный член Польской академии наук, зав. сектором Института славяноведения РАН.

³ Зеленко Михаил Фадеевич (в монашестве Кандид; 1797–1860) – польский ссыльный, ксендз Оренбургской римско-католической церкви. Подробно о нем в Оренбургской Шевченковской энциклопедии.

записи от 21 января 1993 г.: «Странный – и совершенно несовершенный – человек этот Большаков! Собственных – личных – дел у него по верх головы, одних забот о книге (речь идет о трилогии «Быль о Тарасе» – С.Л.), издание которой трещит по всем швам, больше большого, а он идет в архив, чтобы выполнить просьбу друга-товарища – получить заказанные дела, просмотреть их, оформить заявку на микрофильмирование, договориться с исполнителем, да еще радуется – сделал и срочно, и с толком. Теперь подожду исполнения заказа. Черкнул открытку Дьякову: Если надо еще что-то – не откладываете»...

По дневниковым записям 1995–1997 гг. можно представить и процесс работы над Оренбургской пушкинской энциклопедией [12], которую Л.Н. Большаков делал в соавторстве с известным историком Р.В. Овчинниковым. Оба ученых не владели компьютером, да и были они в 1995 г. далеко не у всех. Реджинальд Васильевич печатал статьи на пишущей машинке и пересылал их либо в бандеролях, либо с оказией. «Связными» становились все, кто ехал в Москву. Таким же образом осуществлялась обратная связь, хотя иногда, когда Леонид Наумович приезжал в столицу, ученые работали вместе. Свою часть статей Л.Н. Большаков, как правило, писал от руки, а потом весь материал набирался на компьютере. Компьютерщиком стал внук Леонида Наумовича, который в то время являлся студентом медицинского института. Денис освоил не только набор, но и «секреты верстки», и обработку фотографий и был, что называется, нагружен «по полной».

Вот некоторые записи из дневника 1995 г., рассказывающие о работе над Оренбургской Пушкинской энциклопедией: «ОПЭ: ... Сорок заметок в сентябре – это моя личная "визитная карточка" в начавшейся работе над Оренбургской пушкинской энциклопедией, нащупав (нащупывая) тематику и стиль подачи материалов своего ареала. Требуется прямое сопряжение с Р.В.» [11, 29 сент.]; «Первый визит – к Овчинниковым.... Поговорили об ОПЭ. Показал ему сделанное мною, посмотрел то, что написал Р.В. Хорошо написал...» [11, 27 окт., Москва]; «ОПЭ: Ревизские сказки; заметки о композиторах – Буцко, Каце, Мусоргском, Прокофьеве, Направнике Черепнине, Чайковском, Хренникове (всего аж 11!). Всю эту "порцию" вместе с написанным Овчинниковым и поправленным мною отдал на компьютер... Занимался вступительной статьей. "За основу" ее возьму наше с Овчинниковым вступление к челябинской "Истории Пугачева". Конечно, ее надо расширять, дополнять» [11, 14 нояб.]; «Есть бандероль от Овчинникова с шестью десятками его статей, словником, который он может реализовать "к середине 1997"» [11, 26 дек.].

Цитировать записи можно еще долго, но и приведенные говорят не только о том, какой огромный и разноплановый материал включает в себя Оренбургская Пушкинская энциклопедия, но и позволяют представить сам процесс создания энциклопедического тома, причем «техника работы» над масштабным трудом, удивляет и даже вызывает подчас улыбку, настолько трудоемкой и затратной по времени она была.

Записи в дневнике фиксируют получение писем не только от ученых и писателей, но и от людей, казалось бы, очень далеких по своим профессиональным интересам от литературы. Приведем несколько записей:

«"Урал" переслал мне письмо от Нефтеюганска, от некой Нины Ушаковой. Пишет, несмотря на невзгоды, действительно тяжкие. Просит разрешения прислать свою повесть, писать мне, советовать. Как тут откажешь?» [11, 30 марта 1985 г.]; «Из Ровно пришло письмо от инвалида Отеч. Войны первой группы недвижимого Качанова Николая Григорьевича. "Решил написать Вам слова читательской благодарности за маленькое, но емкое, умное и яркое произведение о столь же яркой личности" – откликнулся он на "Сенатора от штата Сорочинск"» [11, 10 окт. 1986 г.]; «Некий Ф.А. Филимошин вернул меня к Л. Толстому. Он попросил консультацию насчет предков Л.Н. Отошлю его к первому тому гусевских¹ «материалов к биографии», где этому посвящена вся первая глава» [11, 9 дек. 1990 г.]; «Письмо от неизвестного мне библиофила Ключева² из Москвы: вопросы и просьбы. Написал Ключеву» [11, 15 февр. 1992 г.]. Приходили читательские письма, в которых авторы интересовались, не являются ли они потомками героев той или иной книги Л.Н. Большакова: «Написал письмо... А. Мигурскому – военному человеку из Азербайджана, интересующемуся своей родословной...» [11, 14 нояб. 1991 г.]; «Письмо от Мигурского – он писал мне когда-то из Азербайджана. Теперь в военном городке Калужской области. Моральное состояние сквернейшее, но желание восстановить родословную в нем не угасло. И это – вопреки тому, что – как пишет "политический шторм посадил на рифы и расколол столь мощный корабль на мелкие кусочки". Горюет по поводу падения армии, ее развала, ее моральной и военной деградации, но от интереса к фамилии не отказывается. Связать его с Дьяковым?» [11, 6 февр.

¹ Гусев Николай Николаевич (1882–1967) – профессор-литературовед, автор многотомной научной биографии и летописи жизни и деятельности Л.Н. Толстого.

² Очевидно, имеется в виду Ключев Борис Григорьевич (1939–2001) – инженер-конструктор, библиофил и коллекционер, член правления Всероссийской ассоциации библиофилов, им опубликован ряд научно-исследовательских работ по теме «Библиофилия и библиофилы Москвы».

1993 г.]. Заметим, что нередко читатели задавали вопросы или обращались за помощью по телефону. («Звонил потомок Зарубина-Чики из Тюмени. Он лелеет надежду подтвердить свою близость к знаменитому пугачевцу и надеется на мою помощь – путем соединения меня с Овчинниковым...» [11, 24 марта 2003 г.]; «Вечером позвонил некий Белокрыс из Москвы. Названная им фамилия насторожила: некогда переписывался с носителем оной, вроде бы даже с Дальнего Востока. «Возможно, мой отец – он тоже занимался краеведением...». Заинтересовало его авторство (и автор) пространенной народной песни, а также поэмы «Ермак». Ответить на заданные вопросы я не смог, но попросил сразу же изложить все вопросы в письме, чтобы я мог их обдумать и ответить не наспех, а наведя необходимые справки» [11, 13 мая 2003 г.].

На наш взгляд, связь «писатель – читатель» также является яркой особенностью «истории повседневности» и свидетельствуют о том, что, во-первых, профессия писателя была уважаемой и автор понравившейся книги становился авторитетом; во-вторых, обращения к писателю было делом обычным, в-третьих, даже в тяжелейшие 90-е гг. XX в. у людей не угас интерес к литературе, книге.

Сегодня в это сложно поверить, но в советское время о проведении подписной кампания говорили гораздо больше, чем об избирательной. В почтовых отделениях лежали толстенные, похожие на энциклопедические, тома – каталоги периодических изданий; подписку осуществляли по предприятиям и учреждениям. Какие-то издания буквально навязывались, другие, несмотря на миллионные тиражи, выписать было сложно. К примеру, чтобы выписать «Аргументы и факты», нужно было просить содействие в райкоме партии.

В восьмидесятые годы XX столетия в почтовом ящике Л.Н. Большакова были и ежедневные газеты, и еженедельники «Аргументы и факты», «Литературная газета», «Книжное обозрение»; в течение нескольких лет приходили журнал «Огонек» и «Роман-газета», толстые литературные журналы. До сих пор на книжных полках домашней библиотеки стоят переплетенные произведения из «Знамени», «Нового мира», «Дружбы народов». В дневниковых записях находим множество комментариев к прочитанному в газетах и журналах, иногда даже вклеенные из них строки:

- Придут газеты – прочту глазами. На слух многое не воспринимается в полной мере..... [11, 28 янв. 1987 г.]

- Газеты дают обильную пищу для раздумий, хотя удары критической волны излишне концентрированы и массивны; печать торопится сразу, без передыху сказать обо всем, о чем долгие годы, практически всегда, было принято молчать... [11, 23 мая 1987 г.]

- Оглушает читаемое.... В «КО» («Книжном обозрении» – С.Л.) полоса о поиске одного из «друзьбинцев» (сотрудника журнала

«Дружба народов» – С.Л.), восстанавливающего имена всех писателей, уничтоженных в годы Сталина. Сотни и сотни людей... Какая страшная бухгалтерия, какой ужасающий мартиролог!.. [11, 8 июня 1988 г.]

В 90-е гг. объем подписки на периодические издания становился все меньше: дорожали они, что называется, не по дням, а по часам, а главное – не всегда выписанные журналы приходили в срок, а то и вовсе внезапно прекращали свое существование, обманывая тем самым подписчиков.

- В июле вполне вероятно – и даже совершенно точно – я впервые в сознательной своей жизни не буду получать прессу. Не переподписался, не продлил подписку ни на одно издание. Деньги, деньги... О чем пишу?! Унижающее время!.. [11, 18 июня 1992 г.]

- ... совершенно случайно увидел в киоске «Литературную газету», о существовании которой напрочь забыл. А ведь когда-то без газеты Чаковского (многолетнего главного редактора «ЛГ» – С.Л.) существования своего не представлял. Она была истинным зеркалом и литературы, и политической жизни, вообще всего духовного, интеллектуального в державе. Сейчас же, когда державы нет, зеркалу отражать нечего... и в купленном номере не выделил для себя ровным счетом ни-че-го... Обидно за литературу, за культуру, за страну несчастную. Конечно, этой увесисто-претенциозной газетой больше не соблазнусь... [11, 8 марта 2002 г.]

Картинка, зафиксированная на дневниковой странице от 8 декабря 1996 г., сегодня кажется нереальной: «Утром – библиотека... толпа у входа, еле проник сквозь строй алчущих знаний...». В настоящее время такое представить сложно. Сегодня в поисках книги чаще всего обращаются к компьютеру. Чего проще: зайти на сайт, кликнуть мышкой и читай на здоровье или распечатывай.

Между тем в дневниках Л.Н. Большакова очень часто встречаются записи о работе в библиотеке. Вот только некоторые: «Отправился в библиотеку и взял книги, нужные для ссылок в рукописи (возможно, и для вставок) [11, 15 февр. 1984 г.]; «Нет под рукою нужных книг по теме работы – например, "Путешествий..." Макшеева или "рассказов проезжего" Небольсина. Москвичи-ленинградцы не поверят, что можно работать, не имея книг. А я так работаю всю жизнь» [11, 3 апр. 1984 г.]; «Столкнулся с затруднениями в получении литературы: "Салтыковка" (библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге – С.Л.) отказала в присылке книги А. Макшеева. Без нее застрял мой "Поход". Получить бы к сентябрю» [11, 5 июля 1984 г.]; «Был в библиотеке и ушел, огорченный тем, что книги А. Макшеева нет, больше того – ее даже не перезаказывали... (после ленинградского заказа)... А «Поход» (работа, для которой требовалась книга, – С.Л.) хотелось бы закончить с прицелом на

публикацию в 1985. Как тут закончишь?! Эх, провинция-провинция, вот когда ее особенно чувствуешь...» [11, 30 авг. 1984 г.].

В дневниковых записях нередко встречается аббревиатура МБА, пожалуй, непонятная многим сегодняшним исследователям. Между тем межбиблиотечный абонемент был весьма востребован: необходимую книгу можно было заказать в другой библиотеке.

- Позвонили из МБА: наконец-то прибыла книга А. Макшеева «Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю» могу вернуться к повествованию «Поход» – о Шевченко; оно застряло как раз из-за отсутствия этой книги, которая никак не прибывала (зато приходили отказы на нее) [11, 18 сент. 1984 г.].

- ...был в библиотеке: нашел и просмотрел оказавшийся у нас «Вестник Европы». Из очерка «Первая любовь поэта» не почерпнул ничего. И подумалось: не оказалось бы журнала здесь – выписывал бы по МБА, добивался копий и т.д. Такова судьба человека, работающего вне больших библиотечных центров. Многого мне тут не хватает... [11, 13 мая 1985 г.];

- По МБА пришла книга, нужная для работы над «Винским» [11, 29 апр. 1985 г.].

- В МБА узнал, что заказанных мною книг нет и поныне. До чего же ненадежен сей источник материалов для работы! А ведь был он в недавнем прошлом достаточно надежным... [11, 24 мая 1990 г.].

- Надо мной «висела» книга, полученная по МБ... Выписал ее ради портрета и нравов Оренбурга шевченковской поры. Ни того, ни другого – в сколько-нибудь приемлемом виде – не обнаружил. Со штудированием сего источника справился в полчаса. А ждал книгу не один месяц. Издержки периферии! [11, 27 сент. 1990 г.]

Судя по записям, и в восьмидесятые, и даже в девяностые годы ХХ в. существовала проблема ксерокопирования: обычные ксерокопии нужно было заказывать и ждать выполнения работы.

«Побывал в библиотеке, забрал ксерокопии страниц из книги А. Макшеева» [11, 23 окт. 1984 г.]; «Через МБА получил микрофильм с книгой Макшеева. То, что пленка, не радуется никак. Трудно работать – аппарата под рукой нет» [11, 6 окт. 1988 г.]; «Только к концу первой половины дня занялся штудированием книги, которую надобно вернуть в МБА, – тут медлить нельзя, откладывать, тем паче. Какому богу молиться, чтобы решена была проблема ксероили любого другого копирования! До чего же мы отстали от цивилизации!» [11, 10 окт. 1988 г.]; «По МБА не прибыло ничего. Скопировали страницы двух из трех прибывших ранее книг. Упросил сделать и третью. Не перестаю вздыхать об элементарной технике копирования материалов. Все проблема... Занимаюсь главой о Бутакове и теми страницами "Бутакова", которые я не отдал на ксерокопирование. Сделал, что нужно» [11, 24 окт. 1988 г.]; «По МБА

пришла книга Бутакова, одновременно оказалось и несколько отказов. Печатание кадров микрофильма кн. Макшеева обошлось мне архидорого, но важно, что эти страницы налицо» [11, 31 окт. 1988 г.]; «Отнес книги в библиотеку. Пытался сделать ксерокопии, но, оказалось, что и без того дорогая плата за страницу (2 р.) подскочила в два с половиной раза (до 5 р.). Забастовал....От бесплатного до абсурдного – один шаг. Для этих целей поищу все же бесплатное [11, 19 мая 1992 г.].

Ежедневники восьмидесятых и даже девяностых годов ХХ в. позволяют представить и «технику работы» над тем или иным произведением. Написанный от руки текст отдавался машинистке, затем вычитывался и в зависимости от количества правки «перебеливался» еще раз. Приведем записи, воссоздающие отдельные детали работы писателя за письменным столом.

«Почти утратив надежду на ротапечатавание, взялся за перенос правки написанного о Терьяне из одного экземпляра в три других. Перенес, но как будет не хватать полноценных экземпляров! С машинки принес "Оренбургские эскизы" и прочел их в течение вечера. К "Неделям перед бессмертием" они примыкают полнейше. Так и давать надо – вместе, единым целым...» [11, 4 июля 1984 г.]; «Отдал на перепечатку часть Комментария – то, что успел поправить и дописать. Продолжаю вычитывать и доделывать...» [11, 29 янв. 1985 г.]; «Отдал на машинку часть материалов "Были о Тарасе": последующие главы и вставки. Всего написано 400 машинописных страниц. Мучаюсь над продолжением – главами еще орскими. Одну все-таки начал. Доверился "руке". Может быть, она выведет. Но вечер не лучший "госприемщик" – оставил до утра» [11, 3 мая 1988 г.].

Таким образом, анализ дневников Л.Н. Большакова позволяет понять, что в качестве исторического источника их можно использовать далеко не только для реконструкции и уточнения основных вех жизненного пути Леонида Наумовича, что является хоть и важной, но достаточно узкой задачей для исторической науки в целом. Дневники и переписка Л.Н. Большакова способны внести вклад в реконструкцию жизни творческого работника со всеми ее нюансами, временными и даже материальными затратами. Помимо этого, содержание анализируемых записей позволяет уточнить на конкретном примере реальное влияние смены эпох (1980–1990-е гг.), а именно в этот период они и создавались, на наши представления о поздней стагнации СССР и «лихих девяностых». Детали повседневной жизни рубежа эпох позволяют лучше понять духовный мир интеллигента поздней советской эпохи.

Список литературы

1. Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы анналов к российской философской школе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. История. – № 1. – С. 8–22.
2. Любичанковский С.В. Дневник как исторический источник (на примере дневника Л.Н. Большакова) // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та: электр. науч. журн. – 2016. – № 4. – С. 142–152.
3. Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012.
4. Большаков Л.Н. Шевченковский март: как это было (Публ. Т.Л. Большаковой) // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 355–362.
5. Большакова Т.Л. «Быль о Тарасе» Леонида Большакова: от замысла к книге. – Уфа: ИЦ Уфим. филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013.
6. Большакова Т.Л. Книга о вечной жизни: история создания и издания произведения // Тарас Шевченко снова рядом с нами / авт.-сост. Т. Большакова, Н. Науменко. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2014. – С. 237–268.
7. Большаков Л. «Сегодня снова был в «Урале» (из дневник. зап.) // Урал. – 2013. – № 8. – С. 198–206.
8. Большаков Л. Записки читателя (вступит. ст. и подготовка к публ. Т. Большаковой) // По волнам нашей памяти: сб. материалов, посвящ. 125-летию обл. универ. науч. б-ке им. Н.К. Крупской (сост. Т.А. Камскова, Т.Н. Савинова. – Оренбург: РИО ОУНБ им. Н.К. Крупской, 2013. – С. 200–224.
9. Большакова Т.Л., Любичанковский С.Л. Леонид Большаков: на связи с миром и людьми. – М.: ФЛИНТА, 2016.
10. Любичанковский С.В. Конец советской эпохи глазами очевидца (на материалах личного дневника Л.Н. Большакова) // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та: электр. науч. журн. – 2017. – № 2. – С. 152–162.
11. Семейный архив Т.Л. Большаковой. Дневник Л.Н. Большакова.
12. Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочери». Исследователи и интерпретаторы / авт. и сост.: д-р ист. наук Р. В. Овчинников, акад. Л. Н. Большаков. – Оренбург: Печ. дом «ДиМур», 1997.

References

1. Pushkareva N.L., Liubichankovskii S.V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole* [Understanding the history of everyday life in a modern historical study: from the School of Annals to the Russian philosophical school] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. 2014. T. 4. Istoriia. № 1. P. 8–22.
2. Liubichankovskii S.V. *Dnevnik kak istoricheskii istochnik (na primere dnevnika L.N. Bol'shakova)* [Diary as a historical source (on the example of LN Bolshakov's diary)] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. 2016. № 4. P. 142–152.
3. Bol'shakova T.L., Liubichankovskii S.V. *Leonid Bol'shakov: avtoportret na fone epokhi* [Leonid Bolshakov: self-portrait against the background of the era] / T. L. Bol'shakova, S. V. Liubichankovskii. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2012.

4. Bol'shakov L.N. *Shevchenkovskii mart: kak eto bylo* [Shevchenko's March: how it was] // *Vos'mye Bol'shakovskie chteniia. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Eighth Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: a collection of articles of the international scientific and practical conference]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016. P. 355–362.

5. Bol'shakova T.L. «Byl' o Tarase» Leonida Bol'shakova: ot zamysla k knige ["Narrative about Taras" of Leonid Bolshakov: from the plan to the book]. Ufa: ITs Ufimskogo filiala MGGU im. M.A. Sholokhova, 2013 g.

6. Bol'shakova T.L. *Kniga o vechnoi zhizni: istoriia sozdaniia i izdaniia proizvedeniia* [A book about eternal life: the history of the creation and publication of the work] // *Taras Shevchenko snova riadom s nami* [Taras Shevchenko again next to us] / Avtory-sostaviteli T. Bol'shakova, N. Naumenko. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 2014. P. 237–268.

7. Bol'shakov L. «Segodnia snova byl v «Urale» (iz dnevnikovyykh zapisei) ["Today was again in the Urals" (from diary entries)] // *Ural*. 2013. №8. P.198–206.

8. Bol'shakov L. *Zapiski chitatelia* [Notes of the reader] (vstupit. stat'ia i podgotovka k publ. T. Bol'shakovoi) // *Po volnam nashei pamiaty: sb. materialov, posviashch. 125-letiiu obl. univer. nauch. b-ke im. N.K. Krupskoi* [On the waves of our memory: Sat. Materials, ded. 125 anniversary of the region] (sost. T.A. Kamskova, T.N. Savinova. Orenburg: RIO OUNB im. N.K. Krupskoi, 2013. P. 200–224.

9. Bol'shakova T.L., Liubichankovskii S.L. *Leonid Bol'shakov: na sviazi s mirom i liud'mi* [Leonid Bolshakov: in connection with the world and people]. M.: FLINTA, 2016.

10. Liubichankovskii S.V. *Konets sovetskoj epokhi glazami ochevidtca (na materialakh lichnogo dnevnika L.N. Bol'shakova)* [The end of the Soviet era through the eyes of an eyewitness (on the materials of L.N. Bolshakova)] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, Electronic Scientific Journal]. 2017. №2. P. 152–162.

11. *Semeinyi arkhiv T.L. Bol'shakovoi. Dnevnik L.N. Bol'shakova* [Family archive of TL Bolshakova, Diary of LN Bolshakov].

12. *Orenburgskaia pushkinskaia entsiklopediia: Puteshestvie – 1833. Realii "Istorii Pugacheva". Prototipy "Kapitanskoi dochki". Issledovateli i interpretatory* [Orenburg Pushkin Encyclopedia: Travel - 1833. Real History of Pugachev. "Prototypes of the" Captain's Daughter. "Researchers and interpreters] / Avt. i sost.: d-r ist. nauk Ovchinnikov R. V., akad. Bol'shakov L. N. - Orenburg: Pech. dom "DiMur", 1997.

Сведения об авторах

Бенда Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Веретенко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: avokilog@mail.ru

Каминский Валерий Владимирович, PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminskij.valera@yandex.com

Крылов Павел Валентинович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, научный сотрудник; e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета, Оренбург, Россия; e-mail: svlubich@yandex.ru

Мельникова Дарья Андреевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: 31020307d@gmail.com.

Северцева Ольга Валентиновна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: oseverseva@mail.ru

Семёнов Алексей Михайлович, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: amsemenov92@gmail.com

Солодянкина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, olga_solodianskin@mail.ru

About authors

Benda Vladimir N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Independent Department of History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: bvn.1962@mail.ru

Golikova Svetlana V., Doctor of historical Sciences, leading research fellow, Institute of history and archaeology Ural branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: avokilog@mail.ru

Kaminsky Valeriy V., PhD in History, independent researcher (Ashdod, Israel); e-mail: kaminsckij; e-mail: valera@yandex.com

Krylov Pavel V., Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Researcher; e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Levashko Vadim O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Lyubichankovskiy Sergey V., Doctor of History, Professor, Head of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia; e-mail: svlubich@yandex.ru

Melnikova Darya A., postgraduate at the Department of history, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: 31020307d@gmail.com

Semenov Aleksey M., postgraduate at the Department of history, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: amsemenov92@gmail.com

Severtseva Olga V., postgraduate at the Department of history, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: oseverseva@mail.ru

Solodyankina Olga Y., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of History and philosophy Cherepovets State University; e-mail: olga_solodiankin@mail.ru

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of Department of History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (4)

На обложке размещена репродукция картины
В.Е. Маковского «Две матери. Мать приемная и родная», 1905–1906,
Самарский областной художественный музей

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 27.09.2017. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Agial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1382

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10